

BBC

DOCTOR WHO

SHROUD OF SORROW

Tommy Donbavand

BBC

ДОСТОЯЩО

Покров скорби

ТОММИ ДОНБАВАНД

Перевод с английского Алексея Глушкова

BBC
BOOKS

Содержание

[О книге](#)

[Об авторе](#)

[Посвящение](#)

[23 ноября 1963](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[20 августа 1929](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[20 августа 1929](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[22 октября 1962](#)

[30 сентября 3006](#)

[Благодарности](#)

О книге

Сегодня следующий день после убийства Джона Ф. Кеннеди, и повсюду лица мертвецов. Констебль Редж Кренфилд видит своего почившего отца в тумане на Тоттерс-Лейн. Журналистка Мэй Келлон видит покойную бабушку в кофейном пятне на своём столе. Специальный агент ФБР Уоррен Скит находит давно умершего напарника смотрящим на него из капель на оконном стекле.

После этого лица начинают говорить, кричать... и пробиваться в наш мир. В то время как инопланетный Покров начинает питаться горем скорбящего мира, сможет ли Доктор копнуть достаточно глубоко в собственную печаль ради спасения человечества?

Об авторе

Томми Донбаванд — автор серии из 13 книг под названием «Scream Street», опубликованной по всему миру на более чем дюжине языках, и обладатель премии Хакни 2011 года за лучший рассказ. Родившись в Ливерпуле, сейчас Томми живёт в Ланкашире вместе с семьёй и набирающим количеством домашних питомцев. Сон он считает пустой тратой отличного времени для написания литературных произведений.

*Посвящается Аррану и Сэму,
которые смотрят приключения Доктора со мной*

23 ноября 1963

Констебль Редж Кренфилд завернул за угол на Тоттерс-Лейн. Луч его фонаря прорывался сквозь туман. Сегодня он был густым, «как гороховый суп», как сказал бы его отец, будь он ещё жив.

К тому же, он был холодным. Редж посильнее закутался в куртку, надеясь, что ребята в полицейском участке не забудут на этот раз подогреть чайник. Он не хотел в такую ночь возвращаться в участок к холодной кружке. Но хотя бы улицы были тихими этим вечером. Все сидели по домам и смотрели новости из Америки. Да, неприятное дельце.

Сейчас по графику был не его патруль. Он в последнюю минуту поменялся сменами со своим собутыльником, констеблем Ролингсом, который утверждал, что заболел гриппом. Реджа он в этом не убедил. Фред был здоровым, как лошадь; за всё то время, что они знали друг друга, он даже ни разу не страдал насморком. Сержант Клаф настаивал на том, что всё это связано с тем, что произошло вчера вечером, когда Фред вернулся в участок бледным как полотно, болтая о «людях в тумане, которых на самом деле не было». С большей долей вероятности он заскочил в «Розу и корону», к примеру, и переборщил с рюмками, но за последние несколько месяцев Фред много раз подменял его, чтобы тот смог навестить своего папу.

Редж поймал себя на мысли, что он снова думает об отце. Прошло уже две недели. Две недели с тех пор, как он утас, меньше чем через полчаса после вечернего визита Реджа в дом престарелых. Он как будто намеренно сдерживал смерть, пока его единственный сын не сядет благополучно в автобус № 91 обратно домой, прежде чем направиться к Вратам рая.

Не то чтобы его отец верил в какую-либо форму жизни после смерти. По правде говоря, он ходил в церковь в канун

Рождества только потому, что пообещал матери Реджа делать это после её кончины.

— Если бы существовала загробная жизнь, я бы узнал, — дразнил он раньше. — Будучи живой, твоя мать не переставая ворчала на меня, так что ничто бы не остановило её от возвращения из могилы.

Конечно, теперь его папа ушёл к своей маме. Где бы это место ни было.

Редж даже не был в курсе, пока на следующее утро не позвонил из участка в дом престарелых, чтобы узнать, хорошо ли отцу спалось ночью. В его комнате не было телефона, поэтому сотрудники дома не могли никак связаться с ним. Конечно, смысла в проведении телефонной линии теперь вообще нет.

Свет его фонарика промчался по деревянным воротам свалки Формана, и Редж остановился проверить, надёжно ли они закрыты. Ходили слухи, что в любое время дня и ночи рядом с воротами бродили подростки, однако отчётов о проникновении не было, и ничего не пропадало. Но это всё равно не означало, что свалка станет пристанищем школьников, в то время как они должны быть дома с семьями. Только не на его посту.

— Реджи...

Редж развернулся, махая в разные стороны фонариком, словно фехтовальной шпагой.

— Кто там?

— Реджи!

Редж дрогнул. Это было не смешно. Единственным человеком, кто когда-либо называл его так, был его папа. Кто бы это сейчас ни делал, ему придётся объясниться.

— Я сказал: «Кто здесь?»

После чего его фонарик выявил лицо. Оно потихоньку вырисовывалось из густого тумана. Казалось, оно не было прикреплено к чему-либо.

— Это констебль Кренфилд, — объявил он. — Назовите

себя!

— Реджи, это я!

Редж почувствовал, что его ноги превратились в желе, заставляя его опереться о ворота свалки, чтобы устоять.

— Папа?

Лицо обрело более чёткую форму, когда ветром сдуло больше сгустков тумана. Без тени сомнения, это был отец Реджа.

— Папа! — прохрипел он, когда внезапно высох его рот. — Папа, я... Я не...

— Ты бросил меня, Реджи.

— Что?

— Ты бросил меня той ночью. Бросил умирать одного.

Ноги Реджа отказали, и он откинулся на ворота, звеня цепью на замке.

— Нет... Ты не понимаешь!

— Я был один, Реджи. Страдал в одиночестве. Я даже не мог позвать на помощь.

— Н... Но, пап... — сказал Редж, пытаясь сдержать слёзы. — Я должен был успеть на последний автобус. Ты знаешь, приезжая увидеть тебя, я всегда сажусь на него... *садился* на него. Ты же знаешь.

Лицо подплывало ближе, разбухая из тумана, становясь всё реальнее с каждой проходящей секундой.

— Ты не представляешь, каково это, Реджи, — произнесло лицо, чьё выражение трансформировалось в злую насмешку. — Быть брошенным своей семьёй. Быть оставленным в одиночестве теми, о ком заботился всю свою жизнь!

— Всё было не так! — зарыдал Редж. Его слёзы теперь текли беспрепятственно. — Если бы я знал, я бы остался. Клянусь!

— Остался бы посмотреть, как я умираю?

— Да. Н... Нет! В смысле, я остался бы, чтобы позвать на помощь тебе!

— Но ты не остался, Реджи. После всего, что я сделал для

тебя!

— Папа, пожалуйста... — голос Реджа был тише шёпота.

Лицо рванулось вперёд с широко открытым ртом и оскалом по направлению к нему. Редж бросил фонарик на землю и прикрыл глаза руками.

— Нет! НЕТ!

И потом лицо покойного отца констебля Реджа Кренфилда закричало.

Глава 1

Двигатели ТАРДИС застонали, как утомлённый пенсионер, когда синяя будка поднималась — по дюйму за раз — над громадным бурлящим водоворотом. Огромные волны врезались в друг друга при нарастающей буре и разбрызгивала массу бледно-зелёной пены, залетавшей через открытую дверь в комнату управления... и отдававшей лёгкий запах авокадо.

В гуще всей этой воды и пены находилась цепь. Большая, толстая, крепкая цепь. Один конец был намотан вокруг нижней части консоли, откуда она, натянутая, как цирковой канат, тянулась наружу через дверь и вниз в благоухающую волну прибоя. Металлические звенья закрипели в знак протеста, когда ТАРДИС взлетела чуточку выше, поднимая наконец полную массу того, что было присоединено к другому концу.

— Что-нибудь? — обратился Доктор. Он промок насквозь, был покрыт с головы до пят мыльной пеной и раздвинул ноги у основы консоли для захвата. Суставы его пальцев побелели, поскольку он тянул назад рычаг с синей рукояткой, призывая корабль набрать ещё большую высоту.

Крепко ухватившись за телефон позади одной из дверей ТАРДИС, Клара осторожно наклонилась над водой и отважилась взглянуть вниз на цепь, исчезавшей в пенящейся изумрудной буре под ними.

— Пока ничего! — крикнула она в ответ. С её волос стекала вода и попадала ей в глаза. Она рискнула отпустить одну руку от двери, чтобы убрать их.

ТАРДИС летела сейчас под углом, близким к 45 градусам. Один просчёт, и Доктор знал, что он последует по цепи за дверь и в воду вниз, не успев произнести «Альфава Метраксис». Вращая колесо на соседней панели, он протянул

свободную руку и щёлкнул переключателями, мучая уже и так ревущие двигатели.

— Давай, секси! — призвал он. — Я знаю, ты справишься!

— Спасибо за комплимент, — сказала Клара. — Я не знала, что тебе не всё равно.

Доктор покраснел и отпустил переключатели на достаточно долгое время, чтобы нежно похлопать консоль.

— Прости, дорогая, — прошептал он. — Я имел в виду тебя, а не её. Честное слово.

И снова цепь закрипела под тяжестью. Доктор бегло и осторожно осмотрел её, задаваясь вопросом, достаточно ли крепкий металл он выбрал для поставленной задачи. Для настоящего большого работы он хранил цепь из сплава карликовой звезды, но, чтобы притащить из кладовой, потребовалось бы десять таких, как он, а у него не было времени позвонить и устроить такое.

— Вот! — воскликнула Клара. — Я вижу корабль. Он почти на поверхности.

— Хорошо! — крикнул Доктор. — Потянем... ещё... один... раз! — Сжав зубы, он опустил ещё один рычаг, перенаправляя ещё больше энергии к двигателям корабля. — Ну, теперь в морозилке всё размораживается...

Цепь громко лязгнула, когда очередное металлическое звено скользнуло через порог, расщепляя древесину и заставляя Клару держаться крепче, чем когда-либо. Она смахнула с глаз свои длинные, тёмные волосы, обрызгивая двери ТАРДИС смесью грязи и пены. Казалось, эта каша практически вырисовывала очертание лица. Она посмотрела на него на мгновение. Оно выглядело практически как...

ТАРДИС накренилась, и Клара прислонилась спиной к двери, уничтожая плечом узор. Она ещё раз взглянула вниз. Под её ногами вздымался и кипел океан ароматных волн. Было дико странно думать об этом: здесь меньше тридцати минут назад она становилась на колени на том, что было твёрдой, горячей землёй.

Вдруг сквозь колонки на консоли затрещал голос.

— Доктор! Ты там? Это Пенни...

Доктор переместился, чтобы щёлкнуть переключателем, который активирует микрофон, но потом понял, что обе его руки были заняты удерживанием ТАРДИС. Вздыхнув, он наклонился вперёд и передвинул переключатель в положение «включено» своим подбородком.

— Прив-в-в-е-е-ет, Пенни! Это Доктор, слышу тебя чётко и ясно. Как ты?

— Всё под контролем, слава богу, — пришёл ответ. — Мы взошли на борт «Картера» как раз до того, как наводнение настигло нас. Однако пришлось бросить большое количество инструментов.

— Инструменты можно заменить, — ответил Доктор. — Людей нельзя. Ну, есть одна планета, где можно, но мне запрещено возвращаться туда. Долго рассказывать. Пытался вернуть потерявшую товарный вид австралийскую бортипроводницу без её разрешения.

Затем, после неожиданного крена назад, ТАРДИС выпрямилась, и цепь ослабла.

— У нас получилось! — завизжала Клара. — Они вышли!

Доктор толкнул рычаги в свои изначальные положения, после чего поспешил присоединиться к спутнице. Там, поднимаясь из воды, чтобы зависнуть в воздухе, находился разведочный крейсер второго класса, космический корабль «Говард Картер». Корабль был маленьким, создан скорее для рейса до близлежащей планеты, чем для межзвёздного перелёта. Из тонированных окон кабины признатьельно махала его команда из трёх человек.

Профессор Пенелопа Холройд заговорила в гарнитуру. Её голос всё ещё доносился эхом из колонок на консоли.

— Ты спас наши жизни, Доктор, — сказала она. — Как мы можем начать благодарить тебя?

— Не стоит благодарностей, — ответил Доктор. — Мы делаем подобное постоянно.

— Просто обычный день в офисе для нас, — засмеялась

Клара.

— Ну, у тебя в кармане благодарная команда археологов, — сказала Пенни.

— Как корабль? — спросил Доктор.

Профессор Холройд сверилась со вторым пилотом, перед тем как ответить.

— Вода временно вырубила один из наших двигателей, но мы сможем запустить его.

Доктор улыбнулся.

— Приятно слышать.

— Счастливого пути, — обратилась к ней Клара.

— Спасибо, — сказала Пенни. — Отпускаю ваш захватный крюк.

Раздался *глухой* звук, и клешни на передней части «Картера» выпустили толстую цепь. Доктор выхватил звуковую отвёртку и выстрелил через плечо. На консоли повернулся переключатель, и цепь начала заматываться внутрь ТАРДИС.

Освободившись от спасательного троса, космический корабль «Говард Картер» не спеша повернулся в воздухе и зажёг единственный оставшийся ускоритель, исчезая в облаках мелкого тумана, образованного бурным морем. Доктор и Клара стояли в дверном проёме, махая, пока корабль не исчез из виду — потом они захлопнули дверь ТАРДИС и повернулись друг к другу.

— Это, — рявкнул Доктор, — полностью твоя вина! — Он сорвал с себя промокший насквозь сюртук и перебросил его через плечо, затем потопал обратно к консоли, от начала до конца пути хлюпая ботинками.

Клара не отставала от него.

— Что ты имеешь в виду, моя вина?

Доктор с яростью ввёл координаты на клавиатуре консоли.

— Я вправду наслаждался внизу. Но — о, нет — тебе надо было прийти и всё разрушить!

— Я разрушила?

— Да, — огрызнулся Доктор, не взглянув наверх. — Ты всё разрушила. И намочила мою бабочку!

— Ты хотя бы чистый, — сказала Клара. — Полчаса назад ты был по уши в грязи. Мы оба были.

— Это называется археология, — сказал Доктор, разворачиваясь к ней. — Она *предполагает* то, что ты должна запачкаться. Это часть веселья.

— Ну, мне что-то было невесело!

— И ты решила, чтобы мы все узнали об этом, да? — Доктор поднял руки, открывая и закрывая пальцы, как будто управляя парой кукол.

— О, Доктор! Мне так скучно, а мои джинсы все в грязи! — сказала одна рука. Доктор имитировал голос Клары. — Уа-а-а!

— Ну, а почему бы тебе не вернуться в ТАРДИС, пока мы не закончим? — сказала другая рука-Доктор.

— Нет, — ответила рука-Клара, — потому что ты, как всегда, потеряешь счёт времени и продолжишь веселиться на всю катушку без меня.

Клара пристально смотрела на руки Доктора.

— Предполагается, что одна из них — я?

Доктор поднял левую руку.

— Эта.

— Значит, другая — это ты?

— Да.

— Подбородок слишком маленький, — сказала Клара, перепрыгивая в глубине комнаты вниз через ступеньки и начиная снимать свою мокрую одежду.

Доктор перевёл взгляд с одной руки на другую, затем опустил их по швам.

— Всё равно тебе не обязательно всё портить, — пробормотал он, быстро повернувшись, когда он понял, что Клара переодевалась. — Не можешь сделать это в гардеробе

ТАРДИС?

— Нет, не могу, — ответила Клара. — Это ты придумал хранить запасной комплект одежды на крайний случай в комнате управления, помнишь? К тому же, если я удалюсь в гардероб, то могу по пути разрушить тебе ещё что-нибудь.

— Быть саркастичной тут ни к чему, — сказал Доктор, нахмурившись. Он откинул назад рычаг полёта, с куда меньшим хрипом от усилий, чем раньше, и центральная колонна начала подниматься и падать.

— Сарказм — это низшая форма остроумия, знаешь ли. Хотя, надо сказать, я однажды встречал сонтаранца-юмориста, который мог бы поспорить.

— Я до сих пор не понимаю, что сделала не так, — сказала Клара. — Я всего лишь нажала на несколько кнопок.

— Вот именно!

— Но я же не знала, что они высушили целое море для раскопок, верно?

Доктор отмахнул свои сырые волосы от глаз, а потом понюхал свои пальцы.

— Мамочки, — улыбнулся он. — Я немного пахну фруктами! — Суровое выражение его лица вернулось на место. — По-твоему, почему район Венофакса, где мы копали, назывался полуостровом Океан?

— Не знаю, — пожала плечами Клара. — Я подумала, его назвали в честь того, кто открыл его. Дейв Океан, например?

— *Дейв* Океан? — спросил Доктор, подняв бровь.

— А откуда мне знать? Ты не говорил мне, что я сидела рядом с пультом управления шлюзами!

— Я не видел в этом необходимости, — сказал Доктор, порхая с одного конца консоли на другой и вращая диск. — Я не думал, что ты начнёшь нажимать на кнопки как попало.

— Я искала раздатчик воды.

— Ну, один из них ты точно нашла.

— Ладно, — вздохнула Клара. — Я нажала не на те кнопки, но что за дела с этой пеной и целым морем, пахнущем

авокадо?

— В этом всё дело! — воскликнул Доктор, вновь меняя положение, чтобы настроить диск. — Никто не знает! Венофаксоны вымерли. Поэтому профессор Холройд и её команда потратили несколько месяцев и много денег, осушая море, чтобы они смогли произвести раскопки под ним и узнать, что происходило. А потом пришла ты...

Переодевшись в сухую одежду, Клара взобралась на уровень консоли и рухнула на сиденье рядом со ступеньками, сложив руки. Некоторое время никто из них не говорил. Единственными звуками были скрипучее гудение двигателей и периодическое нажатие переключателей, когда Доктор манипулировал настройками. Удовлетворившись, что всё идёт гладко, он схватил с противоположного сиденья запасной сюртук и пропал в проходе наверху.

— Потому я изначально и хотел поучаствовать, — отозвался он в комнату управления. — Подумай об этом. Целый мир, покрытый пенным морем. Потрясающе! Нам необходимо было только найти планету, населённую десятиметровыми утками, и свести их.

Несмотря на своё настроение, Клара засмеялась.

— Не забудь громадную губку! — сказала она. — Наверняка, понадобится размером с синего кита.

Доктор вернулся сухим, как спичка, и улыбнулся Кларе, но выражение лица быстро пропало.

— В чём дело? — спросил он. — Я думал, мы возвращаемся к норме.

— Так и есть, — сказала Клара. — Ну, насколько нормально возможно в этом месте.

— Тогда почему ты плачешь?

— Что? — Клара коснулась пальцами своих щёк. Они были влажными от слёз. — Я не знаю. Почему я плачу?

Ни с того ни с сего от консоли полетели искры. Доктор подскочил и рассеял появившиеся клубы дыма.

— Что случилось? — спросила Клара, подбежав к нему.

— Не имею ни малейшего понятия, — сказал Доктор. — Погоди, нет, имею. — Он протёр ладонью поверхность консоли. Она промокла. — Думаю... Думаю, ТАРДИС тоже плачет.

— Глупость какая, — усмехнулась Клара. — Это просто вода с пеной. Она, наверно, брызнула сюда, когда ты намотал цепь.

Доктор облизал кончики пальцев.

— Нет, — сказал он. — Та пахло авокадо. Эта солёная — как слёзы. — Он задумался на секунду, затем обернулся к Кларе. — Ты сказала ТАРДИС что-то бессердечное, пока я переодевался?

— Нет! Конечно, нет.

— Ты назвала её жирной?

— Что?

— Потому что она не жирная. Она просто больше внутри, чем снаружи.

— Ты сошёл с ума. Ты же понимаешь это, да?

— Ну, не может же она плакать без причины.

— Почему? — потребовала ответа Клара. — Я тоже плачу, но ты не спрашиваешь у неё, называла ли она меня пухленькой.

Очередной поток искр отправил их укрываться под консолью. Когда Доктор высунулся, он обнаружил перед собой показание, прыгающее взад и вперёд с пугающей скоростью.

— Нет-нет-нет-НЕТ! Он вскочил на ноги и начал лихорадочно действовать над пультом управления.

— Что такое? — спросила Клара, выглядывая через край консоли.

— Из-за слёз ТАРДИС закоротило рулевой регулятор.

— Это не слёзы! Возможно, это конденсат или ещё что-нибудь.

— Чем бы это ни было, оно отклоняет нас от курса. — Доктор использовал рукав, чтобы вытереть консоль, но это

мало что изменило. — Ага! — выкрикнул он, заметив шарф вокруг шеи Клары. Он выхватил его, чтобы довести дело до конца.

— Эй! — крикнула она.

— Это за промокшую бабочку.

После этого пол трянуло со знакомым гулом, и консоль затихла.

— Мы приземлились, — сказал Доктор.

— Где? — спросила Клара. — Когда?

— Я не уверен... — Доктор засеменил к монитору. Экран зашипел на него серой массой статического электричества. Затем, сперва слабо, начало формироваться лицо из случайных частиц в центре дисплея. Лицо, которое он очень давно не видел.

— Астрид!

— Астрид? — повторила Клара, поторопившись к нему. — Что ещё за Астрид?

Доктор быстро выключил экран, сделав паузу на долю секунды, чтобы собраться с мыслями.

— Пустяк, — сказал он, отворачиваясь от монитора. — Временные схемы стали шаткими, вот и всё. Они не дадут нам достоверную информацию, пока я их не починю. До тех пор существует только один способ узнать, где и когда мы.

Он поскакал по лестнице и распахнул дверь.

— Чудесно! Это больница, — выкрикнул он. — Самое место для Доктора.

Клара вышла из ТАРДИС и закрыла за собой дверь. Он улыбнулась молодой женщине, пронёсшейся мимо неё с букетом цветов.

— Красивые, — сказала она. — Наверняка, они приукрасят чей-то день.

Женщина посмотрела в ответ так, как будто её оскорбили, а потом удрала, уставившись глазами под ноги.

— Мне тоже приятно познакомиться, — сказала вслед ей Клара. — Доктор...

Но Доктор уже шагнул прочь по коридору, и Клара была вынуждена увернуться от шмыгающей медсестры, чтобы догнать его.

— Смотри, — сказала она, указывая на памятную надпись на стене за сестринским постом. — «Добро пожаловать в мемориальную больницу Парклэнд». Я слышала об этом месте раньше.

— Правда? — сказал Доктор. — Откуда?

— Я не помню, — сказала Клара, когда к ним приблизился мрачный швейцар, который вёз в инвалидной коляске столь же угрюмого пациента. — Однако я сомневаюсь, так как она выиграла награду за самую весёлую больницу года.

Доктор вскинул руку, останавливая швейцара, и наклонился, чтобы поприветствовать человека в коляске.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Доктор. Как Вы сегодня?

— Бывало лучше, — проворчал старик. — Всем нам бывало.

— Да, полагаю, именно поэтому Вы и в больнице. Могу я спросить, в каком мы городе?

Старик подозрительно взглянул на него.

— В каком городе?

— Да. Это, э-э... проверка умственного восприятия. Просто чтобы убедиться, что у Вас нет травмы или чего-нибудь другого. А даже если есть, неважно. Некоторые из лучших людей, что я знаю, понимаете... немного того. Взять, к примеру, Изамбарда Кингдома Брюнеля. Тот ещё неадекват. Он построил все эти мосты только потому, что боялся ходить на уровне земли. Утверждал, что феи кусали его лодыжки.

Швейцар нахмурился.

— Вы точно доктор?

— Вполне, — лучезарно улыбнулся Доктор. — Собственно...

— Он порывлся в карманах сюртука и достал стетоскоп, который повесил на шею. — Вот, видите?

— Тогда что не так со мной? — настойчиво спросил старик.

Доктор выхватил звуковую отвёртку и провёл быстрое диагностическое сканирование тела мужчины.

— Камни в почках, — объявил он, изучая результаты. — Пейте большое количество жидкости, и будете в полном здравии через несколько дней.

— Значит, ничего серьёзного, — сказала Клара, нагнувшись, чтобы предложить старику свою широчайшую улыбку. — Можете теперь сказать, в каком мы городе?

— Меня от вас, люди, тошнит! — грубо ответил старик. Он повернулся к швейцару. — Увезите меня отсюда!

— У меня что, шпинат в зубах застрял? — спросила Клара.

Доктор схватил газету из заднего кармана швейцара, когда пациента увозили.

— Если было бы так просто отделаться, — сказал он, изучая первую страницу.

— Ну, почему-то же они все купили билет в один конец в Ворчуновилль!

— Может быть, поэтому, — сказал Доктор, передавая газету. Это была газета «The Dallas Morning News».

На первой странице была размещена фотография человека, которого Клара помнила по школьным урокам истории. Над ней находился резкий, прямолинейный заголовок. Она прочитала его вслух.

— «Кеннеди убит на улице Далласа». — Она вздохнула. — Но это значит...

— Да, — сказал Доктор, указывая на дату в верхней части страницы. — Сегодня 23 ноября 1963 года. Мы в Далласе, штат Техас, на следующий день после убийства президента Джона Ф. Кеннеди.

Глава 2

Мэй Келлон отодвинула в сторону стопку бумаг, скрестила руки на столе и опустила голову, в последний раз пытаясь поспать. Ночь была долгой — самой долгой, которую она помнит за пять лет работы в «Morning News». Эту ночь она не забудет, как бы она ни старалась. Но, как и прежде, сон не шёл.

Её донимали изображения и звуки, как и каждый раз со вчерашнего дня, когда она закрывала глаза. На Дили-Плаза падал яркий солнечный свет, когда люди охотно ждали появления кортежа. Президент Кеннеди, его жена и губернатор Конналли махали толпе. Сама же Мэй стояла на носочках, чтобы получше рассмотреть президента. Её карандаш царапал поверхность блокнота. Затем мелькнуло — далеко вправо и выше. Похоже, из школьного книгохранилища. Щёлкнуло — словно хлыстом. Потом снова мелькнуло. И ещё раз. И эти крики. Боже правый, эти крики.

Мэй заставила себя сесть и открыть глаза. Сама она не видела, как пули попали в президента и губернатора Конналли: перед ней столпилось слишком много людей, — но она говорила с людьми, которые видели. То, что они описали, было ужасно. Ей было необходимо записать это для репортажа в утреннем издании. Всё это засело у неё в голове, как будто она лично была свидетелем, и она была в печали не одна. Со всего офиса слышались всхлипывания, поскольку вчерашние события оказали полный эффект.

Она задвинула обратно своё кресло. Если она не будет спать, то она может поработать. Предстояло написать статью о первых двадцати четырёх часах президентства Линдона Б. Джонсона, и, если она собиралась взяться за неё без сна, нужен будет кофе. Она пересекла офис, пытаясь избежать Кеннеди, смотрящего с первых страниц газеты, копии

которой лежали на столе каждого коллеги-журналиста. Возможно, если она не посмотрит на фотографию, образы в голове смогут немного рассеяться.

Когда она обзавелась кофе, она вернулась к своему столу, ловко избегая очередного разговора «Разве это не ужасно?» с одним из младших редакторов. Она поставила свой кофе на то же место, что и всегда, добавив ещё одно кольцо к украшающим древесину пятнам за несколько лет, перевернула газету, чтобы Кеннеди больше не имел возможности смотреть на неё, и пододвинула печатную машинку.

Она успела напечатать лишь заголовок, «Присяга на самолёте», когда на клавиши упал большой коричневый конверт.

— Забудь про статью о Джонсоне, — сказал её редактор Бен Парсонс. — Я отдаю её Джиму.

Мэй удивлённо посмотрела на начальника.

— Джиму? — уточнила она. — Разве у него не достаточно работы со спортивными страницами?

Бен вздохнул.

— Думаешь, несколько следующих дней в них кто-нибудь заглянет?

— Пожалуй, нет.

— Джим — хороший парень. — сказал Бен. — Он хочет переехать на этаж новостей. Написание истории Джонсона поможет.

— И что же это такое? — спросила Мэй, потянувшись открыть конверт. Бен опустил свою руку на её, чтобы остановить.

— Это... кое-что неприятное, — сказал он. — Кадры материала, отснятого каким-то человеком по фамилии Запрудер. Вчера он был на противоположной стороне улицы от тебя, и он заснял всё на плёнку. Всё.

— Что? Как тебе удалось раздобыть их так быстро?

— Журнал «Life» оформил срочный заказ компании

«Kodak» на их проявление, — ответил Бен. — Они планируют опубликовать их на этой неделе, и при условии, что мы не украдём их эксклюзив, я получил разрешение от друга оттуда на их использование тобой. Он прислал их сегодня утром.

Мэй выглядела удивлённой.

— Почему я?

— Оглянись, — ответил Бен. — Я не могу верить ни одному из этих писак, что они не пойдут в центр города с этими фотографиями. Они получают с их помощью большое, полное крови предложение. Но тебе я доверяю.

— Это... очень любезно, — сказала Мэй.

Бен усмехнулся.

— Я делаю это не затем, чтобы быть любезным, Мэй. А потому, что это моя работа. Относишься к ним с уважением, а людям после такой проклятой неразберихи нужно именно это — немного уважения. А не противное шоу мерзавцев.

Мэй подождала, пока Бен не ушёл, прежде чем отхлебнуть кофе и открыть конверт. Повернув его на 180 градусов, она вытащила фотографии, которые показались сначала своей белой стороной. Спустя пару секунд она собралась с духом и перевернула их.

Они были всем тем, чего она опасалась. Подлинная запись секунда за секундой убийства президента Джона Ф. Кеннеди. Дрожащими руками она просмотрела кадры. Президент Кеннеди, машущий толпе. Президент Кеннеди, поднимающий руки, чтобы ухватиться за горло. Жаклин Кеннеди, направляющаяся к раненому мужу. Затем — о, Господи — голова президента Кеннеди. Это просто... Это...

Мэй откинула фотографии в сторону. Её глаза были полны слёз. Она протянула руку за кофе, сделала большой глоток и хотела было поставить кружку обратно, когда её внимание привлекло нечто необычное. Пятно от кофе на её столе. Она раньше никогда не приглядывалась к нему. Но теперь присмотрелась. Теперь, когда появился самый новый след от этой чашки кофе, пятно превратилось в лицо. Лицо её покойной бабушки.

Вытирая с глаз слёзы, Мэй поставила кофе на другой конец стола и изучила пятно. Схожесть с бабушкой Бетти поражала. Коричневые мазки в центре были такими же, как её глаза — добрые, тёплые и озорные. А кривые линии наверху, которые были всего лишь частями колец от пролитого кофе, образовывали её кудри волос. Она всегда стригла их и укладывала одинаково, раз в месяц без задержки — запросто! И рот. Рот, который принадлежал Бетти. Поджатые губы, улыбающиеся и ругающие в одно и то же время. Готовые как похвалить, так и отчитать.

Мэй прижала руку к своему рту и засмеялась. Если бы она не перестала посещать церковь вскоре после кончины бабушки Бетти, то она назвала бы это чудом. Теперь же единственное слово для этого было... ну, у неё не было другого слова, кроме как странность. Она должна была попросить Фила принести свою камеру и сделать снимок...

— Почему тебя там не было?

Мэй замерла.

— Кто это сказал?

— Кто, по-твоему, девчонка?

Мэй уставилась на пятно.

— Б... Бабушка?

Не может быть! Нет — не должно быть! Лицо бабушки Бетти на её столе двигалось!

— В больнице, Мэй. Почему тебя там не было? В самом конце?

Мэй отвела глаза от невероятного видения и оглядела редакцию в поисках человека, который бы смотрел, как она купится на этот больной розыгрыш — или чем это было. Но все усердно работали. Никто даже не смотрел в её сторону.

Ладно, значит, это не розыгрыш. Наверно, недосыпание. Да, именно оно. Её разум начинал подшучивать над ней. Либо это, либо она сходила с ума. Но что, если — просто что, если — это происходило на самом деле? Был только один способ узнать...

Она снова посмотрела на свой стол.

— Мне надо было в Вашингтон, бабушка. Для газеты. Куба угрожала запуском ракет...

— Ты всегда ставила работу выше своей семьи! — с гневом ответило пятно.

Мэй почувствовала, как её глаза снова становятся мокрыми.

— Я пыталась вернуться домой, бабушка. Когда сказали, что тебе осталось недолго. Но в аэропорте имени Даллеса была какая-то проблема с радаром. Всё было задержано. Я не смогла вылететь.

— После всего, что я для тебя сделала! Практически вырастила тебя, когда твой никудышный отец изменил, а твоя мама из-за этого стала пить и прочее. Ты намеренно бросила меня помирать в одиночестве!

Мэй вздрогнула от такого заявления.

— Что? Нет, я...

— Надеюсь приехать домой уже к полному доступу к счёту бабушки Бетти, а?

— Нет! Бабушка, я всегда заботилась только о тебе!

Медленно лицо из кофейного пятна начало выпячиваться из стола — дерево растягивалось и деформировалось, пока оно приобретало трёхмерную форму. Плохо стёртые зёрна исказились в морщинистую кожу старушки, и тёмные, пустые впадины углубились там, где должны быть её глаза и рот. И этот рот продолжал шевелиться, говорить и обвинять.

— Вы ни капли не заботились обо мне, Мэй Луиз Келлон. Вам лишь нужны были мои деньги.

— Нет, это неправда!

Голова уже почти полностью сформировалась. Скорченное очертание швырнуло бумаги Мэй на пол.

— Бабушка Бетти, — зарыдала она. — Ты должна мне поверить!

Затем рот старухи широко раскрылся — шире, чем способен открыться любой человеческий рот, — и она начала

кричать.

Мэй отпрыгнула назад, толкнув остатки чашки кофе со стола. Проснулся инстинкт, и она попыталась поймать кружку, пролив горячий кофе на свою оголённую руку, из-за чего она закричала. Она вскочила на ноги и неповреждённой рукой схватила печатную машинку, с силой обрушив её на макушку скорченного лица.

— Нет! Нет! Нет! — воскликнула она. Снова и снова она колошматила видение, пока, в конечном счёте, оно не отступило обратно в стол, оставив после себя лишь кофейное пятно.

К тому времени, как она откинулась на спинку кресла и зажала ладонью красный ожог на своей руке, весь офис перестал работать и смотрел на неё.

Глава 3

Окно, откуда предположительно стрелял снайпер в президента Кеннеди, находилось на шестом этаже Техасского школьного книгохранилища — ровно на пять этажей выше, чем хотел забраться агент ФБР Уоррен Скит.

Он взглянул через дверь на более молодых и здоровых агентов, рыскающих по Дили-Плаза в поисках зацепок, доказательства, которое поможет завести дело на молодого человека, задержанного полицией за совершение вчерашнего злодеяния. За ними, по другую сторону кордона, стояла толпа ошеломлённых и плачущих зевак, жаждавших своими глазами увидеть место трагедии.

Уоррен знал, что мог попросить заменить его одним из младших агентов, привлечь в свою пользу годы опыта и звание и получить непьющую работёнку под солнцем, пока кто-нибудь другой будет обыскивать шестой этаж, но тогда бы он соглашался с тем, что слишком стар и не в той форме, чтобы карабкаться по лестнице. Поначалу так казаться не будет, но рано или поздно он приедет на работу и найдёт конверт, приклеенный к дверце его шкафчика, и его карьера будет окончена.

Однако он мог отложить подъём. Он мог пойти пораньше на обед в «Бар Дона», где горячий бутерброд с сыром и тонизирующий глоток скотча всегда творят чудеса и поднимают его настроение. Всегда оставался риск, что там окажется начальник — в этом был недостаток пребывания в так называемом «баре бюро», — но при условии, что бутерброд он съест быстро, а скотч спрячет, у него не было причину унывать. Не в состоянии решить, он выбрал позволить вселенной принять решение за него и вытащил из кармана монету. Орёл за скотч, решка за лестницу...

Проклятье! Ему выпала лестница.

Уоррен начал свою службу неопытным полицейским уже почти сорок лет назад. Благодаря превосходному послужному списку и быстрому продвижению по командной лестнице, его вскоре заметили и приняли в Бюро. В былые времена у него был напарник — парень примерно того же возраста, — но он был полной противоположностью. У Джoka были жена и дети, счастливая семейная жизнь — всё, о чём можно было мечтать. Брак самого Уоррена продлился меньше года, и он не стремился попытаться снова для разнообразия. Джок говорил, у их развода есть одно положительное качество: у Уоррена и Шерли не было детей. Между ними никто не встревал, не было необходимости оставаться, практически не разговаривая, с женщиной, которая бросила его ради местного мясника — из всех долбанных людей. Да... Некому позвонить ему на день рождения или день отца. Некому дать ему веский повод сохранять квартиру в чистоте или умирить его пьянство.

Тем не менее, то, чего ему не хватало в своей жизни, он получил через Джoka. Семья его напарника с распростёртыми объятиями приветствовала его у себя дома. Они даже купили раскладушку для подвала, чтобы ему не приходилось ехать домой после поздней игры в карты или если он и Джок отмечали закрытие дела парой кружек пива. Несмотря на его одинокое семейное положение, он не мог вспомнить такого, чтобы ему пришлось проводить Рождество или День благодарения в одиночестве. По крайней мере, до того дня воскресенья в аэропорту.

Уоррен дошёл до лестничной площадки третьего этажа и остановился перевести дух, хотя, наверно, точнее было бы сказать «остановился на ужасный приступ кашля». Он чувствовал, как в его груди бьётся сердце, а его рубашка прилипла к спине от пота. Он никогда не был самым подтянутым парнем в команде: Джок и здесь обыгрывал его. И он часто стал интересоваться, было ли бы всё иначе, если бы он занимался бегом вместо проведения выходных на диване с банками пива и сетевыми играми.

Распространилась молва, что планировалась крупная

встреча главарей бандитов — прямо здесь, на их территории. Некоторые из важнейших гангстеров страны прилетят в Даллас. Для голодных агентов вроде Уоррена и Джока всё выглядело так, будто кто-то отдавал им на блюдечке с голубой каёмочкой половину самых разыскиваемых людей Соединённых Штатов.

Ребята наблюдали за аэропортом два дня, прежде чем увидели свою первую цель. Новенький главарь банды из Нью-Джерси по имени Пинки Брэдфорд. С ним была пара головорезов, и, судя по выпуклостям под их куртками, они были вооружены. Итак, план состоял в том, чтобы проследить за ними до гостиницы, а после застать их врасплох. Во всяком случае, такой план ожидал Уоррен.

Джок не хотел покидать аэропорт, на случай если неожиданно прилетят другие имена из списка и тех задержат их агенты-конкуренты. Поэтому он последовал за Брэдфордом и его людьми на стоянку такси и попытался арестовать их собственноручно. К тому времени, когда Уоррен понял, что делает его напарник, было уже поздно. Он бежал на звук выстрелов, быстрее, чем когда-либо, но всё равно было чувство, что всё происходило в замедленном действии. Когда он вышел из здания терминала, Джок лежал на земле и умирал. Уоррен выпустил несколько очередей и задел одного из ребят Брэдфорда, однако он ничего не мог сделать для своего напарника.

После похорон Уоррен несколько раз пытался посетить жену и детей Джока, но атмосфера быстро охладилась. Он знал, они не имели права судить его за смерть Джока: он понятия не имел, что его друг затеял действовать настолько быстро, — но они были в ярости от того, что он не поступил как следует и не умер вместе с напарником. С того дня Уоррен работал один и на куда меньших делах. Прошли дни задержания бандитов. Теперь он проводил большую часть своего времени, гоняясь за мелкими жуликами и мошенниками. Если бы не потребность данного расследования в «свистать всех наверх», то, без сомнения, он бегал бы за кофе для своих коллег.

Когда он достиг шестого этажа, начал идти дождь. Пара криминалистов как раз заканчивала работу, складывая своё оборудование. Они обменялись весёлым взглядом при виде покрасневшего лица Уоррена.

— Привет, Скит! С тобой всё хорошо? Выглядишь ты не очень.

— Я в порядке, — грубо ответил Уоррен. — Вы, ребята, уже закончили играть со своими кисточками для макияжа?

Ребята из лаборатории исчезли с едва скрытыми насмешками, оставив Уоррена одного. Он подождал несколько минут, пока его неровное дыхание не успокоилось, а потом направился к окну, которое предположительно было использовано стрелком. Всё место было до сих пор покрыто дактилоскопическим порошком, так что, приняв меры предосторожности, чтобы не коснуться чего-нибудь важного, он подошёл к окну и наклонился с целью получить лучший вид на площадь под ним. Боже, расстояние было большим. Этот парень, видимо, умел хорошо стрелять, раз...

— Привет, старина!

Уоррен развернулся в ожидании увидеть ещё одного криминалиста, готового высмеять его, но он был один. Кто-то из них, наверно, оставил здесь полицейскую рацию или что-то такое. Он обратился к окну... и увидел Джок, смотрящего на него.

Нет, это был не Джок. Это был просто узор дождя на оконном стекле, но он выглядел как Джок. В точности как Джок. И он двигался!

— В чём дело, приятель? — произнесло жидкое лицо. — Нечего сказать своему напарнику?

У Уоррена перехватило дыхание в горле.

— Джок? — прохрипел он.

— Единственный и неповторимый, здоровяк! — ответили капли дождя. — Я бы спросил, как ты поживаешь, но я и сам вполне себе вижу.

Уоррен снова оглянулся, наполовину ожидая увидеть свой

стремительно охлаждающийся труп на верхних ступеньках лестницы. Но отбойный молоток в его груди говорил ему о том, что он был ещё весьма жив. Следовательно, в этом замешан один из других агентов.

— Ладно, очень смешно, ребята! — заорал он. — Кто бы это ни делал, ты больной ублюдок!

— Никто ничего не делает, дружище! — сказал Джок. — И уж тем более ты.

Уоррен повернулся к своему мёртвому напарнику.

— Что ты имеешь в виду?

— Где было моё прикрытие, старый приятель? Где ты был, когда начали лететь пули?

— Я бежал к тебе на помощь! — закричал Уоррен.

— Я подглядывал! — злобно засмеялся Джок. — Единственное место, где ты пробегал, было счётом в баре. Ты оставил меня в беде, Скит. Ты оставил меня умирать!

Уоррен протянул руку, надавив ладонью на внутреннюю сторону оконного стекла. К чёрту отпечатки пальцев.

— Ты не можешь винить меня за это, — сказал он. — Я... Я не был готов. Ты действовал в одиночку!

— Ты бросил меня! — зарычал Джок. Стекло в окне стало выпячиваться внутрь, и Уоррен отскочил, отстранив руку, словно она была обожжена. — Ты должен был прикрывать, а ты бросил меня!

— Нет, нет... Всё было не так! — Уоррен начал пятиться, но лицо продолжало выходить, вытягиваться в здание, пока оно не стало напоминать полностью сформировавшуюся голову.

— И я прекрасно знаю, почему ты оставил меня принимать удар, — заревел Джок. — Всё это время, что ты проводил у меня дома с Кэти и детьми, ты хотел их забрать себе. Ты должен был вывести меня из общей картины, чтобы заполучить себе мою семью!

Уоррен чувствовал, как слёзы щипали его глаза.

— Как ты можешь такое говорить? — воскликнул он. — Я бы никогда так с тобой не поступил. Ты был моим

напарником! Ты был моим другом!

Стеклянное лицо исказилось: его черты из дождевых капель сливались вместе, образуя ухмылку.

— *А ты* был причиной моей смерти!

— *Нет!* — Уоррен схватил коробку книг и швырнул её в лицо. Коробка разбила окно, с тяжёлым грохотом приземлившись на шесть этажей ниже.

Тут же затрещала рация Уоррена.

— Агент Скит! Вам требуется помощь? Повторяю, Вам требуется помощь?

Уоррен выглянул из разрушенного оконного стекла на молодых агентов, которые глядели на него снизу, и отцепил свою рацию от пояса.

— Никак нет, — ответил он. — Помощь не требуется. Я, эм... Я споткнулся и налетел на стопку коробок. — Он вытащил из кармана монету и собирался подбросить её, когда вдруг остановился и, поглазев на неё секунду, со вздохом сунул обратно в карман. — Просто скажем, что выпала решка, — сказал он себе. — Я иду на долгий обед с алкоголем.

Глава 4

— Следующий!

Мэй приподняла мокрую ткань с ожога на своей руке на достаточно долгое время, чтобы заглянуть под неё и сделать гримасу, после чего она последовала за голосом и вошла в кабинет доктора.

Персона, сидящая за столом, оказалась не тем, что она ожидала увидеть. К примеру, его верхняя одежда была пурпурной, а не белой, хотя на его шее всё-таки висел стетоскоп. А когда он заговорил, его акцент был британским.

— Здравствуйте! — бодро сказал он. — Я Доктор. А сегодня ещё и врач. Как интересно! Это моя подруга, сестра Клара. — Он указал на девушку, прислонившуюся к стене в конце комнаты, которая весело помахала рукой. Одета она была совсем не как медсестра.

— Я, эм... обожгла свою руку, — сказала Мэй. — Женщина из отделения неотложной помощи отправила меня сюда, но я не уверена, что попала куда надо.

— Конечно, Вы попали куда надо, — засиял Доктор. — Очевидно, я доктор, а у Вас — а-а-а. — Он замолчал, посмотрев на Клару. — Как Вы считаете, сестра, «А-а-а» — подходящее слово для такого случая?

— Рано судить, — ответила Клара, — пока мы хотя бы не изучим пациентку. Может так же легко оказаться «ой».

— Очень точно подмечено — прямиком в лучшие ученики класса! — Доктор развернулся кругом на кресле, вновь представ лицом к лицу с Мэй. — Как Вас зовут?

— Мэй. Мэй Келлон.

Угловатое лицо Доктора озарила широкая улыбка.

— Итак, Мэй Келлон. Как насчёт того, чтобы взглянуть на

Ваш ожог?

Мэй аккуратно убрала мокрую ткань и показала гневную красную отметину на левой руке. При её виде Клара сделала резкий вдох.

— Вот это, — сказал Доктор, наклонившись, чтобы рассмотреть получше, — определённо «ой». Ты заметила, Мэй, что форма ожога немного напоминает лицо?

Эффект был мгновенным. Мэй упала на пол, тяжело зарыдав. Доктор откинулся на спинку кресла, широко и тревожно раскрыв глаза, а Клара поспешила обнять плачущую девушку.

— Может быть, у тебя и есть стетоскоп, — прошипела она, помогая Мэй сесть обратно на стул, — но твой врачебный такт — отстой!

Доктор выглядел шокированным.

— Что я такого сказал? — беззвучно пошевелил он губами.

— Я не знаю, — ответила Клара. — Но за сегодня ты уже нас обоих заставил плакать. Нас трёх, если считать ТАРДИС.

— Всё хорошо, — шмыгнула носом Мэй, вытирая глаза здоровой рукой. — Вы не сказали ничего такого, чтобы расстроить меня. Просто это лицо выглядит в точности как моя бабушка Бетти.

Доктор с шумом подкатил своё кресло к Мэй.

— Бабушка Бетти, да? И окажусь ли я прав, если подумаю, что бабушка Бетти скончалась? — Он приготовился к ещё одному приступу слёз, но его не было. Мэй просто кивнула.

— Откуда ты это узнал? — спросила Клара.

— Называй это удачной догадкой, — ответил Доктор. Он вытащил странный на вид медицинский инструмент и взял Мэй за левое запястье. — Позволишь?

Мэй снова кивнула. Доктор нажал на кнопку на том, что он держал, из-за чего приспособление издало пронзительный свист и испустило яркий зелёный свет. Когда свет пронёсся над выпуклой кожей, созданное ожогом лицо начало двигаться. Глаза резко раскрылись, а рот собрал складки в

неприятную усмешку.

— Нет! — закричала Мэй. — Это снова происходит! — Она попыталась вытащить своё запястье из захвата Доктора, чтобы скрыть лицо из виду, но тот крепко держал руку.

— Я сделаю тебе больно, девчонка! — проворчало лицо бабушки Бетти, выпячиваясь из кожи на руке Мэй. — Я сделаю тебе очень больно! Я заставлю тебя заплатить за каждый момент, когда ты жаждала моих сбережений!

— Но мне они не были нужны, — заревела Мэй. — Я просто хотела, чтобы ты поправилась.

Лицо искривлялось, росло в размере и выглядело для всего мира так, словно из-под кожи на руке Мэй пытается выбраться из заключения пожилая женщина.

Клара посмотрела наверх и встретила взглядом с Доктором.

— Доктор?

— Разумный ожог! — заявил Доктор. — Травма, которая умеет говорить! Рана со своим взглядом! — Его глаза зажглись на последней аналогии. — Это для меня новинка.

— Так что же нам делать?

— То же, что делаем всегда, — сказал как ни в чём не бывало Доктор. — Мы дадим ему шанс. — Он повернул руку Мэй так, чтобы уже почти полностью сформировавшаяся голова обратилась лицом к нему.

— Меня зовут Доктор, — сказал он. — Кто или что ты?

Лицо обратило свои алые глаза к Доктору.

— Я бабушка этой девушки, разумеется.

— Нет, — сказал Доктор, покачав головой. — Чем бы ты ни был, ты абсолютно точно не бабушка Бетти, если только, конечно, бабушка Бетти не родилась в далёком мире и не пропутешествовала тысячи световых лет, чтобы прийти сюда и основать семью...

Он опустил руку Мэй, когда внезапно к нему на ум пришла мысль.

— Это ведь не так, верно?

Мэй моргнула сквозь слёзы.

— Что? Нет!

— И она не была из пластика? С рукой, которая открывалась щелчком, и внутри находилось оружие?

Мэй смотрела на незнакомца так, будто он сошёл с ума.

— О чём Вы говорите?

— Значит, видимо, нет! — Доктор вновь приподнял то лицо к своему. — Итак, я хотел бы услышать правду. Кто ты, и чего ты хочешь?

Лицо со злостью зашипело и начало погружаться в кожу на руке Мэй.

— О, нет, не смей! — закричал Доктор, подвергнув Бетти медицинскому инструменту и вытаскивая лицо наружу. — Очень грубо уходить посреди разговора! А теперь скажи, кто ты такой.

Когда лицо вновь заговорило, его голос изменился. Он был низким, более гулким, и, казалось, он шёл из каждого уголка комнаты одновременно.

— Покров устроит себе пир!

— Покров... — сказал Доктор. — Никогда о вас не слышал. Сколько вас здесь? И что за пир?

Прежде чем Покров смог ответить, открылась дверь в кабинет, и вошла женщина средних лет с короткими, практичными волосами. На ней был белый халат, и на её шее тоже висел стетоскоп.

— Что вы делаете в моём кабинете? — потребовала она ответа.

Доктор выключил зелёный свет.

— Всё в порядке, — сказал он уверенно. — Я Доктор.

— Нет, — возразила женщина. — Я доктор.

Клара, улыбнувшись, вскочила на ноги.

— А я медсестра, — сказала она, протягивая руку, — но я на данный момент под прикрытием, в штатском.

Женщина опустила взгляд на Мэй, которая пожала

плечами.

— Я не знаю, кто это и о чём они говорят. Я просто пришла сюда вылечить свой ожог.

— И посмотри, что с ним стало! — воскликнул Доктор. Мэй посмотрела на свою руку и увидела, что Покров уже исчез. Остался только первоначальный ожог формы лица.

— Я спрошу вас снова, — произнесла настойчиво женщина, — и на этот раз я ожидаю услышать правду. Что вы, люди, делаете в моём кабинете?

Глаза Доктора расширились.

— В *Вашем* кабинете? О! В таком случае Вы, должно быть... — он направил кресло обратно за стол и начал рыться в стопках бумаг. — Доктор Маири Эллисон. О-о-о, хорошее имя! Маири! — Он произнёс его несколько раз, пробуя разные интонации. — МАИри! МайРИ! МАИРИ! Имя такое шотландское, что можно пережевать его! — Он вскочил и поцеловал воздух по обе стороны лица растерянного врача. — Я крайне рад познакомиться с Вами, Маири! У Вас здесь миленький кабинет, но вот Ваш стол не помешало бы прибрать.

— Ох, что ж... Хорошо, — сказала доктор Эллисон. — Я правильно расслышала, что Вы тоже доктор?

— Всё верно, — засиял Доктор, покачивая конец стетоскопа в воздухе. — Я тоже доктор.

— Это всё равно не объясняет, что вы делаете в моём кабинете.

— А! Ну... — Доктор посмотрел на Клару в поисках объяснения, но она лишь пожала плечами. — Я, эм... Именно! Да! Я хотел узнать второе мнение.

— О чём?

Доктор снова схватил запястье Мэй и показал рану доктору Эллисон.

— Что думаете об этом?

Доктор Эллисон вытащила из кармана халата очки и надела их.

— Это ожог, — сказала она, изучая отметину. — К тому же, довольно противный. — Она взглянула на Мэй. — От чего он? Кофе?

Мэй кивнула.

Доктор Эллисон сняла очки.

— Да, так я и думала. В прошлом году с моей рукой случилось нечто похожее.

— Правда? — спросил Доктор, крутя в свободной руке странный медицинский инструмент. — Но вопрос в том, могли ваш ожог делать так?

Он испустил вспышку зелёного света и снова начал вытаскивать лицо бабушки Бетти из руки Мэй. Оно начало яростно рычать.

Доктор Эллисон отошла назад в ужасе.

— Что это?

— Это? — спросил Доктор, подняв причудливый прибор. — Называется звуковая отвёртка. Она использует звуковые волны, раскачивающие редкий кристалл, который можно найти только в...

— Не это, — прервала его доктор Эллисон, указывая на бабушку Бетти. — Это!

— О, их зовут Покров, — сказал Доктор, — но, за исключением этого, я понятия не имею. Однако я точно знаю, что он должен быть немедленно скрыт от глаз. Как думаете, сможете перевязать рану Мэй для меня? В это время я сделаю всё возможное, чтобы держать под контролем Бетти.

Потряхивая с одной настройки звуковой отвёртки на другую, Доктор выпускал одно излучение на выпятившееся лицо за другим, пока одна из них не привела к желаемому результату заставить Покров отступить в руку Мэй.

— Сейчас! — закричал Доктор, удерживая отвёртку.

Доктор Эллисон схватила со своего стола аптечку и дрожащими пальцами положила на ожог кусок марли. Затем она начала накладывать бинт вокруг руки Мэй, чтобы закрепить её.

— Это сработает? — спросила Клара Доктора. — Если лицо будет скрыто из виду, оно оставит Мэй в покое?

— Ни малейшего понятия, — ответил Доктор. — Но на данный момент это лучшее, что я могу придумать. Покров должен быть причиной того, почему ТАРДИС вообще привезла нас сюда, но...

Его слова заглушились пронзительным криком из коридора. Он мельком улыбнулся Кларе.

— Они играют нашу песню, дорогая.

Клара протянула руку.

— Не желаешь исполнить квикстеп по коридору?

Парочка выбежала из кабинета, за которой последовали доктор Эллисон и Мэй. Рана на её руке теперь была полностью забинтована.

— Сюда! — воскликнул Доктор, убегая в направлении крика. Но он сделал всего несколько шагов, когда раздался второй крик, и шёл он с противоположного направления.

Доктор остановился, обернулся на второй крик, а затем развернулся к первому. Громкость обоих росла, и каждый звучал столь же срочным, как другой. Он прыгал с ноги на ногу, с беспокойством покачивая звуковой отвёрткой.

— А-а-а!

— В ситуациях вроде этой не помешало бы два Доктора! — воскликнула Клара.

— Но у нас и так два доктора, — сказала Мэй.

Доктор повернулся на месте и схватил Мэй за плечи.

— Да! — воскликнул он. — Конечно! Гениально! Мы можем разбиться на команды! Мэй и я будем командой А... Доктор Эллисон — Маири — ты и Клара можете быть командой С.

— Что случилось с командой В? — спросила Клара.

— Никогда не имей команду В, — сказал настоятельно Доктор. — Она как план В, всегда второй по качеству. В то время как план С и, как следствие, команда С — обычно результат свежего мышления.

— Команда С может обозначать «команда Клары», — предложила Клара.

Доктор подмигнул.

— Тогда команда С рулит!

На этих словах он схватил Мэй за руку и побежал по направлению к первому крику.

Доктор и Мэй нашли первоначальный источник крика в одной из палат в родильном отделении. Им оказалась молодая беременная женщина со светлыми волосами, которые в настоящее время прилипли к коже её головы, благодаря блестящему поту. Она лежала с поднятыми коленями на кровати с помятыми влажными простынями — её тело покрывало тонкое больничное одеяло.

Когда в комнату вошёл Доктор, она перестала кричать и начала тяжело дышать.

— Привет, Руби! — сказал он, прочитав имя женщины из истории болезней, висевшей над кроватью. — Я Доктор. Что тебя беспокоит?

Женщина снова закричала и схватила Доктора за руку, сжимая её железной хваткой.

— Ай-ай-ай-ай-ай! — вскрикнул Доктор, безуспешно пытаясь вытащить руку. — Чтоб мне провалиться! Забудьте о ядерном оружии. Отправьте на Кубу армию беременных женщин, и вся проблема будет решена за день.

— Он приближается! — завизжала Руби между вдохами. — Я чувствую! Он идёт! — Она вновь закричала, ещё сильнее зажимая руку Доктора.

Доктор выхватил свою отвёртку и применил её, расслабив пальцы женщины на время с целью освободиться.

— Кто идёт, Руби? — спросил он, пытаясь потряхиванием вернуть в чувство посиневшую руку. — Кто?

— Возможно, она имеет в виду это, Доктор, — сказала Мэй, отбросив одеяло, чтобы показать цветочную ночную рубашку женщины. Под украшенным материалом находилась

огромная выпуклость.

— Ну и ну! — сказал Доктор, внезапно почувствовав себя очень неудобно. — Это что-то новенькое — во всех смыслах слова.

Он заметил медсестру, лежащую на полу у подножия постели женщины.

— О, отлично! — крикнул он. — Кое-что другое, на что надо посмотреть. — Он быстро нагнулся, чтобы изучить медсестру звуковой отвёрткой.

Мэй заняла место Доктора у постели, намокая полотенце в кувшине с водой и вытирая им лоб женщины.

— Что случилось с медсестрой? — спросила она.

— Она упала в обморок, — ответил Доктор. — Что странновато, если подумать. Следует ожидать, что она привыкла к таким вещам.

— Доктор... — сказала Мэй, медленно отходя от кровати.

Доктор проигнорировал Мэй и похлопал по щеке медсестры в состоянии комы.

— Ау? — тихо позвал он. — Кто-нибудь дома?

— Доктор!

Доктор порылся в своих карманах и выразил досаду.

— Оставил соборианскую нюхательную соль в своём мокром сюртуке.

— Доктор!

— В чём дело?

— Это Покров!

Доктор встал, как испуганный сурикат, осматривая глазами комнату. Его взгляд пал на цветочный узор пропитанной потом ночной рубашки Руби. Изображения маргариток на передней стороне сорочки, на части, которая свешивалась с живота будущей матери, образовали лицо. Лицо мужчины. Как и в ситуации с лицом в ожоге Мэй, оно начало выпячиваться наружу. Рот чудовищно искривлялся, резко открываясь и закрываясь.

— Женщина! — заревело лицо. — Ты чертовски хорошо знаешь, что это не мой ребёнок! Я не буду платить алименты на чужого малыша!

Руби повернула лицо в сторону, чтобы погрузить его в подушку и начать плакать. Её тело тряслось с каждым всхлипом.

Голова Покрова теперь была полностью сформирована. Она развернулась, чтобы посмотреть на Руби.

— Так-то, женщина, продолжай плакать! — плюнул он. — Ты только это и делаешь!

— О, боже мой! — сказала Мэй, практически не в состоянии взглянуть.

— Кто это?

— Это мой мужчина, Тайлер, — сквозь рыдания сказала она. — Но не верьте ни единому его слову. *Он* отец моего ребёнка.

— Я ни секунды в этом не сомневаюсь, — сказал Доктор. — Я просто не думаю, что он должен быть там вместе с ним!

— Он был в тюрьме, — произнесла Руби, — но мне сказали, что он умер в драке.

— Боюсь, скорее всего, это правда, — сказал Доктор. Он подошёл к постели, протянув отвёртку перед собой. — Я знаю, что ты на самом деле не Тайлер. Ты Покров!

Голова, украшенная цветочками, повернулась к Доктору.

— Покров устроит себе пир! — Голос был таким же низким, как раньше, и, казалось, отражался от каждого угла комнаты одновременно.

— Не в моей больнице! — сказал Доктор, выпуская отвёртку. Лицо взревело, как разъярённый бык, и начало тонуть в материале ночной рубашки. Как только оно исчезло, Доктор схватил одеяло и бросил его обратно на Руби. — Не позволяй никому ещё раз взглянуть на твою ночнушку, — сказал он. — И это приказ.

Он покрутил своей отвёрткой, словно револьвером, и подарил Мэй широкую улыбку.

— Ещё один повержен в прах!

После этого Руби снова закричала.

— Он идёт! — крикнула она. — Он идёт!

Доктор повернулся со вздохом.

— Я же сказал тебе не убирать одеяло!

— Эм, одеяло на месте, Доктор, — улыбнувшись, сказала Мэй. — В этот раз она говорит кое о ком другом.

Доктор смутился на секунду, а потом его глаза расширились.

— А!

Он помчался к двери родильной палаты и посмотрел в обе стороны по коридору.

— Ау? Здесь небольшая экстренная ситуация! — Ответа не последовало. — Ребёнок на подходе! — Ничего. — Бесплатные печеньки!

— Бесплатные печеньки? — сказала Мэй.

Доктор пожал плечами.

— Со мной бы это сработало. — Он упал на колени рядом с потерявшей сознание медсестрой и снова похлопал её по щекам, на этот раз сильнее. Реакции не было. — Ох, ты мне бесполезна.

Смирившись со своей судьбой, Доктор снял свой сюртук и поправил бабочку.

— Мэй, — указал он. — Принеси мне чистые полотенца, много горячей воды и что-нибудь, что можно прикусить.

— Доктор, ты принимаешь роды, а не ампутируешь ногу — и это не викторианская Англия! — сказала Мэй. — Руби не понадобится ничего прикусывать.

— Я знаю, — сказал Доктор, тяжело сглотнув. — Это для меня.

20 августа 1929

Упиваясь теплотой, Бенджи бежал так быстро, как только могли нести его детские ноги. В лицо ему дул позднелетний ветерок, а рядом с ним радостно лаяла Тесс. Трава шелестела под его кроссовками, а тень его далеко и тонко тянулась перед ним под солнцем раннего вечера. Вскоре ему и Тесс придётся повернуться и направиться домой, но сперва он хотел достичь забора. Надёжное деревянное ограждение отмечало границы ранчо и, во многих отношениях, границы детства самого Бенджи.

Забор означал пределы пространства, куда его отец разрешал ходить, когда ребёнок закончит работу по дому. По какой-то причине Бен всегда переживал о том, что может ждать его по другую сторону. Конечно, там была земля старой миссис Грейди, и она не относилась доброжелательно к нарушителям, но он знал, что дело не в том. Как будто он был в безопасности по одну сторону забора, но не по другую. Так или иначе, он не собирался тратить время на беспокойства в такой прекрасный день, как этот.

Он знал, что осень была прямо за горизонтом вместе со всеми работами, требуемыми на земле, возвращением в классный кабинет и уроками, давно забытыми за очередное, казалось бы, бесконечное лето. Естественно, ему хотелось снова увидеть своих друзей. Поплескаться с ними в озере, пока погода не стала слишком холодной, а потом проводить выходные напролёт, бездельничая на берегу рыболовного места. Но до тех пор единственными вещами, имевшими значение в этом мире, были мальчик и его собака.

Вот и забор. Несмотря на острую боль в боку, Бенджи совершил последний рывок скорости, решившись достичь его раньше Тесс. Она была старой собакой, которая закончила свои рабочие дни и содержалась в семье в качестве питомца.

Бежав, он опустил свой взгляд на неё: её глаза расширились из-за подлинного удовольствия от приключения. Они снова бежали вдвоём вместе.

Бенджи достиг забора первым, ударив рукой по необработанной древесине и закрепив тем самым свою победу. Он опёрся об ограждение, дыхание было неровным, щёки были красными от физического упражнения. Тесс счастливо лаяла и прыгала на него. Её передние лапы достигали его груди, и он крепко обнял её, но всё же не забывал не давить на твёрдую шишку, разбухшей из её живота. В нынешние дни она заскулит, если даже нечаянно коснуться её, а навредить ей — это самое последнее, что он хотел сделать.

Они вместе рухнули на прохладную траву, и Тесс подалась вперёд, чтобы облизать лицо Бенджи своим длинным, шероховатым языком. Он засмеялся и оттолкнул её, но не захотел держаться на расстоянии слишком долго и через минуту-две снова вытирал со своего лица тёплые слюни.

Его дыхание наконец успокоилось, и Бенджи перевернулся на спину и уставился на несколько облаков, разбросанных по в остальном чистому, голубому небу. Он вырвал из почвы длинную травинку и сунул её в уголок рта, как делал его отец. Тяжело дыша, Тесс лежала на боку: она больше не могла спокойно лежать на животе, — а её голова удобно устроилась в сгибе его локтя.

— Знаешь, однажды я покину это место, старушка, — сказал Бенджи, трава колыбалась с каждым его словом. — Я знаю, папочка хочет, чтобы я остался здесь и стал рабочим на ранчо. Он непрестанно говорит об этом. — Он понизил свой голос в попытке пародирования. — Сынок, ты должен научиться пыльной работёнке, прямо как я, мой папа и его папа до него! — Он сделал паузу, переместив травинку на другую сторону рта. — Но это не для меня.

Тесс широко зевнула и облокотилась на его руку, дыша ровно и медленно.

— Я поеду в большой город, Тесс, и возьму тебя с собой. Я не буду провести свою жизнь, гоняясь за скотиной. Нет, сэр. Я

сделаю из себя кого-нибудь стоящего. Может быть, я буду клерком в городском банке, как брат мисс Ханнерфорд, или работать в аптеке на углу и встречу самых разных интересных людей. Кто знает?

Бенджи замолчал, его взгляд плавал от одного облака к следующему, пытаясь выявить в них знакомые формы. Это, в стороне церкви, немного походило на зайца, который побывал в драке и остался с одним ухом. А вот то большое, выходящее из-под горизонта, было как две капли воды похоже на шатёр цирка, который приехал весной в городок. Он закрыл глаза и представил себя там: палочка сахарной ваты в одной руке и билет на представление в другой. Он сел на заполненные деревянные скамейки рядом с Джейн из школы, и, когда с арены под ними публику развлекали акробаты, он отпустил палочку для ваты, взял её за руку и крепко сжал. Прямо сейчас он почти чувствовал её...

— Бенджамин! Бенджамин, вставай!

Глаза Бенджи открылись, и он очутился в темноте. Он проспал до наступления ночи? Если так, то он опоздал на ужин и предвидел очередную лекцию от своей матери. Но нет, солнце было до сих пор на небе, хоть и ниже. На него падала тень. Тень высокого человека в широкополой шляпе.

Приподнявшись на локти, Бенджи прищурился, рассматривая фигуру перед ним.

— Папа? — Тесс, всё ещё лежа рядом с ним, осторожно перевернулась на живот и вскочила на лапы.

— Я надеялся найти тебя здесь, — сказал его отец, прислонившись к забору, и опёрся пыльной обутой ногой об одну из деревянных стоек. — И Тесс.

Бенджи поднялся на ноги, заметив поблизости лошадь отца, пасущуюся на длинной траве. Видимо, он глубоко спал, раз не услышал, как они приближаются.

— Почему же, папа?

Его отец выдержал долгую паузу, прежде чем ответить.

— Приходил мистер Уильямс, ветеринар, чтобы взглянуть на одного из телят. Тощего, который не покидает мать и

некоторое время назад получил инфекцию глаз.

— Я знаю такого. С ним всё хорошо?

Его отец кивнул.

— Телёнок в порядке. Но мистер Уильямс также принёс результаты анализов, которые он взял у Тесс несколько недель назад. — Услышав своё имя, собака подошла, чтобы фермер мог опуститься и почесать ей за ухом.

— Он принёс ей лекарство?

— Нет.

— Тогда что? — Бенджи посмотрел на Тесс, вдруг встревожившись. — Он собирается увезти её к себе и прооперировать? Ты сказал, что, возможно, ему придётся.

Его отец повернулся, и в этот момент Бенджи понял, что при том был дробовик.

— Тесс — старая собака, Бенджи, — сказал он. — Она прожила своё время и теперь больна.

Слёзы начали жечь глаза Бенджи.

— Но она сможет поправиться! — воскликнул он. — Я в этом уверен.

— Нет, не сможет, — сказал уверенно отец. — И несправедливо позволять ей страдать. — Стоя прямо, он открыл затвор в дробовике и вытащил из кармана пальто патрон.

Бенджи в панике схватился за руку отца.

— Нет, папочка! — умолял он. — Ты не можешь!

Отец стряхнул руку.

— Я сделаю то, что необходимо! — сказал он, вставив патрон на место и закрыв дробовик. — Тесс — рабочая собака, и она заслуживает уважения. Если это означает избавление её от боли, тогда это я и сделаю.

Слёзы теперь лились потоком по лицу Бенджи. Он подозвал Тесс к себе и снова обнял её, его голос был чуть громче хриплого шёпота.

— Пожалуйста, папочка! Нет!

— Итак, ты можешь поступить как мужчина и помочь мне найти славное тенистое местечко для последнего пристанища Тесс, либо плакать, как младенец, и побежать домой к своей мамочке. Что ты выбираешь?

Тесс начала лизать слёзы с щёк Бенджи.

— Ну, мальчик?

Глава 5

Клара и доктор Эллисон нашли свой источник крика в пустой боковой палате в дальнем конце коридора. К их удивлению, им оказался не пациент.

— Кто это? — прошипела Клара, подходя к молодому врачу, который стоял у открытого окна и в ужасе смотрел вниз на что-то рядом с одной из постелей. По его лицу текли слёзы. — Вы знаете его?

— Эндрю Росс, — ответила доктор Эллисон. — Он здесь младший работник, только что закончил обучение. Я была его наставником последние несколько месяцев. — Она обратилась к нему. — Эндрю. Это Маири. Что случилось?

Но молодой врач не ответил. Его глаза оставались зафиксированы на чём-то на полу.

— Ладно, — сказала спокойно Клара. — Эндрю... мы подходим к тебе... — Она начала обходить боком край кровати, доктор Эллисон шла за ней — затем они увидели то, на что он глядел.

На полу лежал лопнувший пакет крови, его содержимое вылилось в липкую красную лужу. И из этой лужи выросла голова. Это была голова молодой женщины, возможно, красивой, но трудно было сказать. Кровавая голова взглянула на Эндрю Росса с похотливой улыбкой и облизала свои алые губы.

— Я никогда не любила тебя, Энди, — сказала она. — Я всё это время хотела, чтобы ты узнал обо мне с Четом.

— Нет! Прошу, Софи, — умолял Эндрю. — Пожалуйста... нет.

Доктор Эллисон побледнела.

— Боже мой!

— Что это такое? — спросила Клара. — *Кто* это?

— Его жена, Софи, — объяснила доктор Эллисон. — Или, по крайней мере, была. Она умерла в ДТП... с другим мужчиной. Она сказала Эндрю, что собирается в Остин приглядеть за больной матерью, но оказалась под колёсами грузовика по пути в мотель в Форт-Уэрте. Это опустошило его. Он только вернулся на работу.

— Принесите что-нибудь, чем можно прикрыть её, — сказала Клара. Доктор Эллисон побежала к ближайшей кровати и начала снимать простыню.

— Я прощаю тебя, Софи, — закричал Эндрю, ещё сильнее прижимаясь к оконному проёму. — Мне всё равно, с кем ты встречалась за моей спиной. Я знаю, что ты не хотела делать мне больно.

— Прощаешь меня? — голова пустила слюну. — Мне не нужно твоё прощение. Мне нужен он!

— Эндрю! — сказала Клара. — Не слушай её. Это не Софи. Его зовут Покров, и я думаю, он пытается расстроить тебя. Не дай ему сделать это.

Но Эндрю продолжил в ужасе смотреть на голову своей мёртвой жены.

— Все те ночи я ждала дома одна, — прорычала сверкающая голова. — Ты довёл меня, Энди! Ты довёл меня до рук другого мужчины!

— Но я должен был работать допоздна, — сказал Эндрю, его слова были почти беззвучны. — У меня были пациенты, которых надо было лечить.

— А у меня был муж, но он не был достаточно мужчиной.

Лицо Эндрю сморщилось.

— Пожалуйста, вернись ко мне, Софи! — выкрикнул он, сидя в проёме открытого окна, ветер трепал заднюю часть рубашки.

Доктор Эллисон обошла Клару и бросила простыню на пятно крови. Голова под нею начала тонуть в землю.

— Эндрю! — позвала его доктор Эллисон, протягивая руку.

— Отойди от окна. Она теперь исчезла.

— Я... Я уронил пакет с кровью, — сказал Эндрю, морганием убирая слёзы. — Он лопнул и разлился на пол, и там было лицо. Лицо Софи!

— Всё хорошо, — успокоила доктор Эллисон.

— Нет, не хорошо! — выплюнул голос. Втроём они оглянулись на простыню на полу — в неё начала впитываться кровь. Лицо восстанавливалось. — Если бы ты не вынудил меня ходить налево, как виноватую школьницу, я бы всё ещё была жива!

— *Нет!* — взмолился Эндрю, оглянувшись на землю несколькими этажами ниже. — Это неправда!

Доктор Эллисон сделала шаг вперёд, её собственные глаза становились влажными.

— Эндрю, — сказала она. — Что бы, по-твоему, сейчас ни происходило, это не по-настоящему. Возьми мою руку, и мы сможем поговорить.

Эндрю Росс ещё раз поднял глаза, взглянув на свою наставницу.

— Мне жаль, — сказал он тихо. — Я должен быть с ней. — После чего он полетел назад в воздух.

Доктор бережно взял новорождённого на руки и улыбнулся.

— И после всего этого — девочка!

Мэй хлопотала вокруг Руби, вытирая её лоб и выравнивая простыни.

— Как ты назовёшь её? — спросила она. — У тебя уже есть идеи?

Руби пожала плечами.

— Я всегда думала, что будет мальчик, названный в честь его отца.

— Что? — сказал Доктор. — Страшная-голова-из-цветочной-ночнушки? Я думаю, другие дети могут

задразнить тебя в школе.

Младенец булькнул.

— Ох, ладно, — сказал Доктор. — Не надо так ругаться. — Он передал ребёнка его матери. — Она говорит, что её имя — *Убить-трона 3000*, но мне кажется, более подходящей и обыденной версией будет Бетти. — Он подмигнул Мэй и заметил, что медсестра у подножия кровати начала приходить в себя.

— О, *теперь-то* Вы решили очнуться! — выкрикнул он. Он помог медсестре сесть на стул. — Через двадцать минут Вы будете в полном порядке, — вежливо произнёс он. Потом он увидел в дверном проёме Клару.

— Привет! — засиял он, вставая. — Мы тут прекрасно провели время. А вы?

Клара покачала головой.

— А. Доктор Эллисон?

— Она... Она ушла побыть кое с кем. С другом... Покойным другом.

Пока Клара говорила, стало раздаваться ещё больше криков и мольб о помощи.

— Мы должны выяснить, что тут происходит, и положить этому конец, — сказал Доктор. — Почему эта больница? Почему сейчас?

— Это не только в больнице, — сказала Мэй. — Помните мою бабушку Бетти? Так я собственно и получила этот ожог, и это произошло не здесь.

Доктор схватил свой сюртук.

— Покажи мне!

Когда они бежали по коридорам больницы к ТАРДИС, появилось ещё больше криков и выпячивающихся лиц. Голова ребёнка вытягивалась из комков в миске с овсянкой; лицо пожилого человека искривлялось, вырастая из тележки грязных простыней; а хмурая женщина, которую Клара видела ранее, в слезах упала на колени рядом с головой молодого солдата, когда та росла из разбросанного

цветочного букета.

Доктор пытался на бегу помочь им всем, выпуская из своей отвёртки луч за лучом на все до единого лица, но их было слишком много. Он должен был найти источник проблемы и предотвратить её.

Троица повернула за угол, чтобы добраться до ТАРДИС, и замерла. Там, пробивая себе путь из узора грязи, которой были запачканы двери, была ещё одна человеческая голова. Доктор схватил Мэй и Клару и оттащил их из виду.

— О, замечательно, — прошипел он. — Как раз то, что нам нужно.

Клара кивнула, закрыв глаза и прижав шею к холодной каменной шее.

— Дядя Рубен.

Доктор повернулся к ней.

— Какой дядя?

— Дядя Рубен, — сказала Клара. — Не в буквальном смысле дядя, а друг моей семьи. Однако я его очень любила.

— Нет-нет, неверно, — сказал Доктор. — Это не был твой дядя Рубен. Это была Астрид.

— Ты уже произносил это имя. Кто такая Астрид?

Доктор вздохнул.

— Астрид Пет. Официантка, которая с помощью автопогрузчика толкнула человека, страдавшего манией величия, в варп-двигатели, чтобы я смог остановить «Титаник» от падения на Букингемский дворец на Рождество. — Он отвёл взгляд от ошарашенного выражения Клары. — Вообще-то, в таком виде, на одном дыхании, это звучит почти маловероятно.

— Да, — сказала Клара, приподняв бровь. — Почти.

— Вы оба ошибаетесь, — настояла Мэй. — Это снова была бабушка Бетти.

Глаза Доктора загорелись.

— А вот это интересно! — сказал он. — Каждый из нас

увидел разных людей в грязи на дверях. — Он вновь повернулся к Кларе. — Что, кстати говоря, типично для тебя. Целая планета была наполнена пеной для ванны, а ты всё равно умудрилась запачкать ТАРДИС!

— Прекрати волноваться по пустякам! — выкрикнула Клара. — Когда мы здесь закончим, полетим на Планету Автомоек или куда-нибудь ещё.

— Полетим? — сказала Мэй, потирая лоб. — Планеты, наполненные пеной для ванны и автомойками? О чём вы двое говорите? Это какой-то шифр?

— Я объясню позже, когда мы не будем окружены мерзкими головами, — пообещала Клара. — А пока что будем делать с лицом на двери ТАРДИС?

Доктор улыбнулся.

— Посмотрим ещё раз, всего на секунду!

Клара, Мэй и Доктор высунули свои головы за угол — одну над другой — чтобы вновь посмотреть на лицо из грязи. Потом они снова исчезли.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Кого вы увидели?

— Бабушку Бетти, — сказала Мэй.

— Дядю Рубена, — сказала Клара. — А ты?

— Астрид Пет, — сказал Доктор.

— Но как? — спросила Клара. — Как все мы могли увидеть разные лица?

— Должно быть, Покров использует умственные связи, — сказал Доктор. — Вытягивает свои ментальные щупальца — о-о-о, прекрасно! Ментальные щупальца! Напомни мне повторить эти слова. Вытягивает, пока они не дотронутся другого разума и потом используют воспоминания человека, чтобы сформировать лицо. Моя догадка такова, что каждый Покров начинает свою жизнь в виде случайного лица в пределах шаблона, но они постоянно устанавливают контакты и прощупывают почву, пока не найдут жертву. Затем, как только связь установлена, они обыскивают ваш разум в поисках того, кого вы знаете — по кому вы скучаете, —

и используют ваши воспоминания о том человеке, чтобы заманить вас.

— Это ужасно! — воскликнула Клара.

Доктор кивнул, соглашаясь с ней.

— Похоже на принцип работы моей психобумаги, только противным способом выживания несчастливых воспоминаний.

— Значит, одна из этих штуковин схватила меня своими щупальцами? — спросила Мэй. — Поэтому я увидела свою бабушку?

— Да, но ты поборола его, — сказал Доктор. — И до сих пор борешься.

— Но что из себя представляют эти Покровы?

— Они инопланетяне, — сказал Доктор как ни в чём не бывало.

Мэй откинулась к стене.

— Теперь я понимаю, что сошла с ума, — сказала она. — Я только что смогла совладать с тем, что моя умершая бабушка вылезает из моей руки, но сейчас вы говорите о маленьких зелёных человечках с Марса?

— Я весьма уверен, что они не с Марса, — сказал Доктор. — И они не зелёные, насколько я могу сказать. Хотя инопланетяне, которые действительно с Марса, и *впрямь* зелёные, что интересно. Но они не маленькие. Они часто ш-ш-ш-шипят, когда говорят.

Клара распознала недоумевающее выражение лица Мэй и вступила в разговор.

— Я знаю, в это трудно поверить, но инопланетяне существуют. Я встречала нескольких, и, по большому счёту, они очень хорошие.

Ухмыльнувшись, Доктор поправил бабочку.

— Наверно, ты слышала историю — ещё из 1940-х годов, — продолжила Клара. — Падение космического корабля в Розуэлле. Зона 51, кажется, так называют её.

— Розуэлл, штат Нью-Мексико? — усмехнулась Мэй. — Но

это же была просто «утка».

Доктор в ответ засмеялся.

— Это точно не было «уткой». Я сказал, что им нужно улучшить защиту термомуфт, но поверили ли они мне? Нет! И посмотри, куда их это привело.

— В этом ты должна поверить Доктору, — сказала вежливо Клара. — Он прав.

Мэй сделала глубокий вдох и выдохнула.

— Ладно, — сказала она. — Пока я не услышу объяснение происходящему получше, они инопланетяне, но *не* с Марса!

Доктор засиял.

— Так держать.

— И что теперь?

— Мы должны попасть внутрь ТАРДИС.

— ТАРДИС? — спросила Мэй.

— Его синяя будка, — сказала Клара. Она повернулась к Доктору. — Как нам пройти мимо жуткого лица и его ментальных щупалец?

— Эй! — отчитал Доктор. — Придумай свою крутую фразу! — Он на секунду задумался. — Лицо сделано из грязи, так что возьми совет от Клары и... — Он ринулся по коридору и испугал замок двери с надписью «Кладовая уборочного инвентаря» в пульсирующем зелёном свете отвёртки. Прозвучал слабый *щелчок*, и дверь открылась, выявив швабру, ведро и банки жидкого мыла производственного размера. — Вуаля!

— Ты никогда не дашь мне забыть об этом, верно? — сказала Клара.

Доктор отрицательно покачал головой.

— Я очень надеюсь на это.

Троица вооружилась материалами для уборки и наполнила ведро водой из треснувшей раковины, прикрученной к задней стене каморки.

— Хорошо, — прошептал Доктор. — На счёт три... *Три!*

Они вместе выпрыгнули из-за угла, голова снова стала выпячиваться из пятна грязи, закрывав в гневе при виде их.

— Остерегайтесь ментальных щупальцев, — предупредил Доктор, пытаясь сдержать отвёрткой лицо. — Не дайте им присосаться к вам.

— Сейчас! — закричала Клара, и Мэй подняла ведро с уже мыльной водой, разметав её по всей лицевой части ТАРДИС и удушая пеной мучающуюся, разозлённую голову. Клара с силой провела вниз шваброй, давя на теперь уже поддающийся череп Покрова и заталкивая его обратно в дверь.

— Почти готово! — заорал Доктор, подходя ближе к сокращающемуся лицу и усиливая отвёртку на один уровень. Клара начало яростно вытирать пятно, в то время как у их ног плескалась мутная вода, пока — в конечном счёте — пятно не исчезло вместе с лицом.

— Да! — воскликнули хором Клара и Мэй, отбросив швабру и ведро, чтобы обняться. Доктор поднял свою руку, чтобы дать пять, но, поняв, что ответа он не получит, притворился, что потягивается.

— Итак, — сказал он, убирая в карман отвёртку. — Давайте доберёмся до офиса Мэй и сути дела... — Он открыл ТАРДИС и бросился внутрь к консоли.

Клара отступила назад, позволяя Мэй зайти следующей. Журналистка стояла, разинув рот, когда её охватило невозможность окружающего.

— Она... Она больше внутри, чем снаружи! — таращилась она.

— Осторожно, — сказала тихо Клара, присоединяясь к ней и закрывая дверь. — Не позволяй ему услышать, как ты о ней говоришь. Он никогда не замолчит.

Мэй смотрела, как Клара поспешила примкнуть к Доктору в центре комнаты у какого-то... Ну, у неё было слов, чтобы описать его. Какой-то шестиугольный стол, покрытый кнопками, переключателями и рычагами. Она подошла с опаской.

— Подожди, — сказала Клара. — Я думала, что рулевой

штуке капут?

— Рулевой регулятор, — поправил Доктор, дёргаясь, как нетерпеливый секретарь, ждущий писать под диктовку, — и так и есть, но для этого путешествия он нам не понадобится.

— Что это за место? — спросила Мэй, сделав шаг вперёд, но не совсем осмеливаясь подойти к консоли.

— ТАРДИС! — расплылся в улыбке Доктор, выпятив грудь. — Временные и относительные измерения в пространстве. Разве она не прелесть?

— Это космический корабль, — пояснила Клара, взглянув на него. — И машина времени — два в одном. Однако в настоящий момент это не машина времени. Он думает, я заставила ТАРДИС плакать, так что эта половина сейчас не работает.

— Но она всё ещё может перемещаться в пространстве! — отметил Доктор.

Мэй нервно перевела взгляд с Доктора на Клару и обратно.

— Вы не работаете в больнице, да? — спросила она, отходя назад. — Вы сами из больницы. Психиатрии! Поэтому я не могу понять ни слова из вашего разговора!

Она остановилась, когда её охватила идея.

— Боже мой! Я в психушке вместе с вами, верно? Все эти лица — они все в моей голове. Я сошла с ума!

Доктор поспешил к Мэй и взял её за руку. Затем он ущипнул по её тыльной стороне.

— Ой!

— Видишь, — улыбнулся Доктор. — Ты ничего себе не воображаешь. Я понимаю, это слишком много, чтобы принять, но это происходит на самом деле.

— Правда?

— Правда. И то, что сказала Клара, правда. ТАРДИС не может путешествовать во времени, пока я не почию её, но она может перемещаться по пространству. В дальнейшие уголки вселенной. Итак, где этим утром ты в первый раз увидела лицо бабушки Бетти?

— На моём рабочем столе, в офисе.

— А это?..

— «The Morning News». Йанг-стрит. Примерно в шести километрах отсюда.

Доктор моргнул.

— В шести километрах?

Мэй кивнула.

— Да, что ж, даже усилия не надо, правда? — пробормотал Доктор, отпустив руку Мэй и направившись обратно к консоли. — Но всё равно старушка немножко развеется... — Он ввёл адрес на клавиатуре. — «Dallas Morning News»... Йанг-стрит... Даллас, Техас... — Он переключился на другую из шести сторон, чтобы напасть на ряд выключателей и тумблеров, кружась в процессе, как кривоногая балерина. — Заправляем термобуфер, быстренько обновим нанопамять, и давайте немного закроем заслонки, поскольку сегодня холодно!

Он подмигнул Мэй, потом откинул рычаг полёта...

ВУР-ВУ-ВУ-ВУ-ВУ-ВУ-В-В-В-В-В-В!

Двигатели ТАРДИС завелись и затихли, как у машины с садящимся аккумулятором.

— Что? — Доктор нажал на ещё несколько переключателей, после чего снова попробовал рычаг.

ВУР-ВУР-ВУР-ВУР-ВУ-ВУ-ВУ-ВУ-ВУ-В-В-В-В-В!

— Нет-нет-нет!

— Сейчас ты меня обвинить не сможешь! — огрызнулась Клара.

Доктор повернулся, чтобы ответить, но вместо этого погрозил указательным пальцем, как суровый учитель. Он вернулся к возне с управлением.

— Что с ней не так? — спросила Мэй.

— С ней всё в порядке, — раздражённое произнёс Доктор.
— Она просто не хочет взлетать.

Мэй улыбнулась.

— Значит, она и в пространстве не может путешествовать?

— Нет, может, — закричал Доктор, — но что-то мешает нам дематериализоваться. — Он помчался вокруг консоли к монитору и включил его, скрестив пальцы, что он не столкнётся с другим лицом из прошлого. Экран прошипел секунду, а потом оживился. — Вот! — сказал он, ткнув длинным пальцем в экран. — На нас влияет это.

И Клара, и Мэй поспешили присоединиться к нему.

— Это Земля? — спросила Мэй, взглянув на монитор.

— Прямая трансляция, — подтвердил Доктор. — Я взломал камеру на одном из «Спутников».

— Но вокруг этой планеты находятся кольца, — сказала Мэй. — Выглядит, как Сатурн, а не Земля.

— Это не кольца, — объяснил Доктор. — Это червоточина, или один её конец, по крайней мере. — Он выключил монитор и упёрся лбом об экран. — Потому ТАРДИС не взлетает. Это просто слишком опасно.

— Но во всех научно-фантастических книга, которые я читала, червоточина — это вроде тоннеля сквозь пространство, — сказала Клара.

Доктор кивнул головой.

— Да, да, очень хорошо.

— И конец этой окружает целую планету?

Доктор начал пальцами рисовать очертания в воздухе.

— Представьте огромный пончик, — сказал он, махая рукой по преувеличенному кругу, затем вдруг стёр его. — Вообще-то, нет. Всё совсем не так. Забудьте о пончике. Это больше похоже на яйцо по-шотландски. Короче, смысл в том, что существует червоточина, соединённая с Землёй, которая ведёт... откуда-то.

— Так Покров и попал сюда? — спросила Мэй.

— Я бы поставил на это свою бабочку, — сказал Доктор. — И первой этим утром увидела их ты на своём столе. Мне надо взглянуть на этот стол.

— Но ТАРДИС не взлетает, — сказала Клара.

Доктор приподнял бровь.

— Значит, мы должны найти другой вид транспорта...

Глава 6

Украсть машину скорой помощи оказалось довольно просто. Водитель уже отвлёкся, грустно смотря на лицо, которое проталкивалось из гравийной окантовки на автостоянку. Поэтому Доктору пришлось лишь завести отверткой мотор, и они были в пути. Мэй указала ему направление до редакции газеты.

Положение на улице было таким же плохим, как в больнице. Повсюду вокруг вылезали лица Покрова, заманивая свои жертвы с помощью психических зондов. Люди в ужасе смотрели на них, по их лицам текли слёзы.

— Это ужасно! — закричала Клара, стоя в задней части машины и цепляясь за сиденья. — Мы должны им помочь.

— Мы поможем, — заверил её Доктор. — Мы не можем разбираться с каждым лицом индивидуально: взамен одного, от которого избавимся, прорастут ещё десятки. Я должен найти источник и остановить это отсюда.

— Это как выключить водопроводный кран? — сказала Мэй.

— Именно, — засиял Доктор. — Причудливый кран, полный лиц!

— Я не понимаю, — сказала Мэй. — Я видела лица в вещах, ещё будучи маленькой. Одно было в узоре на моих обоях, когда я была ребёнком, а другое было из плесени на потолке в ванной общежития моего колледжа. Она всегда возвращалась, сколько бы раз я ни смывала её. Но похоже, никто из моих соседей по комнате не видел её. Или не пытались вычистить, если на то пошло.

— Некоторые люди более чувствительны к психическому воздействию, — объяснил Доктор. Он повернул руль, чтобы избежать столкновения с пожилой женщиной, стоявшей на

колених на дороге и погружённой в разговор с головой мальчика, выглядывавшего из-за почтового ящика. — Ты *видишь* лицо, скрытое в, казалось бы, случайном дизайне или расположении объектов, а другие не видят. Это только значит, что ты более мощный приёмник, чем они.

— Значит, я была всю свою жизнь окружена инопланетянами?

Доктор кивнул.

— Ты удивишься тому, как часто такое происходит.

— Но зачем? — спросила Клара. — Если Покров был здесь так долго, зачем откладывать своё появление до этого момента?

— Я не знаю, — признал Доктор, — но я это выясню. — Вдруг он нажал на тормоза.

— Что такое? — спросила Клара.

— Я чуть не упустил, — сказал Доктор, разворачивая скорую.

— Что не упустил?

— Та старушка не плакала.

Доктор остановился через дорогу от женщины и выпрыгнул из машины.

— Здравствуйте! — обратился он, шагая через улицу. — Я Доктор. Что Вас беспокоит?

Женщина взглянула вверх, на чертах её лица бал выгравирована озабоченность.

— Это Сэмми, — сказала она, показывая на маленького мальчика, прятавшегося в кустах. — Он живёт в моём доме, на два этажа выше. Я вышла отправить письмо и нашла его тут.

— Привет, Сэмми, — сказал Доктор. — Странный денёк, а? Мальчик не ответил.

— Много смешных лиц, торчащих из стен и всё такое, — продолжил Доктор. — Ты видел одно из них?

Сэмми кивнул.

— Моя мама видела.

— Где сейчас твоя мама? — спросил Доктор.

— В нашей квартире, — ответил Сэмми. — Говорит с моим папой.

— Тогда почему ты здесь? Не хочешь тоже поговорить с папой?

— Мой папа в раю. Мама плачет.

— А, понятно.

Пожилая женщина улыбнулась.

— Я спросила у Сэмми, не хочет ли он пойти и подождать в моей квартире, пока его маме не станет лучше, — сказала она.

— Я подумала, мы могли бы вместе поесть печеньки и посмотреть мультики по телевизору. Я только что приготовила новую партию с отрубями и изюмом.

— А это звучит как хорошая идея, — сказал Доктор. — Не могу придумать ничего лучше для выписывания в такой день, чем хорошая доза «Loony Tunes» и печенья с отрубями и изюмом, а ведь я доктор. Что на это скажешь, Сэмми?

Мальчик покачал головой.

— Моя мама говорит, что мне нельзя разговаривать с незнакомцами.

— Она говорит очень мудрые вещи, — сказал Доктор, — но думаю, в этом случае она не стала бы возражать. И ты всё-таки живёшь в одном доме с... — он повернулся к женщине.

— Эдит, — сказала она. — Эдит Томас.

Доктор пожал ей руку.

— Рад познакомиться, Эдит Томас, — сказал он. — Ты видел Эдит Томас до сегодняшнего дня, Сэмми?

Мальчик кивнул.

— Я вижу её по пути к школьному автобусу.

— И что делает Эдит, когда видит тебя на пути в школу?

— Она улыбается мне.

Доктор наклонился и прошептал.

— Тогда я думаю, она может быть весьма дружелюбной. И, — он прервался, чтобы обнюхать женщину, — по её запаху, то

печенье обещает быть отличным! И так, как насчёт того, чтобы ты пошёл с Эдит в её квартиру и посмотрел мультики? И тогда я найду способ развеселить твою маму, а ты сможешь вернуться наверх.

Сэмми осторожно осмотрел Доктора.

— Вы можете помочь моей маме почувствовать себя лучше?

— Я Доктор. Я всем делаю лучше.

— Хорошо... — сказал мальчик, принимая руку Эдит. Доктор наблюдал, как она вела его внутрь многоквартирного дома, после чего вернулся к машине скорой помощи.

Несколько кварталов они ехали молча. Мэй смотрела в окно, пробегаясь пальцами по бинтам на её ране.

— Я не пыталась завладеть её деньгами, — наконец сказала она. — То, что сегодня сказала обо мне моя бабушка. Это неправда.

— То лицо не было твоей бабушкой, — сказал Доктор. — Оно просто использовало твои воспоминания о ней, чтобы огорчить тебя.

Мэй чувствовала, как её глаза снова начали становиться влажными.

— Что ж, у него получилось.

— Не позволяй, — сказал Доктор. — Этого и добивается Покров. Чтобы кормиться твоей печалью.

— Он питается *горем*? — в недоумении сказала Мэй.

— Насколько я могу судить, — сказал Доктор. — И он ужасно проголодался.

— Потому мы все видели разных людей на двери ТАРДИС? — спросила Клара.

— Он тянулся ко всем трём из нас, — сказал Доктор. — Пытался решить, кем из нас было проще всего манипулировать. Кто из нас обеспечил бы его вкуснейшей едой.

Клара выглядела потрясённой.

— Но такое вмешательство в наши воспоминания. Это...

— Это ужасно, — закончил Доктор, — и невероятно трудно. Это означает, что Покров силён. Достаточно сильны, чтобы исказить воспоминания о любимом человеке, как в случае с Мэй. Он использует вину, добавляя её к чувству утраты, которое человек уже испытывает.

Он повернул за угол и вновь нажал на тормоза. Дорогу блокировала полицейская машина.

— Простите, — сказала Мэй. — Я забыла. Мы не можем проехать через Дили-Плаза, она всё ещё перекрыта полицией со вчерашнего дня.

Неожиданно Доктор ударил себя ладонью по лбу.

— Почему я раньше до этого не додумался? — завопил он.
— Вчерашний день! Убийство президента Кеннеди! Вся страна в трауре. Этого ждал Покров.

— Зачем? — спросила Клара. — Что общего у убийства со всем этим?

— Всё, — ответил Доктор. — Эти лица годами ошивались здесь, пугая всех. Но ждали чего-то особенного. Чего-то, что дало бы им достаточно энергии для решающего прыжка через червоточину.

— Национальную трагедию, — сказал Мэй.

— Мировую трагедию, — сказал Доктор. — Весь мир скорбит. Мы словно назначили Покрову громадный банкет.

— Вот откуда я знаю название больницы! — воскликнула Клара. — Мы учили это в школе. В мемориальную больницу Парклэнд увезли тело президента на вскрытие. Неудивительно, что все выглядели такими поникшими, когда мы прибыли.

— А офис Мэй освещал историю, — сказал Доктор. — Что ты делала прямо перед тем, как увидела лицо своей бабушки?

— Просматривала кое-какие фотографии стрельбы, — сказала Мэй. — Они были кошмарными.

— И они расстроили тебя?

— Безусловно!

— Поэтому твой офис и больница были затронуты первыми, — сказал Доктор, разворачивая скорую обратно. — Места, где эмоции самая сильные, будут слабейшими точками для прорыва Покрова.

— Но это быстро распространяется, — сказала Клара, и, как ты сказал, трагедия мировая. Это значит...

— То же самое случится по всему миру, — сказал Доктор. — Мы сейчас же должны добраться до офиса Мэй. Если мы не сможем остановить это, тогда никто никогда больше не улыбнётся.

— Оно было прямо здесь, — сказала Мэй, указывая на кофейное пятно на краю своего стола. — Я видела!

Доктор пожужжал звуковой отвёрткой над коллекцией коричневых колец и отметин, затем проверил результаты.

— Ну, сейчас тут ничего нет, — произнёс он. — Ничего, кроме плохого кофе и старого лака. — Он повернулся к Кларе. — А ты как? — спросил он. — Есть признаки твоего дяди?

Клара покачала головой.

— Ничего.

— То же самое, — сказал Доктор. — Никакой Астрид.

— Но это хорошо, да? — спросила Мэй. — Значит, оно вернулось в ту дыру?

— Или полностью вышло, — сказал Доктор. Он снова стрельнул отвёрткой, в этот раз сканируя офис.

Когда они прибыли, этаж новостей был опустошён. Мэй нашла Джима, молодого спортивного обозревателя, хнычущим на лестнице, в то время как лицо его отца ругалось на него из коврика. Доктор бросил на голову пиджак Джима и удерживал его своей отвёрткой достаточно долго, чтобы Клара успела увести парня наружу. Они знали, что Покров, скорее всего, вскоре снова захватит его разум, но они хотя бы дали ему краткую передышку от грусти.

— Где все? — спросила Клара. — Я думала, редакции новостей должны быть перегружены.

— Обычно так и есть, — сказала Мэй. — Даже при появлении большой истории, как вчерашняя, здесь всегда кто-нибудь есть.

— Если только их всех не отпугнули, — сказал Доктор, вновь размахивая отвёрткой. — Там! — прошипел он. — Вы слышите?

— Нет, — сказала Клара.

Мэй покачала головой.

— Я тоже.

Доктор дважды постучал по рукоятке отвёртки и прибавил громкость. Мгновенно звук стал ясным.

— Кто-то плачет, — сказала Клара.

— Поправка, — сказал Доктор. — Кто-то плачет здесь.

Они последовали за звуком между столами по направлению к кабинету редактора. Внутри на полу стоял на коленях Бен Парсонс, его глаза были красными от слёз. Но Бен не был один. Перед ним на коленях стояла женщина. На ней было бледно-голубое платье, а на лице — вуаль, которая скрывала глаза.

— Бен! — выкрикнула Мэй, бросаясь вперёд, но Доктор схватил её за руку и удержал её.

— Не подходи близко!

— Он мой редактор, — сказала Мэй, сопротивляясь ухвату Доктора. — Мой друг.

Доктор крепко держал её.

— Но не она, — сказал он, показывая на женщину рядом с Беном.

— Так кто она? — спросила Клара.

— Много кто, — сказал Доктор. — Бабушка Бетти, дядя Рубен, Астрид Пет. На данный момент, полагаю, она та, кого Бен не хочет видеть.

Клара вздохнула.

— Это Покров?

— По крайней мере, один из них, — сказал Доктор.

— Поэтому его не было в пятне на моём столе, — сказала Мэй. — Он выбрался!

— Следующая стадия нападения Покрова, — сказал Доктор. — Должно быть, такими они становятся, когда попадают внутрь ваших воспоминаний. Отойдите. — Он отпустил руку Мэй и прокрался в кабинет. Подобравшись к женщине, он просканировал её отверткой. — Простейшая человеческая биология, — сказал он, читая показания. — За одним исключением... — Он взял конец вуали и поднял её.

У женщины были сверкающие карие глаза; яркие, любознательные, но совсем не человеческие.

— Они... Они выглядят как глаза собаки! — выкрикнула Мэй.

— Колли, судя по их виду, — сказал Доктор. — Может быть, в пятне, где ты увидела свою бабушку, Бен увидел собаку.

— Но почему она... *оно* держит его руку? — спросила Клара.

— Он ушёл глубже, — объяснил Доктор. — Внутри его разума. — Он наклонился и взглянул на руку женщины, крепко держащую руку Бена. Пальцы были длинными и тонкими, ногти были покрашены в блестящий, тёмно-синий цвет.

— Так вытащи её! — крикнула Мэй. — Раздели их! — Она снова сделала шаг в кабинет, и Доктор подскочил, чтобы остановить её.

— Я не могу, — сказал он. — Я не знаю, какой урон нанесёт Бену разрыв физической связи. Это может освободить его, но с той же вероятностью может убить.

— Что нам делать в таком случае?

— *Нам* — ничего, — сказал Доктор, убирая в карман отвёртку. — Это моё дело. — Он подошёл к Бену и понял, что, дыша неровно, тот бормотал что-то.

— Этого не может быть. Это нереально.

— Держись, — сказал Доктор. — Я иду на помощь. — Он повернулся к Мэй. — Расскажи мне о нём.

Мэй хорошо задумалась и вдруг выдала с лёту.

— Он, эм... Его зовут Бенджамин Парсонс, хотя он предпочитает «Бен». Ему 44... Нет, стой. 45 лет. Он женат на Джейн, и он был здесь редактором почти семь лет.

— Благодарю, — сказал Доктор, вставая на колени по другую сторону Бена от женщины в голубой вуали. — Это может оказаться полезным.

— Стой! — настойчиво произнесла Клара. — Лучше тебе не делать то, что, по-моему, ты собираешься сделать.

— Как знать, — сказал Доктор. — Возможно, ты думаешь, что я собираюсь сварить яйцо. В таком случае ты бы оказалась совершенна права.

— Не умничай со мной, — огрызнулась Клара и, не обращая внимания на указания Доктора держаться подальше, шагнула в кабинет, чтобы сверкнуть на него глазами. — Ты собираешься туда, верно? Внутрь разума Бена.

— Всего лишь для беглого осмотра, — сказал Доктор. — Это может мне дать ответ на то, как остановить Покров от приёма пищи в его лице.

— А если не получишь? Если застрянешь там?

— Ну, по крайней мере, я буду не один, — улыбнулся Доктор. — Нас будет, как минимум, трое!

— Я не понимаю, — сказала Мэй, когда Клара вернулась к ней в дверной проём. — Он зайдёт *внутрь* разума Бена? Что это значит?

— Это значит, — сказала Клара, — он сделает всё возможное, чтобы спасти его.

Они смотрели, как Доктор закрыл глаза и сделал глубокий вдох. После этого он взял свободную руку Бена и тихо произнёс одно единственное слово.

— Джеронимо.

20 августа 1929

— Итак, ты можешь поступить как мужчина и помочь мне найти славное тенистое местечко для последнего пристанища Тесс, — сказал отец Бенджи, — либо плакать, как младенец, и побежать домой к своей мамочке. Что ты выбираешь?

Тесс начала лизать слёзы с щёк Бенджи.

— Ну, мальчик?

— Могу я добавить третий вариант? — слышался голос.
— Покинь воспоминания этого человека и никогда не возвращайся.

Мистер Парсонс обернулся.

— Ты кто ещё такой, чёрт возьми?

— Меня называли многими именами, — сказал незнакомец, наклоняясь пощекотать Тесс под подбородком.
— Тета Сигма, Приближающийся шторм и, на одни весьма неловкие выходные, Мейбл. — Он встал лицом к мистеру Парсонсу. — Но большинство людей зовёт меня просто Доктором.

— Что же, Доктор... Не затруднит объяснить, что ты делаешь на моей земле?

— Видишь ли, тут-то у нас небольшая проблема, — сказал Доктор. — Дело в том, что это не твоя земля. По правде говоря, это вообще никакая не земля.

— О чём ты говоришь?

— Ох, а по ощущениям, настоящая, — сказал Доктор. Он подпрыгнул несколько раз — его ботинки ударялись о грязь.
— Надо отдать должное. Но на самом деле мы внутри воспоминания. — Он повернулся и улыбнулся Бенджи. — Твоего воспоминания.

— Моего воспоминания? — спросил Бенджи. — То есть я

сплю?

— Вроде того, — сказал Доктор. — Но это не такой сон, какой обычно бывает у тебя или меня. Вообще-то говоря, совсем не такой, какие бывают у меня. Лучше тебе их не видеть, если не хочешь, чтобы за тобой гнались огромные ветки сельдерея по Метебелис 3. Нет, в твоём разуме — пришелец, Бен. Пришелец по имени Покров, который хочет питаться твоим горем.

Мистер Парсонс поднял дробовик и нацелил его на Доктора.

— Тебе лучше заткнуть свой рот, если не ищешь неприятностей.

— На твоём месте я бы не стрелял этим здесь, — предупредил Доктор. — Кто знает, какой урон ты можешь нанести памяти Бена? Тебе может повезти, и ты просто сотрёшь его 7-летний день рождения, но, может быть, ты затронешь один из его плохих случаев. А тебе они нужны нетронутыми, верно?

— Я... Я не понимаю, что происходит! — сказал Бенджи.

Доктор положил свою руку на плечо мальчика.

— Не переживай. Это просто эффект Покрова. Он искажает произошедшее в прошлом, пытаюсь расстроить тебя.

Мистер Парсонс снял ружьё с предохранителя.

— Довольно, — прорычал он. — Кем бы ты ни был, у тебя есть время, пока я не досчитаю до десяти, чтобы развернуться и отойти от моего сына.

— И здесь мы сталкиваемся со второй нашей проблемой, — сказал Доктор, неотрывно смотря на мистера Парсонса жёстким взглядом. — Во-первых, ты на самом деле не его отец, а во-вторых, я не выношу ультиматумы. — Он вытащил из кармана звуковую отвёртку и направил луч на ружьё. Оружие распалось на атомы.

Бенджи вздохнул.

— Как Вы это сделали?

— Это ненастоящее ружьё, — сказал Доктор, — всего лишь

воспоминание о том, которое было у твоего отца. Я попросту стёр его из твоей головы, повлияв на пару нейронов. Прости за это. Не совсем то, что мне следует делать. Но с другой стороны, и это тоже...

Доктор опять активировал свою отвёртку. В этот раз сам мистер Парсонс пропал во взрыве крошечных частиц.

Бенджи обернулся посмотреть на Доктора.

— Ты убил моего папу!

— Это не был твой папа, — сказал Доктор. — Это был просто его образ. Сперва я подумал, что он должен быть Покровом, который вторгся в твой разум, но это невозможно. Он был слишком удивлён, узнав, что это на самом деле не его земля. Что означает, паразитом должна быть ты! — Он направил отвёртку на собаку Тесс.

— Очень умно, Доктор! — зарычала Тесс.

Глаза Бенджи расширились в изумлении.

— Моя собака говорит!

Доктор кивнул.

— Однажды у меня была собака, которая умела так. Ты удивишься, как быстро изнашивается новшество. — Он продолжил целиться звуковой отвёрткой на Тесс. — Покинь воспоминания этого человека, и я найду другую планету для жизни тебе и твоему виду.

Тесс запрокинула голову и засмеялась.

— Зачем мне уходить, Доктор? Пир только начался... Помни, мальчик... — прошипела собака. — Помни, как ты подстрелил меня, чтобы прекратить мои мучения.

— Это вряд ли, — сказал Доктор. — Я стёр ружьё его отца из воспоминаний.

— Тогда я напому ему о другом, — фыркнула Тесс.

Вспых!

В воздухе появилось мерцание, и вдруг Бенджи уже держал пластиковый бластер с нарисованными по бокам красными молниями.

— Что? — нахмурился Доктор. — Это игрушечное космическое ружьё! Самое страшное, что оно может сделать, — это глупый шум. — Он повернулся и прошептал звуковой отвёртке. — Не то чтобы в этом есть что-то плохое.

— Неужели? — сказала Тесс. Собака повернулась к своему маленькому хозяину. — Не соизволишь продемонстрировать силу твоей игрушки?

Бенни пожал плечами, прицелил бластер на забор и выстрелил. Из его конца вылетел фиолетовый лазерный луч со звуком вроде «пню!» Деревяшки охватило пламя.

— Это невозможно! — крикнул Доктор.

— Не для ребёнка, — сказала Тесс. — Для 8-летнего мальчика игрушечное ружьё действительно работает. Так он это помнит.

— В таком случае мне придётся заставить его забыть и это, — сказал Доктор. — Бенджи, всё произошло не так! Покров манипулирует твоими воспоминаниями, пытаясь усилить твоё горе. Ты должен вспомнить, Бенджи. Вспомни, как всё произошло на самом деле. Но ты сможешь это сделать, только если признаешься себе, что всё это не по-настоящему.

— Я не понимаю, — сказал Бенджи. — Я всего лишь ребёнок.

— Нет, неправда, — сказал Доктор. — Ты Бен Парсонс, 45-летний редактор газеты «The Dallas Morning News». Ты женат на Джейн и очень любишь как её, так и свою работу.

— Не слушай его, мальчик, — рявкнула Тесс. — Ты знаешь правду! Тебе всего лишь восемь лет, и ты застрелил свою собаку, чтобы избавить её от страданий!

Бен снова начал поднимать ружьё.

— Вспомни, Бен, — призвал Доктор. — Вспомни...

Бенджи приостановился.

— Подожди, — сказал он, взглянув на Тесс. — Ты сказала, мне восемь лет, но это не так. Мне было 10, почти 11. Я помню, потому что мой папа подарил мне на 11-й день рождения нового щеночка, чтобы заменить Тесс!

— Молодец! — улыбнувшись, выкрикнул Доктор. — У тебя получается.

— К тому же, произошло это не на улице, рядом с забором. Мы были на ранчо, на заднем дворе, у курятника.

Доктор схватил поводья коня мистера Парсонса и запрыгнул в седло. Он протянул вниз руку Бенджи.

— Тогда как насчёт поехать туда и вспомнить побольше, напарник?

С опаской Бенджи отбросил бластер в сторону. Он разорвался на сверкающие атомы, не успев коснуться земли. Потом он взял руку Доктора и залез в седло возле него.

— Поехали!

Доктор хлестнул поводьями, и они тронулись галопом по равнине. Бенджи крепко вцепился, обняв талию Доктора, а его лицо уткнулось в спину. Нет, в плечо. Нет, его лицо было в тёмных волосах Доктора!

— Ого! — воскликнул Бен, взглянув на себя. Он вырос на тридцать лет за столько же секунд, и его голос внезапно стал низким и гулким. — Пожалуй, ты был прав насчёт 45-летнего меня, Доктор!

— Это хороший возраст, 45, — кричал Доктор через плечо. — Столько было мне, когда я покинул начальную школу.

— Ты не можешь победить меня, Доктор! — зарычал голос.

Доктор и Бен взглянули вниз. Рядом с конём мчалась по равнине собака Тесс.

— Могу, если опережу тебя до ранчо, — обратился Доктор.

— И как ты это сделаешь, если Бен не сможет вспомнить коня своего отца?

Жеребец, на котором ехали Бен и Доктор, исчез в ливне сверкающих атомов, и двое мужчин упали на землю. Смеясь, собака Тесс побежала к фермерскому дому на горизонте.

— Это было нечестно, — сказал Доктор, вставая на ноги и отряхиваясь. — А если Покров не играет по правилам, то и мы не будем. — Он повернулся к Бену. — Нет причин идти нам по длинному маршруту. Представь себе ранчо. Задний двор,

рядом с курятником...

Вспых!

Доктор и Бен вышли через заднюю дверь ранчо. Ночь была ясной, и луна отбрасывала жуткое свечение на курятник.

Во дворе на коленях, спиной к ним стоял мужчина.

— Мистер Уильямс! — воскликнул Бен. — Ветеринар.

Ветеринар встал и повернулся, в его руках было ослабшее тело собаки Тесс.

— Бенджи, — сказал он, удивившись. — Твой папа сказал мне, что ты спишь в постели.

Бен повернулся к Доктору.

— На самом деле всё произошло не так, — сказал он. — Ветеринар пришёл и...

Вдруг Тесс подняла голову к небу и завывала.

— *He-e-e-e-e-et!*

Вспых!

Доктор и Бен оказались на пыльном старом чердаке, окружённые коробками и ящиками для чая, которые были заполнены всяким хламом.

— Вот это да, — сказал Доктор. — Здесь небольшой беспорядок.

— Где мы? — спросил Бен. — Что всё это за вещи?

— Мы в твоей памяти, — сказал Доктор. — Эти коробки полны твоих воспоминаний. Покров пытается сконцентрировать тебя на плохих, но ты не должен поддаваться. Мы должны сконцентрироваться на счастливых.

— Как нам это сделать?

— Надо найти их, — сказал Доктор, начиная рыться в ближайшей коробке. — Как насчёт этого? — спросил он, представляя удочку.

Вспых!

Вдруг Доктор и Бен уже сидели в маленькой лодке посреди мрачного озера. На поверхности маслянистой, чёрной воды блеснул лунный свет.

— О, нет! — сказал Бен.

— Что такое? — спросил Доктор.

— Это из того времени, когда мне было 17, — сказал Бен. — Я пошёл рыбачить вечером в одиночку. Я... Я выпил пару банок пива...

Доктор взглянул на собрание пустых пивных банок на дне лодки.

— Пару?

— Ладно, — вздохнул Бен. — Я пришёл сюда попить пиво. Рыбалка была всего лишь прикрытием. Я потерял вёсла и не мог вернуться на берег.

— И?

— Я пробыл тут всю ночь, во всяком случае пока не пришла буря.

Как будто по команде, послышался раскат грома, и от пустых банок начали отскакивать капли дождя. Но был ещё и другой звук — плеск. Доктор взглянул за борт лодки и увидел проплывающую мимо собаку Тесс.

— Я думал, что мне придётся самому найти плохое воспоминание, Доктор, — сказала она. — Но ты сделал всю трудную работу за меня.

— Всё зашло достаточно далеко, — проворчал Доктор. — Прости, Бен, это может немного ужалить... — Он выхватил свою отвёртку и направил луч на небо. Затем он махнул рукой и пробил отверстие в реальности.

Бен дрогнул, словно только что откусил дольку лимона. По другую сторону дыры он увидел пыльный чердак. Доктор убрал отвёртку, схватил края разрыва и порвал его больше, чтобы через него могли пролезть два человека.

Вернувшись на чердак, Доктор указал на коробки.

— Найди то, что делает тебя счастливым.

Бен вытащил стопку книг из ближайшего ящика для чая, потом улыбнулся чему-то, зажатому между страницами одной из них. Он вытянул кусок нитки, на конце которой был спущенный, красный воздушный шар.

— Это хорошее воспоминание, — сказал он.

— Лопнувший шарик? — сказал Доктор. — Тебе нравится помнить о том, как лопнул шарик? Знаешь, я никогда до конца не пойму вас, люди.

— Оно не о самом шарике, — сказал Бен. — Важно, где я его получил. На моём первом настоящем свидании с Джейн, когда мне было 21...

Вспых!

Шарик взмахнул в вечерний воздух, практически подтанцовывая карнавальная музыка. Весь городок наслаждался ярмаркой.

— Превосходно! — засиял Доктор, находясь в паре шагов за Беном и Джейн. Он следовал за ними, пока они смеялись в зеркальном доме, стреляли из винтовки в тире и кричали на протяжении путешествия на поезде-призраке.

— Это потрясающе! — заорал Доктор с заднего сиденья их вагонетки, когда она мчалась сквозь тёмный тоннель, полный поддельных призраков и вампиров. — Хотя должен сказать, настоящие призраки выглядят не так. Они более желтовато-белые. Что-то связанное с накоплениями серы в эктоплазме. О, и я вижу того вампира, отражающегося в зеркале с привидениями, которое — честно говоря — просто обычное зеркало с нарисованным лицом.

После поезда-призрака — и пяти минут попыток Доктора объяснить ошибки оператору — они купили мороженое и подошли к полосатой палатке, присоединяясь к ожидающей снаружи толпе.

— Собирайтесь! Собирайтесь! — кричал оператор аттракциона. — Заходите внутрь и узрите чудо природы — то, чего не должно существовать!

Бен и Джейн обменялись смешком и поспешили внутрь. Доктор шёл прямо за ними. Они отдали входную плату и примкнули к группе заинтригованных людей внутри затемнённого убранства.

Через несколько мгновений зажётся свет, и постановщик выйдет на маленькую деревянную сцену перед толпой.

— Дамы и господа! — воскликнул он. — Пора раскрыть великую тайну — тайну, которая многие поколения была спрятана от человечества... — Он указал на маленькую клетку, накрытую тканью.

Доктор вытянул шею, пытаясь выглянуть из красного шарика Джейн.

— Приготовьтесь быть потрясёнными и изумлёнными! — Мужчина схватил уголок покрывала. — Наконец лучший друг человека может общаться с ним! — Он скинул покрывало, показывая собаку внутри клетки. Ею была Тесс.

— Я испытываю такую сильную боль, Бен, — сказала собака, открыв носом дверцу клетки и потащившись к нему. — Пожалуйста, заставь её пройти.

Бен посмотрел вниз на свои руки и вздохнул. Он держал одну из винтовок тира. При виде ружья остальная часть зрителей закричала и выбежала из палатки, оставляя Бена, Джейн и Доктора одних с говорящей собакой.

— Ох, это абсурд! — простонал Доктор, целясь отвёрткой в оружие и разлагая его на атомы. — Я не могу следовать за тобой сквозь каждое из твоих воспоминаний и заставлять тебя забывать все оружия, которые ты видел. Ты же американец!

— Видишь, Доктор, — прорычал Покров через собачьи черты Тесс. — Ты не можешь победить. Покров устроит себе пир!

— Но есть другой выход, — сказал Доктор. — Мне жаль, Бен. Я знаю, твоя собака много значила для тебя, но тебе придётся забыть её.

Бенн взглянул на Тесс печальными глазами.

— Правда?

— Боюсь, что да. Таким образом, ты не увидишь её лицо в кофейном пятне на столе Мэй, и Покров не сможет напасть на тебя.

— Нет! — шерсть встала дыбом на спине Тесс, и она оскалилась, злобно рыча, когда Доктор поднял звуковую отвёртку.

Потом — внезапно — собака удалилась из палатки, скуля так, будто она была ранена.

— Это всё? — спросил Бен. — Всё кончено?

Доктор изучил свою отвёртку.

— Не может быть. Я ничего не делал.

— А я все ещё помню Тесс, — сказал Бен. — Из моего детства, и...

Без предупреждения вслед за собакой из палатки вылетел Бен, как будто его тащила невидимая сила.

Доктор развернулся, когда карнавал стал рассеиваться. Сперва Джейн, потом палатка, потом аттракционы снаружи.

Вспых!

— Нет! — выпрямившись, Доктор сел на ковре и посмотрел вниз. Он отпустил руку Бена. Нет, это было невозможно. Кто-то разделил их — то же самое с Покровом по другую сторону. Бен лежал на полу между ними, подёргиваясь. Женщина в голубой вуали замерцала, как сапфиры, а затем испарилась.

— Клара! — закричал Доктор, вскочив на ноги. — Что произошло? — Через офисное окно он увидел, как Клару и Мэй уводили два полицейских. — Клара! — Она оглянулась на него, только чтобы быть вытолкнутой через дверь редакции.

Затем кто-то схватил руки Доктора и надел за спиной наручники.

— Сэр, Вы арестованы по подозрению в сегодняшнем угоне машины скорой помощи из мемориальной больницы Парклэнд...

— Бен! — крикнул Доктор, отталкивая полицейского. Он упал на колени рядом с редактором газеты и прислонил ухо к его груди. — Его сердце остановилось! — воскликнул Доктор. — Вы должны ему помочь. Он умирает!

Полицейский вытащил пистолет и направил его на Доктора.

— Сэр, отойдите немедленно!

— Кто-нибудь, помогите ему!

Глава 7

— Я не убивал его! — Доктор вскочил со стула в третий раз за три минуты. — И, если начистоту, мне кажется, вы не прислушиваетесь к моим словам. Вы сейчас же должны выпустить меня отсюда. На вашу планету напали, и я должен найти способ спасти её.

На другом конце стола два полицейских детектива обменялись усталыми взглядами. Обоим было лет под 30, у них была одинаковая стрижка. Единственное различие между ними было в цвете их формы.

— Пожалуйста, присядьте, сэр, — сказал тот, кто был в зелёной форме.

— Хорошо! — сказал Доктор, разводя руками. — Сделаем по-вашему. — Он сел и изучил двух детективов. — Кто из вас плохой коп?

— Прошу прощения? — сказала Серая форма.

— Плохой коп, — повторил Доктор. — Который будет угрожать мне грубой силой. Потом другой отправит его подышать свежим воздухом и предложит принести мне кофе. — Он пристально посмотрел на две формы. — Поверьте, дела ускорятся, если мы просто пропустим эту часть.

Серая форма прищурилась.

— Сэр, мы оба обучены тактике допроса подозреваемого. Никто из нас не будет угрожать Вам насилием.

Доктор откинулся на спинку стула и фыркнул.

— Ну, если не собираетесь подыгрывать, то нам нет особого смысла продолжать.

— Начнём сначала, — сказала Зелёная форма. — Как Вам, без сомнения, известно, вчера днём был застрелен и убит президент Кеннеди. Можете сказать нам, где Вы были в

момент происшествия?

— Я был на месте археологических раскопок, в 400 000 световых лет отсюда в 51 веке.

Серый ударил рукой по столу.

— Это серьёзно! — закричал он.

— А я *серьёзен*! — крикнул в ответ Доктор, ударяя своей рукой по столу. — И, как бы там ни было, плохой коп — Вы, просто Вы этого не знаете. А теперь давайте ускоримся. У нас осталось мало времени.

— Для чего мало времени?

Доктор встал и наклонился над столом к Серому.

— Лица.

— Какие лица? — спросил Серый.

— Какие лица? Никто не вылезал из вашего кофе? Никто не торчал из раковины, когда вы брились сегодня утром?

— Сэр, думаю, Вам стоит присесть, — сказал Зелёный, бросив косой взгляд коллеге. — Возможно, Вы нехорошо себя чувствуете. Хотите, чтобы мы позвали доктора?

— Я сам доктор!

— Доктор чего? — спросил Зелёный. — Медицины?

— Среди прочего, — сказал Доктор. — Многого прочего, на самом деле. Вы в жизни не догадаетесь, доктором чего можно стать. Например, сыра, но только вонючего, голубого.

Зелёный сделал ещё одну заметку.

— Значит, вы не видели лиц? — спросил Доктор. — Конечно, не видели. Ограниченное воображение, никакого психического отклика. Вы двое не увидите эти лица, если они, ну... смотрели бы вам в лицо. Послушайте меня внимательно: мне необходимо вернуться в больницу.

— Вы никуда не уйдёте, — сказал Серый. — Пока что Вы задержаны по подозрению в убийстве.

— Я никого не убивал! — выкрикнул Доктор. — Это ваш офицер разорвал связь между Беном и Покровом.

Зелёный набросал слова в блокноте.

— Покров?

— Пришелец! — сказал Доктор. — Женщина, державшая Бена за руку.

— У нас под стражей две женщины, — сказал Зелёный, пролистывая свои записи. — Мисс Мэй Келлон и мисс Клара Освальд. — Он взглянул на Доктора. — Вы утверждаете, что одна из этих женщин убила мистера Парсонса?

— Нет, конечно, — ответил Доктор. — Это была другая женщина. С собачьими глазами.

Зелёный снова проверил свои бумажки.

— Офицеру, производившему арест, первоначально показалось, что на месте преступления присутствовало три женщины, — сообщил он коллеге, — но позже он снизил это число до двух. Нет никакого упоминания о женщине «с собачьими глазами».

Доктор вздохнул.

— Это потому что она исчезла, как только ваш офицер оттащил Бена от неё. Он уже был мёртв. Она больше не могла питаться его горем... — Он ахнул, расширив глаза. — Ну, конечно! Вы понимаете? Это модель Кюблер-Росс! Она была права!

Зелёный был в недоумении.

— Какой Кюблер?

— Элизабет Кюблер-Росс, — воскликнул Доктор. — Она утверждала, что существует пять стадий горя: отрицание, гнев, торг, депрессия и смирение. В то время я с ней спорил, но она оказалась права. Всё это находится в книге, которую она опубликовала в 1969 году.

— В 1969 году? — уточнил Серый. — Вы понимаете, что сейчас 1963 год?

— Да, извините, — сказал Доктор. — Это в книге, которую она *опубликует* в 1969 году. Всё идеально сходится. Бен постоянно говорил, что это невозможно. Он был на стадии отрицания. Чем дольше люди остаются связанными с Покровом, тем больше они прогрессируют. И когда они

достигают смирения... — Он вытянул руку над столом, вырвал блокнот и ручку Зелёного, после чего начал в бешеном темпе черкать уравнения.

Зелёный наблюдал за ним в течение секунды, а затем наклонился вперёд.

— Сэр, пожалуйста, не обижайтесь, но вы когда-либо находились в какой-нибудь психбольнице?

— Недолгое время, — сказал Доктор, не отводя взгляд от своих расчётов. — Это был Бедлам.

— Вы имеете в виду, там была анархия? — спросил Зелёный. — Бедный хлам? Так Вам и удалось сбежать?

— Что? Нет. Она *называлась* Бедлам, — сказал Доктор. — Я провёл там свой отпуск. Хорошее местечко, когда привыкнешь к рёву и скрежету зубов. И каша там хорошая, если мне не изменяет память. Конечно, всё пошло ко дну к тому времени, когда я пришёл навестить Питера Стрита, сошедшего с ума во время проектирования театра «Глобус». — Он закончил работу и откинулся назад, на его лице читался ужас. — Одиннадцать часов.

Серый снова обменялся взглядом с коллегой.

— Сэр?

Доктор опять вскочил на ноги и начал ходить взад и вперёд.

— Покров не просто кормится горем — они культивируют его. Сеют семена для собственного пропитания. Эпицентр находится здесь, в Далласе, из-за убийства президента Кеннеди, но за одиннадцать часов это распространится по остальным частям планеты. И если человечество достигнет стадии смирения до того, как я смогу найти способ остановить нападение, обратить вспять будет уже нельзя.

— Это связано со смертью президента? — спросил Серый.

— Конечно, связано! — крикнул Доктор. — Этого события ждал Покров. Ох, если бы только Джек был бы сейчас здесь. Он бы уговорил вас послушать меня.

— Вы говорите, что знали президента Кеннеди?

— Да, ну... нет. Вроде того. Я встречал его в 1950-х годах, прямо перед тем как я был случайно помолвлен с Мэрилин Монро в доме Фрэнка Синатры.

Зелёный бросил блокнот на стол и потёр рукой свой лоб.

— У меня заболела голова.

Доктор подошёл к зеркалу, простиравшемуся вдоль всей стены помещения для допроса, и ударил по стеклу.

— Ау? Я знаю, что это полупрозрачное зеркало, и на другой стороне кто-то есть. Вы там, и я должен поговорить с Вами. — Ответа не последовало. Он вздохнул. — Поверьте мне, у нас совсем нет на это времени. Если Вы не выйдете, мне придётся просто убрать стекло, — предупредил он. Он потянулся в карман сюртука и снова вздохнул. — Вам обязательно было конфисковать мою отвёртку? — спросил он, обернувшись к Серому и Зелёному.

— Отвёртку? О чём Вы говорите? — задал вопрос Серый.

Доктор повернулся к зеркалу.

— Кем бы Вы ни были, Вы здесь главный, — сказал он. — Так что, пожалуйста, выгоните отсюда Эбботта и Костелло и позвольте мне поговорить с кем-нибудь, у кого воображения побольше, чем у куска хлеба!

Дверь отворилась, и в комнату вошёл человек постарше в плохо сидящем, клетчатом костюме. Доктор с улыбкой взглянул на него.

— Если бы у всех были свои роли, он бы сейчас сказал нам, что ему остался один день до пенсии и он слишком стар для этой чепухи.

Новоприбывший проигнорировал комментарий Доктора.

— Теперь я займусь этим делом, — сказал он детективам.

— По чьему приказу? — потребовал ответа Зелёный.

Мужчина в плохо сидящем костюме раскрыл свой кошелёк и показал внутри золотой значок.

— ФБР, — решительно произнёс он.

Поворчав, Серый и Зелёный собрали свои записи, вышли из комнаты и хлопнули дверью за собой. Человек постарше

занял один из освободившихся стульев.

Доктор улыбнулся.

— Человек за зеркалом, я так полагаю.

— Меня зовут специальный агент Уоррен Скит, — сказал мужчина, сложив руки. — Расскажите мне о Покрове.

Доктор наклонился вперёд.

— Вы верите мне?

— Я такого не говорил.

— И не надо, — сказал Доктор. — Я могу сказать это по Вашему взгляду. — Он наклонился. — Кого Вы увидели?

— Своего напарника, — сказал Уоррен. — Джока.

— Но Джок умер, — предположил Доктор. — Я прав?

Уоррен промолчал.

— Как Вы улизнули от Джока?

— Его лицо было на оконном стекле, — рассказал Уоррен.
— Я разбил его. Он наговорил кое-что...

— Тогда Вы один из тех, кому повезло, — сказал Доктор.

— Вы можете помочь людям, которые видели лица?

— Отсюда не могу.

— Выпустив Вас, я могу лишиться работы.

— Удерживая меня здесь, Вы лишитесь планеты.

Уоррен сделал глубокий вдох и вытащил из кармана монету. Он подбросил её.

— Решка, — сказал он. — Вы свободны. — Он достал из своего кармана звуковую отвёртку и покатыл его по столу. — Что Вам необходимо от меня?

Доктор схватил отвёртку, покрутил её и закинул во внутренний карман.

— Во-первых, Вы можете выпустить моих друзей, — сказал он. — А потом мне надо вернуться в больницу. Там самая большая концентрация лиц.

— Я всё равно не получал удовольствие от этой карьеры, — произнёс Уоррен, отталкивая назад стул и вставая с него. —

Вперёд. — Он толкнул дверь, Доктор — за ним, после чего они вдруг оба остановились.

Зелёная форма стояла прямо за дверью, держа руки женщины в голубой вуали. Он бормотал, прямо как Бен.

— Это невозможно. Это не может происходить.

— Не касайтесь их! — сказал Доктор, оттягивая Уоррена. — Никого из них. — Он вышел в коридор, прижимаясь к стене, чтобы не дай бог нечаянно задеть Зелёного.

— Что с ним случилось?

— Это всё лица, — сказал Доктор. — Покров. Когда они наконец пробиваются внутрь, происходит это.

— Вы можете ему помочь? — спросил Уоррен. — Оттащить его от неё?

Доктор пробежался отвёрткой вверх и вниз по телу Зелёного, затем по руке, через которую он был связан с инопланетянином.

— Мне жаль, — сказал он, проверяя показания. — Он был здесь несколько минут. Если я попытаюсь разорвать связь, он умрёт так же, как Бен Парсонс.

— Мы же не можем оставить его вот так!

— Придётся, — сказал Доктор. Он положил отвёртку в карман. — Как его зовут?

— Майкл, — сказал Уоррен. — Детектив Майкл Зелёный.

Доктор невольно улыбнулся.

— Что ж, этого я не ожидал услышать, — сказал он. — Хотя я вообще ничего не слышу. — Он прошёл полдюжины шагов по коридору и затем остановился послушать. — Это штаб-квартира управления полиции Далласа, но тут тихо. Ни телефонов, ни разговоров, ни звука шагов. — Он обернулся к Уоррену. — Идём!

В столовой они нашли Серого, держащего руки Покрова. Слёзы тихо катились по его щекам. И он был не один. Помещение было заполнено полицейскими, детективами и гражданскими — все были связаны с женщинами в голубых вуалях. Все за исключением девочки-подростка, которую они

обнаружили съёжившейся рядом с холодильником в кухонной зоне. При виде двух мужчин она закричала и попыталась закрасться дальше в крошечное, уютное местечко.

— Привет, — сказал вежливо Доктор. — Я Доктор, а это Уоррен. Не стоит нас бояться.

Девочка быстро перевела взгляд с Доктора на агента ФБР и обратно. Её глаза были полны страха.

Доктор взял её дрожащую руку.

— Как тебя зовут?

— П-Пегги, — заикнулась девочка.

— Хорошо, Пегги, — сказал он, доставая из кармана психобумагу. — Я хочу, чтобы ты прочитала, что здесь написано...

Пегги взглянула на бумагу, потом вновь на Доктора.

— Тут ничего нет, — хныкнула она.

— Как я и думал, — сказал Доктор Уоррену, закрывая бумажник и засовывая его обратно. — Низкий психический отклик. Она не может увидеть лицо.

— Значит, она в безопасности? — спросил Уоррен.

— Пока что, — ответил Доктор. — Пегги, — сказал он, переключив своё внимание обратно на девочку. — Сейчас идёт учение на проверку чрезвычайных ситуаций...

Пегги нахмурилась сквозь слёзы.

— То есть это не по-настоящему?

— Конечно, нет, — улыбнулся Доктор. — Это просто один из тех случаев «Пригнись и накройся». Скучно, на самом деле, но очень важно на случай настоящей катастрофы.

Пегги кивнула. Тыльной стороной руки она вытерла слёзы.

— Что мне делать?

Доктор помог ей встать.

— Пойдём с нами, — сказал он с улыбкой. — У меня для тебя очень важная часть учений. Я хочу, чтобы ты сыграла заключённую.

— Но из меня актриса никакая.

— Не стоит недооценивать себя, — сказал Доктор. — Особенно сейчас, когда ты так притворяешься испуганной. Ты звезда в этом ремесле.

Пегги нервно хихикнула.

— Вы так считаете?

— Это как съёмки в фильме, — сказал Доктор. — Итак, если Уоррен соизволит провести тебя в камеру, то мы введём тебя в роль.

Через несколько минут Пегги сидела на холодной каменной скамье в свободной полицейской камере.

— Как я справляюсь? — спросила она.

— Идеально! — выразил свой восторг Доктор. — А теперь, если не возражаешь, небольшое указание: я хочу, чтобы ты оставалась запертой здесь, пока кто-нибудь не придёт и не скажет, что выйти безопасно. Учти, это может занять некоторое время. И что бы ты ни делала, не касайся никого с голубой вуалью на лице: они актрисы, играющие заражённых жителей.

— Не буду!

Доктор и Уоррен вышли из камеры.

— Готова к крупному плану? — подмигнул Доктор.

Пегги вновь захихикала.

— ...И мотор!

Уоррен закрыл и замер дверь камеры.

— Она будет здесь в безопасности? — спросил он.

— В большей, чем многие другие, — сказал Доктор. — А теперь попробуй раздобыть ключи к другим камерам.

В конце коридора они нашли Клару и Мэй в одной камере. Клара крепко обняла Доктора.

— Я не знала, что они с тобой сделали, — воскликнула она.

— Я заводил новых друзей, — сказал Доктор, выпутываясь из объятий Клары. — Клара, Мэй, познакомьтесь с Уорреном.

Клара пожала руку агента ФБР.

— Где Бен? — спросила Мэй, оглядываясь.

— Мне очень жаль, — произнёс Доктор.

Мэй со вздохом откинулась к стене.

— Что произошло? — спросила Клара.

— Он впал в шок, — объяснил Доктор. Покров был глубоко внутри его разума, когда связь оборвалась. Но полицейский не был виноват. Ему неоткуда было знать, что случится.

— Тогда нам надо вернуться, — сказала Мэй.

— Его уже там нет, — сказал Уоррен. — Следователь вывез его тело из офиса вскоре после того, как вас всех арестовали.

— Я не об этом, — сказала Мэй. Она повернулась к Доктору. — У тебя есть машина времени — так докажи! Вернись и останови Бена от касания с этой штукой.

— Это так не работает, — сказал Доктор. — Я не могу.

— Но ты должен...

— Я не могу! — твёрдо сказал Доктор. — Мне очень жаль.

Мэй скрыла своё лицо в руках и зарыдала.

Клара обняла её.

— Что нам делать, Доктор?

— Я не знаю, — признался Доктор, снова став ходить взад и вперёд. — Бен начинал отторгать Покров, когда связь оборвалась, но я не могу заходить в воспоминания всех до единого людей и призывать их сделать то же самое. У нас нет времени. — Он прекратил расхаживать и обернулся. — Должно быть...

Вдруг они услышали шум моторов, и Доктор подбежал к окну, запрыгнув на скамейку, чтобы выглянуть.

— Нет-нет-нет! — закричал он, рванув к двери.

Уоррен, Мэй и Клара выбежали за ним. Десятки тёмно-зелёных военных автомобилей колонной проезжали мимо них.

— Мне надо вернуться в больницу, — сказал Доктор.

Глава 8

Машина скорой помощи со скрипом остановилась у блокпоста, перекрывшего вход на первый этаж больницы. За длинными витками колючей проволоки поперёк дороги был поставлен грузовик.

Поездка по городу была тяжёлой. Улицы были полны людьми, которые держали за руку женщин в голубых вуалях, и они были вынуждены осторожно объезжать каждую пару.

Доктор выскочил из машины и помчался к вооружённому солдату, сторожившему ограждение.

— Привет, — сказал он. — Чудесная у тебя тут баррикада. Отличная работа. Слушай, я знаю, тебе нельзя никого впускать, но дело в том, что мне очень-очень надо поговорить с тем, кто здесь главный.

— Простите, сэр, — сказал солдат. — Генерал Уэст организовал внутри больницы командный штаб. Гражданским вход воспрещён, если только не требуется неотложная медицинская помощь.

— Мы в карете скорой помощи, — отметил Доктор. — Почему ты считаешь, что это не неотложный случай?

Солдат пожал плечами.

— Вы не доктор.

— Ха! Я ещё и доктор, и могу доказать. — Он стал рыться в карманах.

— В чём задержка? — обратилась к нему из машины Клара.

— Я потерял свой стетоскоп! — крикнул Доктор с подлинно печальным видом. Он обернулся к солдату. — Как тебя зовут?

— Рядовой Райт, сэр, — ответил молодой человек.

— Хорошо, рядовой Райт, — немедленно сказал Доктор. — Вот в чём загвоздка. Тебе необходимо пропустить нас через

свою баррикаду. От этого может зависеть будущее всей человеческой расы.

— Боюсь, это абсолютно невозможно, сэр. Я всего лишь выполняю свою работу.

— Да, и, к сожалению, ты прекрасно с ней справляешься, — вздохнул Доктор. — Я могу поговорить с кем-нибудь ещё? Повыше званием?

— Есть сержант Скотт.

— Превосходно, в таком случае могу я обратиться к сержанту Скотту?

Рядовой Райт снова пожал плечами.

— Сержант! — позвал он, отступив назад, чтобы заглянуть за грузовик. — Здесь кто-то, кто... — Вдруг он поднял винтовку на кого-то или что-то, чего Доктор не видел. — Мэм, отойдите сию же минуту!

Доктор перепрыгнул через спираль из колючей проволоки и поспешил к рядовому Райту. За грузовиком другой солдат — сержант Скотт, судя по знакам отличия на его форме — держал за руки женщину в голубой вуали и в платье того же цвета. Слёзы катились по щекам сержанта, и он бормотал себе под нос.

— Это не по-настоящему. Это не может быть настоящим.

— Я сказал немедленно отойти от сержанта! — прокричал рядовой Райт. — Сержант! Сержант! Вы меня слышите?

Сержант Скотт продолжал плакать и стонать.

Доктор опустил руку на плечо юного солдата.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Прямо сейчас я ничего не могу сделать для него, но, если ты нас пропустишь, я смогу найти способ.

Рядовой Райт отряхнул руку Доктора и сделал шаг по направлению к безмолвной женщине, нацелив на неё ружьё.

— Это Ваше последнее предупреждение, мэм! — крикнул он. — Немедленно отпустите руку сержанта, или я открою огонь!

— Не надо! — предостерёг Доктор. — Она не то, чем

кажется...

Рядовой Райт повернулся к Доктору, дёргая пальцем на спусковом крючке.

— Тогда скажите мне, кто она, сэр!

— Не могу, — сказал Доктор, — так чтобы ты сейчас понял.

— Он протянул руки. — Отдай мне ружьё, и мы сможем поговорить...

— Нет, не надо! — затерявшись в воспоминаниях, сержант Скотт упал на колени. — Нет!

Женщина упала на колени рядом с ним.

Рядовой Райт снова нацелил ружьё на неё.

— Отойдите от моего сержанта!

— Солдат! — произнёс настойчиво Доктор. — Опустите оружие. Пожалуйста.

Напуганный рядовой на мгновение обратил ружьё на Доктора, потом снова на женщину, сжимавшую руку сержанта. Он моргал, избавляясь от собственных слёз.

— Я не... Я не...

— Ты не понимаешь, — закончил предложение молодого человека Доктор. — Это нормально. Правда. Но ты должен послушать меня. Я могу помочь...

После этого сержант Скотт запрокинул голову и завопил, как раненое животное.

Паф!

Рядовой Райт выстрелил из винтовки. В центре груди Покрова на миг появилась дырка от пули, и затем существо испарилось в дожде голубых искр. Тут же сержант Скотт упал на землю, дрожа и кашляя, как будто находился посреди приступа удушья.

Доктор встал на колени рядом с ним и пощупал пульс на шее солдата. На секунду ему показалось, что он нашёл его, но потом — ничего. Сержант Скотт, не шевелясь, рухнул вниз.

— Что случилось? — раздался крик. — Мы услышали выстрел. — Доктор взглянул и обнаружил, что за ним стоял

Уоррен. Клара и Мэй показались из-за грузовика.

Рядовой Райт замер на месте, всё ещё сжимая винтовку в дрожащих руках.

— Помоги Кларе поместить тело сержанта в кузов грузовика, — сказал Доктор Уоррену. — Мэй, найди тихое место, чтобы усадить рядового Райта. Затем все вы встретьте меня у больницы.

— Что ты будешь делать? — спросила Клара.

Доктор встал, в последний раз посмотрев на мёртвого солдата у своих ног.

— Я поговорю с тем, кто здесь главный.

Оставив их выполнять поручения, Доктор помчался через парковку и вверх по лестнице в приёмную больницы, лишь для того чтобы натолкнуться на очередного вооружённого охранника.

— Простите, сэр, — сказал солдат. — Вам дальше нельзя.

— Ну вот опять, — сказал себе Доктор. — Ещё одна встреча с военным умом... — Он любезно улыбнулся охраннику. — Серьёзно? Дальше нельзя?

— Боюсь, что нет, сэр. Вход в больницу доступен только военнослужащим.

— В точности то, что я надеялся услышать! — засиял Доктор, разворачиваясь, чтобы уйти. — Большое спасибо, что уделили время.

Он увидел, что Уоррен, Мэй и Клара ждали его снаружи на лестнице.

— Мне нужна диверсия, — сказал он тихо.

— Даже если ты пройдёшь мимо этого парня, внутри будут другие солдаты, — сказала Клара. — Ты не доберёшься до генерала.

— Доберусь, если сперва заскочу в ТАРДИС...

Через несколько мгновений Доктор нырнул в нишу и смотрел, как по ступеням к приёмной поднимается Уоррен, тяжело дыша. Когда он достиг вершины, он схватился за грудь и упал. Мэй и Клара бросились к нему, вставая на

колени.

— Помогите! — закричала Мэй. — Кажется, у него сердечный приступ! Кто-нибудь, помогите!

Солдат на посту поспешил к ним, позволяя Доктору проскочить незамеченным в коридор за ним.

Генерал Харли Б. Уэст развернул по столу карту Далласа и отошёл, чтобы полюбоваться своей работой. Менее чем за час он преобразовал одну из операционных больницы в командный центр Техасской национальной гвардии. Безусловно, в результате пришлось перенести операции нескольких пациентов, но жертвы всегда бывают, когда мощь военных привлекают для защиты величайшей нации в мире.

Как только он услышал о странных лицах, появляющихся по всему городу, генерал Уэст привёл своё формирование в состояние боевой готовности. К счастью, они всё ещё были в состоянии готовности со вчерашнего дня. Услышав об убийстве президента Кеннеди, генерал Уэст приготовил свои войска к обеспечению военного положения, которое, по его мнению, должно быть инициировано в данном районе. Вместо этого власть имущие попросту оцепили Дили-Плаза, словно она была рядовым местом преступления, а не покушением на саму демократию. Ладно, может быть, он не поддерживал этого конкретного президента, но он бы боролся до последнего вздоха, защищая свободы, которые позволяли человеку быть избранным на пост.

И это был не первый раз, когда губернаторы штата проигнорировали его советы. В прошлом году было жалкое событие, когда Советский Союз разместил на Кубе ракеты и угрожал запустить их на США. Одна мысль об этом вскипятила кровь генерала, и он был вынужден ухватиться за край операционного стола, чтобы контролировать свой гнев. Конечно, он был одним из немногих голосов, призывающих к полномасштабному тактическому удару по Кубе за соглашение примкнуть к Москве. «Кастро не сможет запустить ракеты со дна моря», — отметил он. Однако демократия и переговоры в итоге одержали верх. Ещё одна

война — и ещё одна возможность для генерала Уэста искупаться в воинской славе — была предотвращена.

Тем не менее, ему следовало не унывать. Однажды ему выпадет торжественный проезд, и, возможно, он произойдёт с помощью этой сумасшедшей бессмыслицы с лицами из ниоткуда. Она наверняка из-за русских — как всегда, — и на этот раз бюрократам в штатском Капитолии придётся прислушаться к голосу разума. Время для разговоров с теми, кто ненавидел свободу, окончено. Сейчас были необходимы стремительные военные действия, и он был как раз тем человеком, который мог их обеспечить.

Дверь в операционную распахнулась, и вошёл его заместитель, капитан Адам Китинг, неся брезентовый мешок. Он был значительно моложе генерала: он быстро продвинулся сквозь звания, благодаря непоколебимой поддержке людей, которыми он руководил, и также уважением начальства. Хотя он не был таким плохим, и генерал подозревал, что тот мог постоять за себя в битве, если ему когда-нибудь выпадет такая возможность.

— Ты принёс их? — спросил генерал, разглаживая складки на карте.

— Так точно, — ответил Китинг, — но медсёстры в детском отделении не обрадовались этому.

— Это война, Китинг! — возразил генерал. — Мы здесь не для того, чтобы радовать людей.

— Технически это не война, сэр, — подчеркнул Китинг. — Мы пока не знаем, с кем или чем имеем дело, поэтому не можем объявить войну.

— Всего лишь вопрос времени, — буркнул старый солдат. — Ну? Давай взглянем на них.

С едва скрываемым вздохом капитан Китинг выгрузил содержимое сумки на стол. Генерал обнаружил десятки пластиковых кукол.

— Превосходная работа! — воскликнул он, хватая самую большую игрушку. Он подержал её в руках секунду, затем сорвал с неё голову, а остальное бросил в угол комнаты.

— Наибольшая концентрация восстания голов и лиц была здесь, в больнице, — сказал он, размещая голову куклы на карту. — Так что эту мы расположим здесь... — Он взял другую куклу и быстро обезглавил её. — Помимо этого, они были замечены в Фэйр-Парк, на стадионе «Коттон Боул», и несколько — в Музее современного искусства, хотя, если проводишь свои дни, глядя на полуголые скульптуры, то получаешь по заслугам.

Капитан Китинг смотрел, как генерал постепенно покрывал карту отсечёнными головами кукол.

— У вас есть план наступления, сэр? — спросил он.

— Конечно! — выкрикнул генерал. — Мы запустим их обратно в Россию, откуда они пришли!

— Прошу простить меня, сэр, — вставил слово Китинг. — Мы не знаем, что они из России. Могу я предложить, чтобы мы подольше изучили врага, прежде чем начнём запускать их?

— Очень мудро, лады! — рявкнул голос с порога до того, как генерал успел ответить. Китинг обернулся и увидел, как комнату пересекает высокий, худой мужчина в британской военной форме. Его волосы (практически точно длиннее, чем позволяла любая армия) были приклеены к голове маслом, и у него были тёмные усы, которые самую малость наклонялись влево.

Рука генерала зависла над рукоятью служебного пистолета.

— Кто же Вы такой, во имя всего святого? — потребовал он объяснения.

— Меня зовут Летбридж-Стюарт! — заявил незнакомец. — Бригадир Алистер Горд... Нет, стойте, погодите... Сейчас ещё 1963 год, верно? — Он остановился на миг посчитать на пальцах. — Да, точно! Я *полковник* Алистер Гордон Летбридж-Стюарт. Британская армия, старина! Очень рад познакомиться, моё почтение! — Он протянул руку, на что генерал не обратил внимания.

— Что Вы здесь делаете? — растянул слова техасец.

— Меня послали помочь с этими назойливыми головами, — сказал британец. — Разобраться с негодяями раз и навсегда. Грейхаунд-Лидер Ловушке-Один и всё такое, мой старый приятель.

— Послали? — сказал генерал. — Кто?

Полковник Летбридж-Стюарт отвёл глаза, когда он, казалось, задумался.

— Пентагон, кто же ещё, старина? — ответил он через секунду-две. — Я пребывал там, работая на паре проектов военного рода — знаете, всякие с солдатами и тому подобное — и, как только они слышали обо всех этих мерцающих лицах, они посадили меня на первый авиарейс сюда. Или туда. Куда бы это ни было. — Он дотянулся до воротника, чтобы поправить галстук, но в последний момент, видимо, передумал и взамен покрутил концы усов.

Глаза генерала сузились.

— Вы видели такое раньше?

— Не в точности такое, шкипер, — ответил полковник. — Но ситуации вроде этой прямо по моей проклятой части, приятель. На Вашем месте я бы внимательно послушал и сделал всё, как я говорю.

Генерал заворчал.

— Может, Пентагон и отправил какого-то трусливого англичанина давать советы, но главный здесь всё ещё я, понятно?

— Конечно, дружище, — выпалил Летбридж-Стюарт. Он вытащил из кобуры свой пистолет и беспечно помахал им в воздухе. — Итак, кого мне тут пристрелить, чтобы принесли чашку чая?

Капитан Китинг пригнулся ниже линии ствола.

— Эм, я буду счастлив принести Вам чай, сэр, — сказал он, — если Вы только соизволите обезопасить оружие.

— Непременно, старина! — засиял полковник. — Всё равно я никогда не любил эти штуки. — С третьей попытки он засунул пистолет обратно в кобуру, и Китинг покинул

комнату. — Ну что ж... — сказал он, наклоняясь над украшенной головами кукол картой. — Что у нас тут?

— Актуальная сводка о лицах и головах, — сказал генерал. Ему не нравилось делиться информацией с этим попивающим чай британцем, но, раз Пентагон отправил его помочь, ему предстоит написать обратно отчёт. Он подыграет и включит дурачка... до поры до времени. — Мне нужно точно знать, где они находятся, чтобы я смог стереть их с лица Земли. — Генерал засмеялся от души и хлопнул Летбридж-Стюарта по спине. Когда полковник был вновь в состоянии дышать, он присоединился к хохоту.

— Первоклассное мастерство, не иначе! — воскликнул Летбридж-Стюарт. — Но как же элемент неожиданности?

— А что с ним?

— Ну, подумайте же, старина... Если пойти на них с палящими ружьями, среди врага пойдёт информация, что на них напали. Однако, если поместить войска вне поля зрения негодяев, можно захлопнуть капкан, когда придёт время!

Пол лицу генерала поползла улыбка.

— Застать их врасплох, имеете в виду?

— В этом вся задумка!

Генерал Уэст развернулся и зашагал через комнату и обратно, обдумывая в голове идею.

— Полагаю, это будет означать, что я смогу положить конец вторжению одним махом...

— Вторжению? — сказал полковник. — Вы уверены, что это вторжение?

— Ну конечно, это вторжение! — закричал генерал. — Вторжение коммуняков!

— О, эм... да. Разумеется!

— А положение конца целому вторжению одной командой... Вот это обратит на меня внимание!

— Ещё бы! — сказал Летбридж-Стюарт, хлопая рукой по спине генерала. Он заметил реакцию старого солдата и живо сунул руку в карман пиджака. — Должен себе представить, это

произведёт впечатление на многих больших шишек в Вашингтоне.

Генерал ухмыльнулся. Как бы ни был безумен этот британский парень, ему нравилась идея быть замеченным большими шишками, кем бы они ни были.

— Так куда бы Вы предложили поместить мои войска? Вне поля зрения врага?

— Полностью вне поля зрения! — сказал полковник. Он вытащил руку из кармана и раскрыл её — в ней была примерно дюжина конфет в виде маленьких человечков. — Вообще, будь я на Вашем месте, я бы отвёл их прямо сюда. — Он бросил сладости в область возле внешнего края карты.

Генерал наклонился, чтобы исследовать область, и нахмурился.

— Это мои казармы, — категорично сказал он.

— Совершенно верно, старина, — пришёл в восторг Летбридж-Стюарт. — И именно это от Вас не будут ожидать те никчёмные малые.

— Но это полный вывод моих людей!

Полковник Летбридж-Стюарт помахал длинным пальцем в воздухе.

— Возможно, это так будет выглядеть, дружище, — согласился он. — Но в действительности это проницательная военная тактика.

Дверь распахнулась, и вернулся капитан Китинг, неся поднос с чашками.

— Великолепно! — воскликнул полковник. — Я чертовски высох, оруженосец!

Но вместо того, чтобы предложить чай, Китинг повернулся и направил на британского офицера пистолет.

— Ты самозванец! — заворчал он. — Руки вверх!

— Господи! — воскликнул полковник Летбридж-Стюарт, поднимая руки. — Я буду кофе, если с чаем такие проблемы.

— Кофе — для генерала, — прорычал Китинг. — Простите, что так долго, сэр: я сделал телефонный звонок, пока меня не

было. Звонок в штаб-квартиру британских военных, которые рассказали, что *настоящий* полковник Летбридж-Стюарт в настоящее время на тактических манёврах на Солсберийской равнине.

— Что? — зарычал генерал Уэст. — Ты говоришь, что этот человек ненастоящий?

— Именно это я и говорю, — сказал Китинг, потянувшись к поддельным усам британского солдата. Летбридж-Стюарт наклонился назад, пытаясь уберечь свою растительность на лице от его рук, но капитан Китинг просто рванул за волосы и сорвал их.

— Ой! — закричал фальшивый полковник, хватаясь за свою верхнюю губу. Затем он разворошил зализанные назад волосы в тревожный беспорядок. — Привет! Я Доктор. Полагаю, о чае теперь не может быть и речи?

— Думаю, тебе предстоит объяснение, — буркнул генерал, нацелив теперь свой пистолет на Доктора. — Что ты делаешь в моём командном центре?

— Да, что ж, это я могу объяснить, — сказал Доктор. — Простите за маскировку, но она была хороша, правда? Мне надо было найти способ поговорить с Вами. Генерал, что бы Вы ни делали, Вам ни за что нельзя нападать на Покров.

— Чего? — потребовал ответа генерал.

— Покров, — сказал Доктор. — Немного длинная история, но они инопланетная раса, которая здесь, чтобы полакомиться горем людей. Я могу найти способ остановить их — мне лишь нужно время.

— У тебя будет полно времени там, куда ты отправишься, — сказал генерал, указывая пистолетом на дверь. — Капитан Китинг, уведите его.

— Я серьёзно, вам надо послушать меня!

— Я не стану слушать сумасшедшего с поддельными усами. Уведи его отсюда!

— В поддельных усах нет ничего такого, знаете ли, — пробормотал Доктор, пока Китинг выставлял его за дверь. —

Вы же не считаете, что у Кларка Гейбла были настоящие, верно? Он был никем, пока я не приклеил эти усы на него...

Генерал Уэст выбрал чашку с подноса и потянул кофе, когда ложного британского офицера выставили из штаба командования.

— Имейте совесть!

Снаружи, в коридоре, Китинг повернулся к Доктору.

— Вы знаете, что здесь происходит? — спросил он.

Доктор кивнул.

— Немного.

— Идёмте со мной, — сказал капитан.

— Ты никуда не пойдёшь, — раздался голос. Капитан Китинг обернулся и увидел, что на его голову нацелен пистолет.

— Уоррен! — крикнул Доктор. — Что это ты делаешь?

— Скорее всего, я подаю в отставку, — ответил со зловещей улыбкой агент ФБР. Он щёлкнул предохранителем пистолета и обратился в боковую комнату. — Я взял его.

На входе в комнату появилась Клара.

— Введи его внутрь, — приказала она.

— Мне это совсем не кажется хорошей идеей... — начал говорить Доктор, но его проигнорировали. Уоррен ввёл капитана Китинга в комнату и сказал ему лечь на пустую кровать.

— Вы не понимаете, — заворчал Китинг. — Я хочу помочь вам.

— Тогда лежи смирно, как хороший мальчик, — прошипела Клара, привязывая капитана. — Это послеоперационная палата. Пациентов приходится закреплять, на случай если они упадут с постели.

— Всё должно произойти не так, — запротестовал Доктор, но, похоже, его опять никто не слушал.

— Ну как? — громко обратилась Клара.

Из кладовой в дальней части палаты появилась Мэй,

держа в руках много маленьких стеклянных бутылочек.

— Там полно лекарств, — сказала она. — Но ничего похожего на успокоительное.

— Успокоительное? — ответил Доктор, потирая лоб. — А успокоительное вам нужно, чтобы...

— Чтобы он не звал на помощь, — сухо произнёс Уоррен.

Доктор тяжело опустился на стул.

— Это нехорошо, — пробормотал он. — Совсем нехорошо.

— Успокоительного не осталось, — сказал капитан Китинг.
— Я положил всё в кофе генерала!

Бум!

Доктор вскочил на ноги и побежал обратно в операционную. Внутри он нашёл генерала Харли Б. Уэста упавшим без сознания на свою карту. Головы кукол были разбросаны по всему полу.

Он вернулся в послеоперационную палату, с опаской смотря на Китинга.

— Ты накачал своего старшего по званию?

— Конечно, накачал! — огрызнулся Китинг. — Вы видели его — он безумен. Отчаянно ищет боя. Возможно, у меня нет его лет опыта, но я знаю, что не надо мчаться атаковать противника, не узнав, с кем имеешь дело.

— И почему же ты разоблачил меня? — спросил Доктор.

— Я не знал, кто Вы на самом деле, — сказал Китинг. — Кроме того, что Вы определённо не подлинный солдат. Я не мог рисковать и позволить приступить к Вашему плану, каким бы он ни был, как только генерал рухнет.

Улыбка разделила лицо Доктора.

— Успокоительное, — усмехнулся он, весело потрепав Китинга по щеке. — Чудно. — Он быстро начал расстёгивать ремешки, удерживавшие капитана.

— Вы сказали, что можете найти способ остановить тех штуковин, — сказал Китинг, сидя на краю кровати. — Это правда?

Доктор кивнул.

— Думаю, да. Но у нас не так много времени.

— Хорошо, — сказал Китинг, взяв руку Доктора и пожав её.

— Тогда я удержу генерала от действий как можно дольше.
Остальное зависит от Вас.

Глава 9

— Мы отправимся куда? — спросила Клара, догоняя Доктора, зашагавшего по коридору больницы. Уоррен и Мэй поторопились за ними.

— Мы отправимся назад, — ответил Доктор. — Прямо как предлагала Мэй. Прости, — обратился он через плечо. — Мне следовало послушать тебя.

— Но ты сказал, что мы не можем отправиться назад по временной линии Бена, — отметила Мэй.

— Не можем, — сказал Доктор. — И тем лучше, поскольку мы последуем не по временной линии Бена. А Покрова.

Клара схватила руку Доктора и остановила его.

— Теперь ты говоришь полную бессмыслицу, — сказала она.

— Я говорю вполне ясно, — возразил Доктор. — Я не виноват, что вы не понимаете.

— Ну, хорошо, — сказала Клара. — Ради нас, более медлительного народа, пожалуйста, можешь объяснить, что мы собираемся сделать?

Доктор глубоко вздохнул.

— Я никогда раньше не сталкивался с Покровом, — сказал он, — и — как бы мне ни больно говорить это — я не знаю, как их остановить. Поэтому нам придётся отправиться назад.

— Куда назад? — спросил Уоррен.

— На последнюю планету, на которую напал Покров, — сказал Доктор. — Я не совсем уверен, где — и когда — эта планета, но беглое посещение может дать нам подсказку, в чём их слабость. Помочь найти способ победить их.

— Подожди-ка, — сказала Клара. — ТАРДИС сейчас даже не взлетит, не говоря уже о путешествии на другую планету.

Как мы туда попадём?

— Тем же путём, каким попали сюда Покров, — сказал Доктор. — Через ту червоточину, конец которой в данное время окружает целую планету. — С этими словами он снова зашагал прочь.

— Если мы не полетим на ТАРДИС, зачем мы направляемся туда? — спросила Клара после него.

— Чтобы избавиться от этой нелепой одежды! — обратился Доктор через своё плечо. — Я собираюсь сделать кое-что очень умное и чуточку противоречащее правилам вселенной. Очень важно, чтобы я был одет должным образом.

— Как жаль, — сказала Клара, подмигнув Мэй. — Я обожаю мужчин в форме.

— Я всё слышал! — крикнул Доктор. — Встретимся снаружи через пять минут. И не подглядывать.

К тому времени как Клара, Мэй и Уоррен добрались до парковки у входа в больницу, Доктор уже находился там, снова одетый в сюртук, чёрные брюки и бабочку. Он исследовал звуковой отвёрткой фасадную стену здания.

— Как ты это сделал? — спросила Клара. — Как ты так быстро переоделся?

— Шаткий-валкий гардероб, — сказал Доктор, шмыгнув носом. — Итак, эта стена ведёт прямо в червоточину. Ну, вообще-то, целая планета ведёт. Но отсюда мы начнём. Есть вопросы?

Уоррен поднял руку.

— Вообще-то, да. — сказал он. — О чём, во имя всевышнего, ты говоришь?

— Ах, да, — сказал Доктор. — Я всё забываю, что ты здесь не с самого начала. Дай мне носок.

— Прошу прощения?

— Один из своих носков, — повторил Доктор. — Дай его мне. С его помощью всё станет гораздо понятнее.

Пожав плечами, Уоррен сбросил ботинок и стянул носок. Доктор взял его и изучил красно-белый ромбический рисунок

на ткани.

— О-о-о, с ромбиками, — воскликнул он. — Мне нравятся такие! — Он приподнял лодыжку и приложил к ней носок, будто пытаюсь примерить его. — Чудесно! — Он повернулся к Кларе. — Запиши: когда всё это закончится, мы отправимся покупать носки с ромбиками.

Клара сложила руки.

— Смотри, как я быстро записываю это, — решительно сказала она.

— Я всё ещё не понимаю, как это связано с Покровом и другими планетами, — сказал Уоррен, надевая свой ботинок обратно на голую ногу.

— Поймешь через минуту, — пообещал Доктор. — Итак, смотри... — На этом он вынул из кармана ножницы и отрезал след носка.

— Эй! — закричал Уоррен. — Они новые!

— Они всё так же новые, — сказал Доктор. — Но теперь ещё и просветительские... — Он убрал ножницы и вытащил мандарин. — Итак, — сказал он. — Представь, что этот мандарин — Земля, сидящая в одиночестве недалеко от одного конца Солнечной системы и занимающаяся своими делами. — Он отдал фрукт Мэй и поручил ей держать его в воздухе.

— А это, — продолжил Доктор, вытаскивая из другого кармана нектарин, — планета, на которой сейчас Покров. Но они хотят уйти из этого мира и попасть на Землю как раз к ужину. — Он передал нектарин Кларе, который она тоже стала держать в воздухе. Доктор вытянул из кармана штанов нитку и натянул её между фруктами.

— Чтобы перейти с одной планеты на другую по прямой линии, требуется колоссальное количество энергии, невероятно продвинутые технологии и больше логистической организации, чем у каждого личного помощника и секретаря в мире вместе взятых. И в десять тысяч раз больше, если также надо пересечь время. — Доктор пробежался пальцем по нитке от нектарина до мандарина. — Но...

Схватив нитку по центру, он начал сгибать её пополам, так что Клара оказалась рядом с Мэй.

— Можно сжульничать, используя нечто под названием червоточина.

— И это мой носок? — спросил Уоррен.

— Точно! — сказал Доктор, поместив один конец трубы с ромбическим рисунком над нектарином, а другой — над мандарином. — Думай об этом, как о коротком пути сквозь пространство и время. Быстрый способ путешествовать на огромные расстояния без всяких хлопот.

— Значит, так путешествует ТАРДИС сквозь пространство и время? — спросила Клара.

— Вроде того, да, — сказал Доктор. — Ну, на самом деле, нет. ТАРДИС путешествует через воронку, которая — с точки зрения непрофессионала — большая, сложная, многомерная, трансвременная... штука. И, подобно носку Уоррена, она состоит из двух прелестных цветов.

— Ну, я рада, что мы это выяснили, — сказала Клара.

Доктор снова выхватил звуковую отвёртку и вернулся к сканированию стены рядом со входом в больницу.

— Итак, теперь вы знаете, что такое червоточина, — сказал он. — Кстати, вы можете забрать фрукты.

Клара и Мэй улыбнулись и положили в карманы угощения. Уоррен забрал то, что осталось от его носка, хмуро посмотрел на него и выбросил в ближайшую мусорку.

— Червоточина окружает всю планету, — сказал Доктор. — Но эта больница — слабое место: много горя проходит на ежедневной основе, а вчера — особенно, так что здесь будет проще всего пробить брешь. Мне лишь надо найти правильную частоту, чтобы поменять полярность нейтронного потока... — Он щёлкал с одной настройки отвёртки на следующую, пока вдруг стена не начала переливаться, словно это вертикальная водная гладь.

— Потрясающе! — вздохнула Клара, подходя ко входу в червоточину и протягивая руку. Доктор быстро шлёпнул по

ней. — Ай! — закричала она. — Зачем ты это сделал?

— Ты чуть не засунула руку в другой мир! — сказал Доктор. — Помимо того, что червоточина, скорее всего, испаряет человеческую плоть и потащит твои пальцы в миллиард разных направлений, ты не знаешь, что по другую сторону, если твоя рука останется невредимой. Ты можешь тянуться в чью-нибудь ванную, а это не очень вежливо.

Нахмурившись, Клара оттащила руку.

— И как же нам пробраться через эту штуку, если она испарит нас при соприкосновении?

— Мы используем транспорт, — объяснил Доктор. — Металлическая рама будет действовать подобно клетке Фарадея, поглощая ток и уберегая мягкое вещество внутри от вреда. — После этого он добавил. — Мягкое вещество — это мы.

— То есть обратно в машину скорой помощи? — сказала Мэй.

— Бинго!

Они побежали через автостоянку к тому месту, где они оставили машину, и стали забираться внутрь, когда Доктор заметил что-то в маленьком скоплении деревьев, которые отделяли территорию больницы от основной дороги.

— О, нет... — произнёс он и поспешил туда.

Под одним из деревьев сидела доктор Маири Эллисон, её щёки были влажными от слёз. Он держалась за руки с одним из Покрова. Доктор приблизился и потянулся приподнять вуаль женщины, когда на него обернулась доктор Эллисон.

— Уберите это от меня! — завизжала она. — Уберите!

— Стадия гнева, — сказал с сожалением Доктор. — Контроль Покрова усиливается. Я уберу его от тебя, Маири, тебе просто нужно довериться мне. — Он протянул руку, осторожно приподнял голубую вуаль женщины и рассмотрел глаза пожилого мужчины.

— Возможно, это её отец, — предположил голос. Доктор взглянул и увидел, что за ним стоит Клара. Он опустил вуаль.

— Идём, — сказал он, поворачиваясь обратно к скорой помощи. Он залез на сиденье водителя и застегнул ремень безопасности. — Давайте сделаем это, — сказал он, запуская двигатель отвёрткой.

— Подожди минутку, — сказал Уоррен, высунувшись из задней части автомобиля и опустив руку на плечо Доктора. — Мы действительно сейчас покинем Землю и отправимся на другую планету?

Доктор засиял улыбкой.

— Ага!

— И мы сможем там дышать? На ней будет кислород?

Клара и Мэй с тревогой повернулись к Доктору.

— Я надеялся, никто не додумается спросить это, — сказал Доктор. — Но ты додумался, Уоррен. Молодец. Прямоком в первые ученики, получи награду за то, что поселил во всех дрожь.

— И? — сказала Клара. — Каков ответ? Мы сможем дышать?

— Почти наверняка, — ответил Доктор. — Скорее «пожалуй». Сильное «пожалуй».

— Откуда тебе знать?

— Если не считать ментальные щупальца, у Покрова простая гуманоидная биология, — разъяснил Доктор. — Это значит, им необходима такая же атмосфера, как и нам.

— Ты предполагаешь, да?

— С тех пор как мы сюда прибыли, — сказал Доктор. — Я уверен, что где-то в моей голове формируется план. Он непременно даст мне знать, когда будет готов. А теперь, если ни у кого нет других вопросов, предлагаю поехать на полном ходу в ту кирпичную стену и надеяться, что на той стороне мы выедем на чужую планету.

Разогнав двигатель на холостом ходу, Доктор нажал до упора на педаль газа и поехал в мерцающую стену. Все в машине скорой помощи закрыли глаза и нашли, за что зацепиться.

— Джеронимо!

Они возникли внутри длинного тоннеля, который выглядел так, будто состоял из плотных серых туч. Как бетон, который потревожили, прежде чем он успел остыть как следует. Доктор остановил скорую, включил фары и признательно засвистел.

— Ничего себе! — сказал он. — Это что-то новенькое.

— Что именно? — спросила Мэй.

— Червоточина, — сказал Доктор. — Ничего подобного я прежде не видел.

— Да, ведь обычно, если ты увидел одну червоточину, ты увидел их все, — сказала Клара.

— Именно, — сказал Доктор, упустив саркастическую интонацию. — Я не в столь многих побывал, но раньше они всегда были моментальными. Прибываешь на другой конец в тот же миг, как проходишь в неё, но это невероятно.

Он потянулся к дверной ручке, но Клара остановила его.

— Что ты делаешь?

— Выхожу наружу, чтобы оглядеться получше, — сказал Доктор.

— Но ты выпустишь весь воздух!

Доктор сузил глаза.

— Мы в машине скорой помощи, — сказал он. — Она не герметична. Воздух начал выходить в ту же секунду, как мы прибыли. И поскольку мы не катаемся тут с кожей цвета ТАРДИС, я бы сказал, внутрь тоже просачивается воздух. — После этого он открыл дверь и выпрыгнул.

Уоррен и Мэй вылезли из задней части автомобиля, а через несколько секунд надувания губ к группе присоединилась Клара.

— Тут сложновато ходить, — сказал Уоррен. — Под ногами негладко.

Доктор нагнулся и пробежался пальцами по земле.

— Выглядит, как временная воронка, — сказал он. —

Только мёртвая.

— Может быть, это происходит с червоточинами, когда они умирают? — предложила Клара.

Доктор покачал головой.

— Они не могут умереть, — сказал он. — Они изначально не живые. Они лишь проходы. Тоннели из одного времени и пространства в другое. Он вынул витиеватый театральный бинокль и взглянул на червоточину сквозь них. — И вы видите? На другом конце есть свет.

Он передал бинокль Уоррену.

— Я вижу, — сказал он. — Он переливается, прямо как стена больницы.

— Значит, там она должна кончаться, — сказала Мэй. — Выход.

— Но он может быть лишь в паре километров, — сказал Уоррен, передавая театральный бинокль обратно Доктору. — Даже до Луны не хватит.

— Ты забываешь, — сказал Доктор. — Настоящая червоточина, может быть, и длиною в пару километров, но она может покрывать несколько тысяч световых лет или даже больше.

— То есть мы до сих пор без понятия, куда она нас ведёт, — сказала Мэй.

— Есть только один способ узнать, — сказала Клара, открывая дверь со стороны водителя Доктору. — Посадка заканчивается. Следующая остановка — таинственный мир!

Они залезли назад в скорую и продолжили поездку. Путешествие шло с трудом: Доктору приходилось объезжать самые большие выступы из пола тоннеля. Неоднократно они слышали металлический скрежет, когда бок машины тёрся о стены червоточины.

Вдруг Мэй вздохнула.

— Боже мой! Я только что поняла, что это были за штуки.

— Какие штуки? — спросила Клара.

— Которые высовывались из стен и земли, — крикнула

Мэй. — Они выглядят, как камни и каменные глыбы, но это не так. Это тела!

Клара выглянула из окна и прижала ко рту руку. Мэй была права. Там, из серой скалы, выступали плечо и затылок.

Доктор выдохнул.

— Уоррен, — сказал он. — Боюсь, тебе придётся передать свою корону «поселяет дрожь в других людей». У нас новый чемпион.

Клара развернулась на сиденье к нему.

— Ты знал, что это тела?

— Я был в Помпеях, — сказал Доктор. — И в непосредственно знаменательный день, и вновь годы спустя. Фигуры, покрытые пеплом из горы Везувия, во многом выглядели, как эти бедные люди.

— Но кто они такие? — спросила Мэй. — В смысле, кем они были?

Доктор не торопился с ответом и подбирал слова.

— Они жертвы Покрова, — сказал он наконец. — Должно быть, они взяли с собой в путешествие людей с предыдущей планеты. Как сухой паёк. Они объедки.

Щёки Мэй побледнели.

— Это ужа...

Вспых!

Внезапно Мэй уже не сидела в задней части машины с Уорреном. Она вообще была не в машине скорой помощи — или в червоточине. Она была в маленькой, тёмной комнате и барабанила по металлической двери.

Вспых!

Мэй прыгнула на сиденье и закричала. Доктор нажал на тормоза и обернулся, приготовив отвёртку.

— В чём дело? — спросил он.

Глаза Мэй метались в разные стороны. Её дыхание было прерывистым, и она чувствовала, как в груди бьётся сердце.

— Я... Я не знаю. Я была не здесь. В смысле, в скорой. Я

была в какой-то комнате, но не могла выбраться.

Доктор просканировал её отвёрткой.

— Ну, физически ты не перемещалась, — сказал он, проверяя показания. — Видимо, был какой-то умственный прыжок. Может быть, ты подобрала некий душевный осадок, оставленный здесь.

Мэй пришла в ужас от такого предположения.

— То есть я испытала то, через что проходили те люди снаружи... перед тем как они умерли?

Доктор кивнул и продолжил вести машину. Теперь сияющий выход из червоточины был виден ясно перед ними.

— Чем ближе мы к другой планете, тем сильнее связь с её жертвами. Это может быть причиной того, что червоточина выглядит, как настоящий тоннель. Она содержит остатки добычи Покрова: как физическую, так и психическую энергию. Она не может сократиться сама, как должна.

Уоррен взял руку Мэй в свою.

— Всё хорошо, — сказал он. — Я прослежу, чтобы...

Вспых!

Уоррен бежал по коридору, пробивая путь сквозь сотни людей, движущихся в противоположном направлении, пытаясь пройти.

— Орма! — заорал он. — Орма!

Вспых!

Уоррен отпрянул в кресло и удивился, узнав, что другие глазели на него.

— Что?

— Кто или что такое Орма? — спросил Доктор.

— Я не знаю, — настороженно признался Уоррен. — А что?

— Ты только что выкрикивал это, — сказала Клара.

Уоррен выпустил глубокий выдох.

— Это случилось и со мной, — сказал он. — На секунду я не был здесь, в скорой. Я пытался пробиться сквозь толпу людей. Все вокруг меня были испуганы.

— Ладно, — сказал Доктор, повернулся, включил передачу и нажал педаль газа в пол. — Чем скорее мы выберемся отсюда, тем лучше. Вокруг плавают множество психических бродяг. — Машина начала дрожать, отскочив от глыб в земле. — Просто постарайтесь не думать о том, через что мы едем.

— Но что, если будет так же, когда мы приедем на другую планету? — спросила Клара. — Что, если мы прибудем туда, и всё, что мы можем...

Вспых!

Клара выпрямилась на кровати. В комнате было темно. Даже электрический свет погас.

— Мама! — позвала она. — Мама, ты там?

Ответа не было. Нервничая, Клара стащила толстые одеяла и ступила на гладкий металлический пол. Он был, по ощущению, холодным против её голых ног. Он потянулась к лампе, которая всегда стояла на её прикроватной тумбочке, зная, что в ней не так много масла — только не на этом этапе времени года, — но его должно хватить на несколько минут света. Она нашла спичку и зажгла её, пытаясь держать пламя ровно в своих дрожащих руках, чтобы поймать фитиль. Через несколько секунд он начал светиться, и она с облегчением обнаружила, что всё ещё находилась в своей спальне.

Нет, подумала про себя Клара. Это не моя спальня. Моя спальня была в Лондоне. Но эта комната — с раскрашенными металлическими стенами и туалетным столиком, сделанным из остатков старой капсулы для путешествий — казалась для неё самым знакомым местом из всех.

Внезапно по двери раздался стук. Нет, не просто стук. Кто-то барабанил в неё. Кто мог быть снаружи? Уже должно было быть поздно, возможно, даже середина ночи.

— Кто там? — спросила Клара надломленным голосом. Потом она замерла. Это был не её голос. Она была гораздо старше, чем этот голос по звуку. Держа перед собой лампу, она подошла к туалетному столику и взгляделась в кусок полированной стали, служивший зеркалом. Оттуда на неё смотрело лицо маленькой девочки. Возможно, девяти или

десяти лет. Клара подняла руку к своему лицу и коснулась губ, и девочка в зеркале сделала то же самое.

Снова удары по двери — только на этот раз дверь шевельнулась. Она открылась вовнутрь, всего на несколько дюймов, но этого было достаточно, чтобы напугать Клару. Затувив лампу, она запрыгнула на кровать и натянула на себя одеяла. Может быть, всё это — ночной кошмар. Возможно, если она сможет заснуть, то всё вернётся в нормальное русло.

Дверь в спальню распахнулась, и Клара подпрыгнула под одеялами. Кто бы там ни стучал, теперь он в её комнате. Она слышала шаги по металлическому полу. Очевидно, на них были ботинки. Затем нарушитель стянул её одеяла и пролил яркий свет на её глаза. Яркий зелёный свет. И ещё был шум. Нечто вроде «*вни-и-и-и-и-и-и-и-и!*»

— Вот ты где! — сказал Доктор.

Вспых!

Клара прыгнула в сиденье. Она вернулась в машину скорой — только теперь вёл её Уоррен, а Доктор был зажат между ними, его пальцы были прижаты к её лбу.

— Что ты делаешь? — закричала она, отталкивая его руки.

Доктор смутился на мгновение.

— Я спасал тебя.

— Ты зашёл в мой разум?

— Да. Чтобы спасти тебя.

— Ты зашёл в мой разум без моего разрешения?

— И вновь, кажется, ты пропустила часть «Я спас тебя».

— Больше никогда так не делай!

— Что? Не спасать?

— Нет. Не заходить туда без моего разрешения.

Доктор нервно потерял свою бабочку.

— Хорошо, — сказал он.

— Если тебе, конечно, не абсолютно необходимо это, чтобы спасти меня, — сказала Клара. Затем она вздохнула, когда на неё нахлынули воспоминания того, что она увидела. — Мы

должны найти девочку!

— Которую девочку? — спросил Доктор.

— Ты не видел её? — спросила Клара. — Она была... ну, она была мной.

Доктор покачал головой.

— Единственный человек, которого я видел в той комнате, выглядел, как ты.

Клара откинулась назад, явно огорчившись.

— Она была так одинока.

Несколько минут они ехали в тишине, потом Уоррен заговорил.

— Ладно, — сказал он. — Конец дороги, народ. — На них устремлялся переливающийся конец червоточины.

Доктор залез в заднюю часть машины с Мэй и присел на носилки-каталку.

— Удачи всем, — сказал он, схватившись за кислородный баллон, прикреплённый к стене.

После чего машина скорой помощи ворвалась в другой мир.

Глава 10

Машина скорой помощи прорвалась сквозь переливающийся портал в конце червоточины, приземлилась на обширное пространство льда и начала скользить вбок. Её колёса вращались, отчаянно стараясь найти немного сцепления со скользкой твердью. Уоррен нажимал на тормоза и увлекал руль в обратное заносу направление в попытке замедлить обороты автомобиля. Сделав два полных круга, он грохнулся набок в высокий сугроб. Двигатель запыхтел и заглух.

— Кто-нибудь ранен? — обратился Доктор, отпустив наконец одну из сторон носилок. Мэй, Клара и Уоррен подтвердили, что они все в порядке.

— Хорошо, — сказал Доктор, наклоняясь между передними сиденьями, чтобы всмотреться в окно. Снаружи всё было белоснежно и, за исключением проливного дождя, ударявшего по крыше машины, тихо.

— Где бы мы ни были, похоже, мы прибыли посреди зимы, — подчеркнула Мэй.

— Необязательно, — сказал Доктор, потянувшись через Клару, чтобы опустить её стекло. — Здесь таким может быть лето. Или это может быть смесью зимы и лета, идущих ровно в одно и то же время. — Он глубоко вдохнул ледяной воздух. — Совершенно новое время года под названием зето.

— Зето? — спросила Клара, хлопнув по его руке и закрывая своё окно.

Доктор фыркнул.

— Может, и нет. Вперёд, найдём какую-нибудь цивилизацию. — От ткнул отвёрткой в замок зажигания и выпустил луч. С четвёртой попытки двигатель запустился, но машина не отвечала на приказы Уоррена. Колёса попросту

крутились по ледяной земле.

— Мы застряли, — сказал он, переключив передачу обратно на парковку. — Вклинились в сугроб.

— Значит, нам придётся прокопать себе путь, — сказал Доктор. Он выскочил из задней двери скорой помощи, сразу же поскользнулся и приземлился на пятую точку. — Осторожнее с первым шагом, — крикнул он, пытаясь встать на ноги. — Он сногсшибательный!

Клара и Мэй примкнули к нему, дрожа под ледяным дождём.

— Откуда начнём? — спросила Мэй. Но Доктор не ответил. Он с интересом изучал область вокруг них.

— Смотрите, — сказал он, указывая на другой конец сугроба, в который они попали. — Ряд домов.

— Они крошечные, — сказала Клара. — Нет ни одного, который был бы выше одного этажа.

— Выглядит так, что они встроены в склон холма, — сказал Доктор.

— Как норы хоббитов, — сказала Клара.

— В точности как норы хоббитов! — согласился Доктор.

— Значит, мы приехали на планету карликов?

— Необязательно, — сказал Доктор. — Двери отсюда кажутся размером со средний рост человека. И вы заметили, что некоторые из них слетели с петель?

Клара прищурилась, чтобы разглядеть сквозь хлещущий дождь.

— И много окон разбито, — сказала она. — Интересно почему?

— Без понятия, — сказал Доктор. — Но будет очень интересно узнать.

Мэй охватила себя руками.

— Может, исследуем местную архитектуру *после* того, как выкопаем из снега скорую и вернёмся в тепло, как считаете?

— Конечно, — улыбнулся Доктор. — Нам только надо что-

нибудь, чем копать.

Раздался трек дерева, и появился Уоррен, держащий декоративную панель с внутренней стороны двери водителя.

— Можем использовать это, — предложил он.

— У нас уже проблемы из-за того, что угнали скорую, — напомнила ему Клара. — Я не уверена, что нам следует ещё и начать портить имущество.

— Если предпочитаешь копать руками, то ладно, — сказал Уоррен. — Но, скорее всего, это займёт как минимум в два раза дольше, и мы можем лишиться пальцев из-за обморожения...

— Отдай мне это! — сказала с ухмылкой Клара, вырвав кусок дерева.

Уоррен усмехнулся и вернулся отломать ещё панелей.

Чтобы высвободить бок машины скорой помощи из снежного заключения, им понадобилось около двадцати минут. К тому времени они все промокли насквозь и дрожали от холода. Уоррен завёл двигатель и наконец-таки убедил автомобиль двинуться вперёд, хоть и колёса всё ещё с трудом сцеплялись с землёй.

Клара запрыгнула на переднее пассажирское сиденье и включила отопление.

— Я думала, что уже никогда не согреюсь, — простонала она.

Доктор прыгнул назад вместе с Мэй и захлопнул двери. Он давал Уоррену рекомендации, куда лучше всего направиться, когда группа существ — очень похожих на людей, но с более бледной кожей и тёмными, круглыми глазами — запрыгнула на вершину сугроба и начала приближаться к машине, расходясь, чтобы окружить её.

— Привет! — произнёс радостно Доктор. — Видимо, нас заметил встречающий комитет.

— Как по мне, они выглядят не очень гостеприимно. — заметила Клара.

— Дай им шанс, — сказал Доктор. — Возможно, так они встречают чужестранцев...

Люди с протянутыми руками подошли поближе. Все они были одеты в рваную одежду и завёрнуты в старые одеяла. Их лица и руки были покрыты струпьями и язвами. Через лобовое стекло на пассажиров скорой помощи глазела женщина со впалыми щеками и грозно плюнула в них, обнажая почерневшие, сломанные зубы.

Доктор пожал плечами.

— Впрочем...

Вдруг вперёд бросился высокий, худой мужчина. Он схватил одно из зеркал заднего вида машины и начал возиться с ним.

Уоррен посигналил клаксоном.

— Кыш отсюда! — крикнул он.

Толпа отпрыгнула при шуме, но, поняв, что звук всего лишь пугнул их, они вновь стали приближаться. Высокий мужчина ещё раз вцепился в боковое зеркало и через некоторое время оторвал его.

Человек прижал награду к груди и повернулся, чтобы убежать, но ему удалось сделать лишь несколько шагов, пока двое других из его группы не бросились на него. Они повалили его на землю в борьбе за зеркало, заставляя временного владельца подчиниться ударами и пинками.

— Ладно, — сказал Доктор. — Думаю, нам надо валить отсюда.

— Я как раз думал об этом, — сказал Уоррен, снова заводя двигатель.

Прежде чем они тронулись, открылись задние двери машины, и ещё три нападавших начали залезать внутрь. При их виде Мэй закричала и попыталась закрыть двери, но один из них схватил её за ногу и вытащил её на лёд.

— Мэй! — Доктор выпрыгнул за ней, рухнув на её похитителя и повалив его. Когда он встал на ноги, две женщины уже взяли Мэй за руки и тащили её по направлению к ряду домов хоббитов.

— Доктор! — проревела Клара. — За тобой!

Раздался стук по металлу. Доктор развернулся и увидел, что по бокам скорой колошматили ещё двое из группы, а третий карабкался на крышу.

— Езжай! — заорал он Уоррену, захлопнув задние двери. — Я пойду за Мэй. Я найду вас!

Кивнув, Уоррен нажал вдавил педаль газа в пол. Колёса бешено завращались, после чего наконец нашли сцепление, и скорая помощь дёрнулась вперёд. Некоторые из банды были вынуждены спрыгнуть с пути, чтобы избежать попадания под мчащийся автомобиль.

Убедившись, что Клара и Уоррен в безопасности, Доктор побежал за Мэй и её похитительницами. Трудно было разглядеть под проливным дождём, куда они делись, и ледяное покрытие заставило его упасть на колени больше одного раза. Потом он заметил впереди красный джемпер Мэй и помчался за ним, с каждым шагом топая пятками ботинок, чтобы вцепиться в землю.

Те две женщины явно привыкли бежать в этих условиях больше, чем Доктор, но Мэй оказывала сопротивление, которого было достаточно, чтобы их замедлить.

— Ни с места! — зарычал Доктор, появляясь из дождя за их спинами. Он использовал свою отвёртку как фонарик, зловеще освещая окружающий снег зелёным светом. Увидев этот волшебный инструмент, две женщины, похоже, забыли о Мэй, отпуская её и позволяя ей упасть на мокрую землю. Они начали подходить к Доктору, с жадностью уставившись огромными глазами на пульсирующий конец отвёртки.

Доктор протянул руку Мэй и помог её встать на ноги, взяв её руку, чтобы остановить от очередного падения.

— Беги! — прошипел он.

Они побежали. Их ноги попеременно скользили по льду и погружались в снег. Проблема заключалась в том, что из-за дождя в глазах они не могли различить, что именно под ними, и это замедляло их.

Через несколько мгновений они приостановились отдышаться.

— Кто те люди? — спросила Мэй.

— Я не знаю, — признался Доктор. — Но, видимо, они не очень были счастливы увидеть нас.

Затем он услышал за собой хруст шагов по снегу и повернулся, увидев, что к ним приближались другие члены банды. Они были окружены.

Доктор опять извлёк из кармана отвёртку и помахал ей.

— Назад, — предупредил он. — Я не боюсь использовать это! — Он потянулся нажать кнопку на рукоятке и вскоре понял, что там вовсе не было кнопки. Он вздохнул. Всё-таки он вытянул не свою звуковую отвёртку. В руке была морковка.

— Слушайте, — сказал он. — У вас тут полным-полно снега, а у меня — морковка. Если окажется, что у Мэй в кармане есть три куса угля и шляпа-цилиндр, мы сможем прийти к какому-нибудь соглашению...

Он бросил морковку на землю, куда бросились на колени три ближайшие из нападавших, чтобы порыться в её поисках. Наконец Доктор обнаружил звуковую отвёртку и стал держать её на расстоянии вытянутой руки. Её зелёный свет освещал бледные лица приближавшихся нападавших.

— Назад! — предупредил он, махая отвёрткой с одного человека на другого. Но они продолжили шаркать вперёд и устремили взгляды на яркое изумрудное свечение на её конце.

— Они не хотят навредить вам! — раздался голос.

Доктор обернулся. На вершине одного из домов стоял человек, чей силуэт вырисовывался на фоне блестящего белого неба.

— Чего они хотят? — крикнул он в ответ.

— Ваши пожитки, — проревел человек. Голос был низким. Мужским. — Отдайте им что-нибудь своё, и они оставят вас в покое... по крайней мере, на короткое время.

Продолжая щебетать отвёрткой в вытянутой руке, Доктор отпустил талию Мэй и стал освободившейся рукой рыться по карманам сюртука. Мэй вытащила из кармана юбки

мандарин, который ей дал ранее Доктор.

— Он имеет в виду что-то вроде этого?

Доктор пожал плечами.

— Стоит попробовать...

Мэй швырнула фрукт над головами двух нападавших. Оба — мужчина и женщина — нырнули за ним и начали бороться за него в снегу.

— Продолжайте, — выкрикнул мужчина с крыши дома.

Доктор вытащил руку из кармана и взглянул на неё. Он сжимал серебристую перьевую ручку.

— Чего же ты ждёшь? — крикнула Мэй. — Брось её!

— Но это оригинальная ручка Пола Е. Уирта! — воскликнул Доктор. — Марк Твен дал её мне после того, как он закончил ею первый черновик «Гекльберри Финна». Ужасная орфография, мне пришлось многое отредактировать, прежде чем он смог представить рукопись.

— Тогда выбери что-нибудь другое! — заорала Мэй.

Засунув ручку обратно в карман, Доктор извлёк огромный ключ, потом компьютерную мышь и наконец бейсбольный мяч. Группа вокруг них начала осознавать, что отвёртка не причиняла им никакого вреда, и они подползали всё ближе.

— Брось его! — крикнула Мэй. — Сейчас же!

— Он подписан Бейбом Руттом, — прошипел Доктор, вращая его, чтобы продемонстрировать автограф.

— Меня не волнует! — Мэй выхватила из его руки мячик и с силой кинула на землю перед ними. Все нападавшие до единого бросились на него, кряхтя и негодуя в попытках заполучить его.

— Сюда, — окликнул их мужчина. — Живо! — Он спрыгнул с крыши дома, проворно приземлившись в снегу под ним. После он отпер дверь одного из нескольких домов, окна которых оставались нетронутыми.

Доктор взял Мэй за руку, и они побежали, шмыгнув внутрь жилища мимо того человека.

Внутри было просторнее, чем ожидал Доктор. Похоже, дом был встроен в склон холма за ним. Но он не мог тратить время на его изучение. Мужчина с крыши теперь открыл металлический люк в центре пола и показал им жестом спуститься по узким ступенькам в темноту.

Пропустив Мэй перед собой, Доктор сделал, как ему было сказано, и за ним близко последовал их новоиспечённый друг. Внизу лестницы не было много места, и Мэй с Доктором оказались прижаты к другому человеку.

— Привет, — сказал Доктор, протягивая мокрую руку в тусклом свете из комнаты выше. Но он вскоре пропал, когда люк закрылся с лязгом.

— Тс-с-с-с! — отдал указание мужчина, приведший их в дом. Они замолчали, как вдруг в комнате над ними разбились окна. Доктор слышал звуки залезания вовнутрь, хруст по разбитому стеклу. Сперва один нападавший, потом другой, и в итоге слишком много, чтобы различить по отдельности.

Они несколько минут громыхали над ними, после чего с разочарованным ворчанием они начали уходить тем путём, каким пришли.

— Ну, — сказал Доктор после пары мгновений тишины. — Тут удобно, да? — Он зажёл конец отвёртки, окутывая их зелёным светом. Он всё ещё не мог толком видеть своих спасителей, но это дало ему возможность оглядеть пространство, в котором они были. За вторым мужчиной была дверь.

— Это просто вход на этаж ниже, — сказал мужчина с крыши. — Я не хотел вести вас дальше, пока Желающие были наверху, на случай если они услышат скрип двери. Эти старые места не особо хорошо содержат.

— Желающие? — спросила Мэй. — Кто они такие?

— Вы никогда раньше не слышали о Желающих? — произнёс второй человек. — Откуда вы?

— Долго рассказывать, — сказал Доктор. — Но теперь, когда нам не грозит быть услышанными, почему бы не пройти чуть дальше и устроиться поудобнее?

Второй человек повернулся и толкнул внутреннюю дверь. Как предсказывалось, при открытии она издала громкий скрип. Благодаря свету отвёртки, Доктор и Мэй могли примерно разглядеть длинный коридор, тянувшийся в темноту.

— Подождите, — сказал один из мужчин. — Здесь где-то должно быть масляная лампа. — Он зажёл спичку и вспыхнул свет. Доктор моргнул при внезапном отсутствии тьмы, потом, когда его глаза привыкли, он обернулся поблагодарить двух мужчин, которые спасли его и Мэй.

Он остановился, его черты лица разделила широкая улыбка.

— О, это просто замечательно! Правда, Мэй?

Мэй глазела на мужчин. Оба были одеты в мешковатые, разноцветные костюмы, у обоих были белые лица и красные носы, и на обоих были косматые, радужные парики.

— Вы клоуны! — вздохнула она.

— Ну, конечно, — ответил красноносый человек с крыши. — Это Шлёп-Шлёп, а я Вилепоп. Ты ожидала кого-то другого, нежели клоунов?

— На самом деле, нет, — с ликованием сказал Доктор. Он взял руку Вилепопа и покачал её. — Путешествие в далёкий ледяной мир в угнанной скорой помощи и бандой воров, которые дерутся за бейсбольный мяч и мандарин. Почему бы в нём не оказаться клоунам, готовых спасти нас?

Он повернулся, чтобы лучше рассмотреть коридор. Двери уходили с обеих сторон, и он пытался сперва найти хорошо обустроенную спальню за одной из них.

— Это фантастика! — засиял он. — Полагаю, вы спускаетесь сюда, чтобы избавиться от холодной погоды.

— Нет, — спокойно ответил Шлёп-Шлёп. — Мы спускаемся сюда, чтобы избавиться от нападений медведей.

— Разверни немедленно! — вопила Клара. — Мы должны вернуться за ними! — Они покинули Доктора и Мэй всего

несколько минут назад, но уже потеряли их из виду в ливне. Стеклоочистители били туда-сюда по стеклу, но это мало помогало видимости.

— Я стараюсь! — крикнул Уоррен. — Но по обе стороны от нас сугробы. Если развернусь здесь, мы просто вновь застрянем, и куда нас это приведёт?

Клара потянулась к ручке двери.

— Куда ты собралась? — окликнул её Уоррен, схватив за руку и оттаскивая её от двери.

— Помочь Доктору!

— Не глупи! Это не дорога — мы просто едем по снегу и льду. Даже если ты сможешь найти путь назад, ты всего лишь натолкнёшься на тех лунатиков, который напали на нас.

— Ну, мы же должны сделать что-нибудь.

— И сделаем, — заверил её Уоррен. Он полез внутрь куртки и вытащил из кобуры пистолет. — Возьми.

Клара смущённо взяла пистолет и обернула руку вокруг полированной деревянной рукоятки. Она держала палец подальше от спускового крючка. Уоррен кивнул и снова приступил к вождению.

Рулить скорой оказалось непросто. Ледяной дождь замерзал поверх снега, уже лежавшего на земле, и машина дрейфовала из стороны в сторону, иногда улавливая один из насыпей снега под ними и выпуская поток белой пудры.

— Становится шире, — сказал Уоррен, осторожно потянув руль вправо, чтобы исправить небольшой занос. — Если будет продолжаться в таком духе, то через несколько минут сможем повернуть обратно.

— Тормози! — вдруг закричала Клара.

Уоррен нажал на тормоза, но машина скорой помощи скользила несколько метров и остановилась, мягко врезавшись в одну из снежных стен тропы.

— Что такое? — спросил он.

— Там, снаружи, — сказала Клара, показывая сквозь лобовое стекло. — Перед нами что-то есть.

Уоррен вытер конденсат с внутренней стороны окна и пытался рассмотреть, на что смотрела Клара. Порыв ветра убрал дождь в сторону на долю секунды, и он увидел.

— Глыба снега, — сказал он. — Хорошо замечено. Если бы мы налетели на неё, мы бы никуда не уехали. Я расчищу.

Он схватил кусок дерева, который когда-то украшал внутреннюю сторону двери и стал вылезать.

— Будь осторожен, — сказала Клара.

Уоррен кивнул головой и ступил в холод. Клара наблюдала, как он приближался к груде снега. Его фигура светилась от фар машины. Вслед за этим без предупреждения — снег начал двигаться. Он поднялся в воздух и повернулся к агенту ФБР.

Это была не глыба снега. Это был белоснежный медведь.

Уоррен в ужасе уставился на существо. Теперь, стоя на задних лапах, медведь был ростом как минимум в три с половиной метра, и из углов его рта выступали острые, как бритва, клыки — саблезубый белый медведь.

Животное зарычало, звук эхом раздавался глубоко в животе Уоррена. Он хотел бежать. Развернуться, запрыгнуть в машину и уехать как можно быстрее. Но он не мог пошевелиться. От страха он стоял как вкопанный. Здесь всё кончится. На какой-то чужой планете, где никто никогда не найдёт его тело — если от него останется что найти после того, как огромный медведь закончит с ним, то есть.

Медведь загрохотал к Уоррену, и вдруг он обрёл ноги. Он пошёл назад, поглядывая за медведем и держа панель от двери скорой помощи, будто она могла его защитить от зубов и клыков животного — но это всё, что у него имелось.

Один взмах громадной лапы медведя расколол деревяшку на две части, что обескуражило Уоррена, его ноги скользили по льду. Он быстро глянул влево и вправо в поисках путей отхода. Но он видел только ещё больше снега. Если он попытается бежать, существо догонит его за считанные секунды.

Он почувствовал, как задние части ног наткнулись на

нечто твёрдое. Передний бампер скорой помощи. Он протянул руки назад и щупал кончиками пальцев капот автомобиля, пытаясь выяснить, к какой двери он ближе всего. Двигатель до сих пор работал, и металл был тёплым под его пальцами. Уоррен на миг задумался, было ли это ощущение последним, которое у него будет.

Находясь уже всего в паре метров, медведь продолжал громыхать к нему всё ещё на задних лапах. Он её раз зарычал и набросился с лапой, острые когти прорезали материал куртки Уоррена, и потом...

Бах!

Медведь вздрогнул, когда раздался выстрел, но, чтобы восстановить нервы, много времени не понадобилось. Он взревел со злостью и продолжил шататься вперёд.

Бах!

В этот раз медведь приостановился. Уоррен наконец обрёл силы шевелиться, повернулся и обнаружил Клару, стоявшую за ним под дождём и державшую животное на прицеле.

— Возвращайся в машину, — приказал он, побежав к двери водителя. Другой рёв раздался эхом с заснеженных холмов справа от него. Потом другой — слева. У медведя были друзья, и выстрелы привлекли их внимание.

Клара и Уоррен запрыгнули обратно в скорую и захлопнули двери. Уоррен разогнал двигатель и двинулся прямо на злобного медведя. Он наехал на левую ногу, отправив зверя крутиться и в процессе потеряв остававшееся боковое зеркало. Резкое увеличение скорости заставило скорую вращаться, Уоррен боролся с рулём, стараясь уберечь транспорт от одного из сугробов.

К изумлению Клары, скорая помощь развернулась ровно на 180 градусов, и они теперь смотрели по направлению к Доктору и Мэй. Она и Уоррен позволили себе ненадолго улыбнуться, и, объехав теперь уже неподвижное тело медведя, которого они сбили, они отправились, набирая скорость. Они были в пути обратно на помощь.

А потом сквозь окно рядом с Кларой ворвалась огромная

лапа с длинными, грязно-белыми когтями на её конце.

Глава 11

— Вы с другой планеты? — Вилепоп оторвался от растопки камина и повернулся посмотреть на Доктора, который шагал назад и вперёд с хлюпаньем при каждом шаге.

Они были в скудной, однако неплохой гостиной, которая лежала за дверью дальше по подземному тоннелю. Как и в спальне, которую они видели, стены, потолок и пол были полностью из металла. Вокруг огня полукругом стояли четыре кресла. Их материал был потрёпан, но, когда Мэй погрузилась в одно из них по приглашению клоунов, она выяснила, что они очень удобные.

— Мы с двух разных планет, если хотите подробнее, — сказал Доктор. — Но Земля пока сойдёт. Что это за планета?

— Вы не знаете? — спросил Шлёп-Шлёп.

— Ни малейшего понятия, — засиял в улыбке Доктор. — В этом половина веселья.

— Это Семтис, — ответил Вилепоп, обращая своё внимание обратно к огню. Он убедился, что древесина горит как следует, после чего отступил в сторону, чтобы дать Доктору и Мэй подойти ближе к пламени.

— Семтис! — воскликнул Доктор, держа промокшие брюки перед огнём. — Боже! Если я правильно помню — а я очень редко не помню всё правильно, — это в верхнем левом углу галактики Андромеда, с точки зрения Земли, то есть. Ты далеко от дома, Мэй.

— Мы в другой галактике? — сказала Мэй, держа ладони у согревающего пламени.

Доктор кивнул.

— Два с половиной миллиона световых лет от твоей. Или меньше, если немного подождать, они должны столкнуться через... — Он проверил часы. — Четыре миллиарда лет.

Мэй моргнула, не поверив, очевидно.

— И так совпало, что здесь живут люди, которые говорят на английском?

— Люди есть практически по всей вселенной, — отметил Доктор. — А переводит нам ТАРДИС. Она, может, и находится в двух с половиной световых лет отсюда, но, если пройти через червоточину, это всего лишь пара миль. Вполне в зоне досягаемости перевода.

— Червоточина? — спросил Вилепоп.

Доктор кивнул.

— Соединяет Семтис и Землю. Так мы сюда попали. — Он скинул с себя сюртук и положил перед огнём, чтобы высушить его. — Как раз то, что надо, — ещё одна ситуация с промокшей бабочкой. Кажется, это происходит часто в последнее время.

Мэй наклонилась, держа ладони напротив оживлённого огня.

— Мне больше нравится здесь, чем там.

— Здесь миленько, — сказал Доктор клоунам. — Но мы не можем оставаться надолго. Нам надо найти друзей, и я хочу поговорить тут с кем-нибудь о Покрове.

Шлёп-Шлёп вздрогнул при имени.

— Покров уничтожил наш мир, — сказал он. — Превратили нас в племенное общество — вроде Желающих, с которыми вы столкнулись на улице.

— Ты называл их так до этого, — сказала Мэй. — Кто такие «Желающие»?

Вилепоп сел прямо на своём кресле, помрачнев, несмотря на нарисованную улыбку.

— Примерно в конце последнего сезона мы начали видеть лица, — объяснил он. — Просто в узорах на стенах или в трещинах на льду, прилипшем к оконным стёклам. Все люди, которые умерли. Люди, по которым мы скучали. И потом появились женщины в голубом.

Мэй и Доктор переглянулись. Это звучало крайне знакомо.

— Они держали наши руки и осушали наши головы, —

продолжил Вилепоп. — Мы старались избавиться от Покрова, но каждый раз, когда мы пытались спасти кого-то, они умирали. — На миг он уставился на трещащий огонь. — Они съели наше горе.

— То же самое происходит сейчас на Земле, — сказал Доктор. — Я должен найти способ остановить их.

— Нельзя, — сказал Шлёп-Шлёп. — Покров не остановить. Мы всё испробовали.

— Но почему те люди — Желающие — вели себя таким образом, когда они увидели нас? — спросила Мэй.

— Это объясняется человеческим мозгом, — сказал Доктор. — Когда одно чувство — например, горе — полностью стирается из разума человека, другое чувство растёт, чтобы заполнить пробел, доминирует над любыми другими, которые могли быть у человека, и прочно управляет ими. В случае с этими Желающими, видимо, зависть взяла верх.

— Верно, — сказал Вилепоп. — Они хотят что угодно, чего у них нет — однако, когда они получают это, они не знают, что с ним делать. Они попросту оставляют своё приобретённое имущество и охотятся за другим.

— И я полагаю, они не единственное «племя», как вы выражаетесь, — сказал Доктор.

— Хуже всего Свирепые, — сказал Шлёп-Шлёп. — Полностью управляются злостью, они лишь нападают и уничтожают. Их страшно бояться Дрожащие.

— Люди, охваченные страхом? — спросила Мэй.

Вилепоп кивнул.

— Они нам не доставляют никаких неприятностей. Большую часть времени они прячутся в своих домах, но мы всё равно пытаемся присматривать за ними. Они могут сами питаться, но на этом всё.

— Мы? — сказал Доктор. — Сколько вас здесь?

— Сейчас почти пятьсот, — ответил Шлёп-Шлёп. — Со всего Семтиса постепенно прибывают нетронутые люди в поисках безопасного для жизни места. Мы обучаем их

клоунскому мастерству, чтобы они могли помочь нам в нашей работе.

— И в чём именно ваша работа? — спросила Мэй.

— Мы помогаем людям, — сказал Вилепоп. — Нам потребовалось некоторое время, чтобы разобраться как, но мы узнали, что можно восстановить эмоции, которые отсутствуют у Желающих и Дрожащих. Даже срабатывает с некоторыми Свирепыми.

— И они возвращаются в норму?

— Настолько близко, насколько можем их вернуть, — ответил Вилепоп. — Любой, кто прошёл восстановление, нуждается в регулярных сеансах терапии, но пока что у нас были крайне мало неудач. Многие наши пациенты теперь вполне здоровы, чтобы присоединиться к клоунам и приглядывать за новоприбывшими.

— Ах, человеческая раса! — выкрикнул Доктор. — Неважно, на какой планете вы эволюционировали, вы все хотите одного — помогать своему ближнему. Бесподобно!

— Нет, — сказала Мэй. — Это совсем не бесподобно. То же случится с Землёй, когда Покров закончит с нами и двинется дальше? Мы станем просто планетой Свирепых и Желающих?

— Нет, если я вмешаюсь, — сказал Доктор, хватая отчасти высохший сюртук и надевая его обратно. — Я бы хотел увидеть одно из этих восстановлений в действии.

— Не проблема, — сказал Вилепоп. — Просто пойдёмте в лагерь с нами.

— Хотя мы не можем вернуться с пустыми руками, — подчеркнул Шлёп-Шлёп.

— Он прав, — сказал Вилепоп. — Мы преследовали эту банду Желающих с самого рассвета, планируя привести одного на базу с нами.

Мэй вздохнула.

— То есть вы похищаете их?

— Они не особо просят на восстановление, — заметил Вилепоп. — И это понемногу делает наш мир безопаснее для

других людей.

— Верно сказано, — сказал Доктор. — Так давайте поймаем себе Желającego!

Клара открыла глаза, но её зрение оставалось размытым. Не то чтобы было на что смотреть. Она лежала на снегу, и было очень-очень холодно. За ней на боку лежала машина скорой помощи — то, что осталось от неё. Её колёса крутились, а из-под неё высывалась верхняя половина саблезубого белого медведя. К счастью, медведь был вполне себе мёртвым.

— Я и сама буду столь же мертва, если не найду себе убежище, — подумала она. — И Уоррен тоже.

В этом вся соль. Где Уоррен? Его броский костюм должен был хорошо замечен среди суровой белизны снега.

Клара услышала стон и потащила в ту сторону. Она нашла Уоррена неподвижным, наполовину погребённым под сугробом. Она начала подползать к нему. Она смутно вспомнила аварию: Уоррен крутил руль, когда напал медведь, потом занос в снежную стену, и машина повалилась сверху на существо. Падение отпугнуло другого медведя, но он скоро вернётся — особенно когда предлагается свежее мясо.

Она достигла Уоррена и рухнула на снег рядом с ним. В её голове был стук. Она ударила её о что-то, когда машина перевернулась? Она не могла вспомнить. Она только слышала тук-тук-тук боли за своими глазами и что-то ещё... Скрипящий звук. *Скрип, скрип, скрип, скрип.*

Зрение Клары начало снова исчезать, как вдруг показалась пара огромной обуви. Они издавали скрипящий звук! *Скрип, скрип, скрип, скрип.* Владелец великанских ботинок встал над ней, ветер трепал его вьющиеся волосы.

— О, нет, не смей!

Зашипел газ, и всё потемнело.

— Я много лет не проигрывал его! — воскликнул Доктор, трубя исполнение песенки «Three Blind Mice» на своём

маленьком магнитофоне. — Я даже не знал, что он у меня есть в кармане!

Мэй присела за расщепленной древесиной сломанной двери с двумя клоунами.

— Ты уверен, что Желающие придут за ним? — прошептала она.

— Конечно, — сказал Доктор. — Кто же не захочет такой прекрасный магнитофон? — Он нахмурил бровь, когда пришла в голову неприятная мысль. — Мне ведь не придётся отдавать его, верно?

— Нет, — сказал Вилепоп. — Просто привлеки одного Желающего достаточно близко, и мы сделаем остальное.

И Доктор начал расхаживать взад и вперёд снаружи ряда заброшенных домов, играя мелодии на магнитофоне.

— Тебе обязательно ещё и скакать с место на место? — спросила Мэй с улыбкой.

— Я не скачу, — сказал Доктор, поставив на паузу в середине джаз-версии «Yankee Doodle Dandy». Я марширую. Как в марширующих ансамблях. — Он вернулся к проигрыванию, аккуратно приглушая свои ноги.

— Там! — сказал Шлёп-Шлёп, указывая на большой сугроб. — Я видел движение.

— Я тоже его вижу, — сказал Вилепоп. — Хорошо, Доктор, у тебя компания. Продолжай играть, но не встречайся взглядом. Подпусти его к себе.

Доктор переключил с «Yankee Doodle Dandy» на «When The Saints Go Marching In».

Желающий двигался невероятно быстро. В одно мгновение он осторожно наблюдал за Доктором из укрытия, а в следующий — держал конец магнитофона и пытался выхватить его.

— Сейчас! — прокричал Шлёп-Шлёп.

Мэй с удивлением наблюдала, как клоуны набросились по обе стороны Желающего. Прежде чем человек успел среагировать, из огромных пластиковых цветов,

прикреплённых к лацканам их пиджаков, хлестнул газ.

— Задержите дыхание! — приказал Вилепоп. Доктор перестал играть, его последняя нота отдалась эхом от стен внутри заброшенного дома.

Газ подействовал мгновенно, вырубив Желающего. Тот рухнул на землю.

— Ладно, — сказал Вилепоп. — Остальная часть газа рассеялась. Мы все теперь можем дышать.

Доктор продолжил играть с того места, где прервался.

— Он сказал «дышать», а не «играть», — отметил Шлёп-Шлёп.

Доктор неохотно опустил магнитофон.

— А я наслаждался музыкой, — пробормотал он. Он забросил устройство обратно в сюртук. — Что теперь?

Шлёп-Шлёп и Вилепоп взяли бессознательного Желающего под руки и подняли его на ноги.

— Мы доставим этого парня в лагерь, пока другие из его банды не придут искать его.

Они отвели Доктора и Мэй обратно в подземные тоннели, где из одной из спален Шлёп-Шлёп достал металлическую тележку. Они аккуратно уложили в неё Желающего. После, взяв в руку масляную лампу, чтобы освещать путь, Вилепоп повёл их глубже в проходы.

Они шли около двадцати минут, когда Мэй заговорила.

— Почему мы? — спросила она. — Почему есть люди вроде нас, которые избежали поглощения?

— У меня есть гипотеза, — сказал Вилепоп. — В моём случае, думаю, потому что я был в службе безопасности, на улице, помогал людям и — временами — связывался с преступниками и несчастными случаями. Я видел ужасные вещи, и зачастую приходилось переходить от плохих новостей к любимым.

— Прямо как Уоррен, — сказал Доктор. — Один из наших друзей, — добавил он для клоунов. — Он был как ты — представителем правоохранительных органов. Вероятно,

видел больше, чем свою львиную долю горя. И ты, Мэй. Все те истории в газете. Всё то страдание. Это закалило тебя. Дало тебе силы отбить наступление Покрова.

Тоннель начал расширяться, и Доктор увидел впереди свет. От металлических стен тоннеля отражались голоса, и через миг группа вошла в просторную подземную пещеру.

— Добро пожаловать в Лагерь клоунов! — улыбнулся Вилепоп.

Доктор и Мэй стояли возле входа, упиваясь взглядом перед ними. Комната выглядела так, будто она некогда была каким-то театром или площадкой для выступлений, но сиденья были убраны, чтобы освободить место для десятков маленьких, разноцветных палаток и вигвамов. С потолка высоко над ними светили прожекторы, скрытые среди длинных полос ткани, протянутых, чтобы напоминать крышу циркового шашито.

На сцене группа молодых клоунов жонглировала, танцевала, вращала тарелки, выполняла акробатические трюки и гонялась друг за другом с поддельными тортами с заварным кремом. И повсюду была музыка. Яркая, весёлая, счастливая музыка. Ещё больше пёстро разукрашенных людей играли на инструментах, где бы они ни сидели или стояли. Всё для того, чтобы Доктор не вынул свой магнитофон и присоединился. Вместо этого он стоял и улыбался своей широчайшей улыбкой.

— Ох, это восхитительно!

К ним поспешил мужчина в костюме акробата, несущий поднос с напитками.

— Добро пожаловать! — лучезарно улыбнулся он. — Я Хорхе. Прошу, угощайтесь!

Мэй приняла стакан с подноса.

— Спасибо, Хорхе, — сказала она.

Шлёп-Шлёп улыбнулся.

— Две недели назад Хорхе был Желающим, прямо как этот парень. Мы восстановили его менее чем за восемь сеансов.

Будем надеяться, в этот раз будет столь же просто. — Он повернулся и толкнул тележку со спящим Желающим по направлению к арке в дальнем конце зала.

— Там вы их держите? — спросил Доктор. — Свирепых, Желающих и Дрожащих?

— В отдельных комнатах, — сказал Вилепоп. — Хотите посмотреть?

Он провёл Доктора и Мэй через арку и в коридор, который выглядел почти идентично тому, что под рядом разрушенных домов — только этот был ярче освещён и полон игравшей в главном зале музыки из динамиков, прикреплённых к стенам.

В каждой двери вдоль коридора было зарешеченное окно, и Доктор остановился заглянуть в первое из них. В комнате сидели в креслах две женщины и мужчина с выражениями страха, выгравированного на их лицах. Одна из женщин увидела, как на неё смотрит Доктор, и завизжала, притянув колени к груди и сворачиваясь калачиком.

— Всё нормально, — сказал Доктор. — Ты здесь в надёжных руках. Эти люди помогут тебе снова улыбнуться. — Он обернулся к Мэй, стоявшей возле него и тоже смотревшей в комнату.

— Это кошмарно, — сказала она.

Вилепоп опустил руку на её плечо.

— Только пока что, — заверил он её. — Ты видела Хорхе — акробата, который предложил напитки. Эти люди очень скоро будут прямо как он.

В следующей комнате был только спящий Желающий, которого они привели с собой. Шлёп-Шлёп осторожно укладывал мужчину в спасительное положение на раскладушке.

— У нас дюжина комнат для наших пациентов, — сказал Вилепоп, ведя Доктора и Мэй мимо других групп Дрожащих и Желающих, последние проталкивали руки сквозь зарешеченные окна, чтобы схватить одежды проходящих посетителей. — Но тут всё становится немного тревожнее...

Они дошли до запертой на засов двери в конце коридора, которую охранял клоун в кучерявом, жёлтом парике и громадных ботинках. Вилепоп кивнул, и охранник скользнул металлическими защёлками и открыл дверь на себя. Тут же Доктору и Мэй услышали злобных крики и вопли. За этой дверью были ещё три. Доктор шагнул к зарешеченному окну, вырезанному в первой.

Комната была свободна от мебели, на что Вилепоп пояснил, это для того, чтобы Свирепые не ранили себя с её помощью. Мужчине внутри было за сорок, слегка полноватый и низкорослый. При виде посетителей он яростно зарычал и побежал к двери, бросившись на неё с такой силой, что Мэй невольно подпрыгнула.

— Всё хорошо, — сказал Доктор. — Я друг. — Но слова никак не изменили поведение мужчины. Он начал осыпать дверь ударами, разрывая кожу на уже кровоточащих суставах пальцев.

— Я знал его, — произнёс грустно Вилепоп. — В настоящей жизни, до Покрова, в смысле. Он жил на моей улице. Владел рыночным прилавком, продавая овощи. Более хорошего, чуткого человека не встретишь. — Словно чтобы опровергнуть описание, мужчина очертя голову побежал на дверь, ударяясь лбом о металл, что заставило его попятиться. Доктор немедленно перешёл к следующей комнате.

Мэй последовала за ним, глядя на мужчину. Она не могла не пожалеть его, с пурпурными от ярости щеками, но никак не могла понять. А его глаза... Она не могла смотреть на них долго. Глаза мужчины выпячивались из его головы, как будто они вот-вот лопнут. Она поспешила примкнуть к Доктору и Вилепопу, когда те подошли к следующей комнате.

— Те, кто колошматят в дверь, и так плохи, — сказал Вилепоп. — Но именно тихих стоит опасаться. Они могут накинуться на тебя без предупреждения.

Доктор шагнул к двери и заглянул внутрь — затем он вцепился в прутья окошечка так крепко, что его костяшки побелели.

- Немедленно откройте эту дверь! – потребовал он.
- Я не могу, – сказал Вилепоп. – Это может быть опасно...
- Открывайте!

Вилепоп обратился к охраннику в коридоре.

- Дольфини...

Огромные ботинки клоуна зашкрипели, когда он побежал к ним, отсоединив большую связку ключей от ремня. Найдя подходящий, Дольфини отпер дверь, и Доктор ворвался внутрь. Следуя за ним, Мэй вздохнула при виде того, что увидела.

В углу комнаты на полу лежала Клара.

Глава 12

Доктор последовал указаниям, которые дал ему Вилепоп, и занёс Клару в вигвам в конце зрительного зала. Внутри был Уоррен, клоунесса во флуоресцентном костюме медсестры обрабатывала скверный порез на его щеке.

— Доктор! — воскликнул он. — Она в порядке?

Доктор положил Клару на кучу одеял.

— Лёгкое сотрясение, но жить будет, — сказал он, приняв влажную ткань от медсестры и протирая её лоб. Мэй бросилась к Уоррену и крепко обняла его.

На входе в вигвам появился Дольфини.

— Мне очень жаль, — сказал он, сжав вместе свои руки в белых перчатках. — Я нашёл их обоих в снегу рядом с каким-то странным разбитым автомобилем. Мужчина был без сознания, а девушка ползла к нему. Я подумал, что она Свирепая, которая напала на него, потому я вырубил её газом.

— Всё нормально, — сказал Доктор. — Я понимаю, что это была невинная ошибка.

Дольфини кивнул и потопал прочь, скрипя обувью.

— Что с вами двумя случилось? — спросила Мэй.

Уоррен рассказал Доктору и Мэй о их встрече с медведями и об аварии, в которую они попали, пытаясь удрать, но после этого он мало что мог вспомнить.

— Дальше я только помню, как лежал здесь, и за мной присматривала Орма. — Он улыбнулся медсестре-клоуну, которая покраснела под белым гримом.

— Орма! — выкрикнула Мэй. — Это имя ты произнёс в червоточине.

Уоррен кивнул.

— Она потеряла связь с братом, когда Покровы напали.

Думаю, я мог натолкнуться на его воспоминания.

— Доктор, ты и твои друзья, возможно, захотите пойти и увидеть это... — Вилепоп просунул голову сквозь полог палатки и поманил группу присоединиться к нему.

Доктор опустил взгляд на Клару.

— Всё хорошо, — сказала с улыбкой Орма. — Она будет в порядке со мной.

Доктор вывел Мэй и Уоррена из палатки. Вилепоп указал на сцену в передней части помещения. Артисты отошли в стороны, позволяя паре более крупных клоунов вывести на центр сцены мужчину. Им был Желающий, которого они поймали ранее, теперь уже полностью очнувшийся. Он потянулся вперёд за реквизитом, но пара клоунов твёрдо удерживала его на месте.

Вилепоп повернулся к Мэй, чувствуя её тревогу.

— Нам приходится держать его, — объяснил он, — по меньшей мере, сперва. Чтобы сеанс восстановления прошёл успешно, пациент обязан оставаться на одном месте, откуда он может слышать и видеть всё, что происходит вокруг него. — Он вынул из кармана свисток, поднёс его к губам и дунул. — Начнём лечение! — крикнул он.

Музыканты по всей комнате начали играть новую песню — воодушевляющую, бодрую и весёлую. Услышав звуки, клоуны на сцене начали вместе выступать. Смеясь и улыбаясь, они кружили вокруг Желающего. Некоторые из них жонглировали яркими, цветными лентами между ними, в то время как другие ехали на одноколёсных велосипедах или скручивали воздушные шары в животных. Общим эффектом был головокружительный спектакль цвета и звука.

Желающий метал головой из стороны в сторону, не зная, куда взглянуть. Он неоднократно протянул руку, пытаясь попытаться схватить булаву для жонглирования или животное из воздушного шара. Изредка такую вещь отдавал ему смеющийся артист, который быстро хватал из кулис новый реквизит и снова присоединялся к веселью. Всё, что давали Желающему, он немедленно бросал на пол,

сосредотачиваясь на зрелище вокруг него.

Затем, спустя почти десять минут, Желающийся засмеялся. Смех был маленьким — едва лишь смешок, — и его было легко упустить среди хореографического хаоса, но клоуны проявили бурное ликование, как только увидели его. Вилепоп вновь дунул в свисток, представление окончилось, и мужчину увели со сцены.

— Его сейчас отведут обратно в свою комнату для приёма пищи и отдыха, — сказал Вилепоп. — Мы проведём с ним завтра ещё один сеанс терапии, и, если всё пойдёт хорошо, он сможет примкнуть к окружающим нас клоунам всего через неделю.

Доктор развернулся лицом к Вилепопу, глаза его сверкали от чистой радости.

— На своём веку я повидал много чудесных вещей, — сказал он. — Добрые жесты, бескорыстные поступки, заботливое поведение... Но эта одна из лучших. — На этом он схватил клоуна за щёки и дружественно поцеловал того в лоб.

— Со мной они были не так уж чудесны, — простонал голос позади них.

Доктор, Уоррен и Мэй повернулись и увидели Клару, направлявшуюся к ним.

— А вот и ты! — воскликнул Доктор, касаясь её руками. — Итак, ты снова на ногах?

— Попробуй поспать с таким грохотом, — заныла Клара.

— Осторожно, — дразня, предостерегла Мэй. — Не стони слишком сильно, а то они снова могут принять тебя за Свирепую.

Клара взяла напиток с подноса проходящего мимо клоуна и опустошила его залпом.

— Так, — сказала она. — Что я пропустила?

— Вилепоп тут показывал нам, как клоуны восстанавливают жертв Покровов, — сказал Доктор. — И это навело меня на мысль... Что будет, если мы попытаемся проделать то же самое с людьми, которые всё ещё связаны с

Покровами? Чьё горе поглощено ещё не целиком.

— Без понятия, — признался клоун. — Мы придумали этот процесс только после того, как Покровы покончили с нами и двинулись дальше. Не считая немногих из нас, кого пощадили, все на Семтисе разделились на племенные отряды, которые вы уже видели, — по крайней мере, насколько мы знаем.

— Я говорил не о Семтисе, — сказал Доктор. — Хотел бы я знать о Покровах и оказаться здесь вовремя, чтобы спасти вас, но, боюсь, сейчас для этого слишком поздно. Я говорю о Земле.

— Думаешь, мы сможем освободить людей от Покровов, дав им представление? — спросил Уоррен. — Думаешь, это сможет разорвать связи?

— Я не знаю, — сказал Доктор. — Но я готов попробовать. — Он проверил часы. — У нас меньше пяти часов, пока вся планета не окажется заражена и люди не смирятся со своей судьбой. К тому времени будет уже слишком поздно.

— Но много людей уже являются едой для Покровов, Доктор, — сказала Мэй. — Как мы соберём достаточно артистов за пять часов?

— Возможно, нам не придётся, — ответил Доктор, поворачиваясь к Вилепопу. — Вы поможете нам?

Раскрашенные глаза клоуна раскрылись.

— Ты хочешь, чтобы мы отправились с вами на другую планету?

— Совсем ненадолго, — сказал Доктор. — Всего лишь короткий прыжок через червоточину, и, если нам удастся изгнать Покровы, я доставлю вас всех обратно первым классом на моей ТАРДИС.

— Ты не перестаёшь говоришь о червоточине, — сказал Вилепоп. — Что ты имеешь в виду?

— Я справлюсь, — сказал Уоррен. — Это как тоннель сквозь время и пространство — малость похоже на носок с отрезанной ступнёй. Она отходит от правил вселенной и

связывает два места, позволяя переходить из одного в другое, избегая путешествия, которое могло бы занять тысячи лет.

— Очень хорошо сказано, — засиял Доктор. — Покровы использовали червоточину для перелёта с Семтиса на Землю, — продолжил он. — Дорога несколько ухабистая, с небольшим количеством кошмаров по пути, но в целом поездка весёлая. — Он обратился к Вилепопу. — Вы поможете нам?

— Ну, кто же откажется от такого шанса? — заулыбался клоун. — Я не могу одолжить всех: здесь всё ещё надо выполнять важную работу — но я убеждён, что смогу собрать труппу из примерно сотни артистов.

— Однако вы забываете кое-что важное, — сказала Клара. — Мы утратили скорую помощь в битве с медведем или тремя. Чтобы вернуться через червоточину, нам понадобится транспорт, иначе мы расщепимся на атомы, как только зайдём в портал.

— Она права, — сказал Уоррен. — И это должно быть чем-то большим, раз на обратном пути нас будет больше ста.

— Мы и с этим сможем справиться, — сказал Вилепоп. Он снова извлёк свисток и дунул в него. — Вывезти тачку!

Через мгновение поверх непрерывной музыки можно было услышать новый звук.

Путта-путта-чуф! Путта-путта-чуф! Путта-путта-чуф!

В поле зрение, пыхтя, появилась крошечная машинка с нарисованными оранжевыми и зелёными цветочками.

— Стойте... — нахмурившись, произнесла Клара. — Мы все поедem на Землю в этой штуковине?

— Конечно! — воскликнул Доктор, улыбнувшись до ушей. — Она вдохновлена галлифрейскими технологиями, вроде ТАРДИС 40 типа. Вы смотрите на почти что единственный другой пространственно трансцендентный транспорт во вселенной. Клоунская машина!

Мэй залезла в клоунскую машину назад и хихикнула себе

под нос. Доктор оказался прав. Она действительно была больше внутри. Будучи девочкой, она посещала цирк вместе с бабушкой и всегда интересовалась, как так много клоунов умудрялось уместиться в настолько крошечном автомобиле. Могли ли те комедийные машины работать тем же образом?

У дверей появилось лицо, раскрашенное в яркие цвета, и передало ей коробку, которая, как она знала, была набита реквизитом. Мячики для жонглирования, гудки, фокусы и другое — всё то, что они попытаются применить, чтобы освободить людей Земли от ужасных когтей Покровов. Бой обещал быть неравным, но Доктор заверил её, что у него всё ещё есть в рукаве трюк или два, которые помогут.

Мэй аккуратно сунула коробку в сторону, потом приняла связку мешков с костюмами от другого клоуна. В старшей школе она со своим кружком драмы разъезжала с написанной ими пьесой по близлежащим начальным школам. Подготовка клоунской машины к путешествию домой казалась очень похожей на загрузку их маленького фургона для тура.

Спустя два клоуна у дверей появилась Клара.

— Как ты справляешься?

— Всё ещё полно места, — сказала Мэй, показывая на пустое пространство в машине. — С тем, что мы все должны уместиться внутри, проблем быть не должно.

— Это хорошо, — сказала Клара, — потому что Доктор хочет... — она прервалась, смотря через плечо Мэй в окно за ней.

— Что такое? — спросила Мэй. Но Клара исчезла. Мэй вылезла из машины и поспешила за ней. Она нашла Клару сидевшей перед маленькой девочкой 4-5 лет, которая держала книжку с картинками.

— Это она, — сказала Клара, взглянув на Мэй. — Девочка, которую я видела во сне в червоточине. — Она повернулась обратно к девочке. — Как тебя зовут?

— Джаз, — ответила девочка. Она посмотрела на руки Клары, слегка трясущиеся на её плечах. — Ты Дрожащая?

— Нет, — улыбнулась Клара. — Я не была подвержена

влиянию Покрова.

— Тебе повезло, — сказала Джаз. — Моя мама была. Она теперь Дрожащая, но Вилепоп говорит, что сможет восстановить её. Я надеюсь на это, потому что у неё самая красивая улыбка.

Клара потянула девочку к себе и крепко обняла её.

— Если Вилепоп говорит, что сможет, тогда я ему верю.

Джаз улыбнулась на эту мысль.

— Мне пора, — сказала она. — Мне нельзя заходить в комнату моей мамы, пока её лечат, но я каждый день сижу снаружи и читаю ей историю.

— Это чудесный поступок, — сказала Клара, потрепав волосы девочки. — Должно быть, твоя мать очень гордится такой дочкой, как ты. — Она наблюдала за Джаз, помчавшейся ко входу в камеры. — Я всегда думала, что мир без горя — хорошая идея, — сказала она, вставая. — Но это не так.

— Нет, не так, — сказал Доктор, приближаясь вместе с Уорреном. — Люди — невероятно сложные создания, и всё в их головах играет свою роль. Убери всего одну часть, и она целиком выйдет из строя.

— Может быть, нам было бы лучше совсем без чувств, — предложил Уоррен.

— Ты бы не сказал так, если бы встретил бесчувственных монстров, которых мне довелось повидать, — сказал он. — Может, то, что происходит на Семтисе, не идеально, но это работает. Человеческие существа делают всё возможное для своих собратьев. Итак, по-моему, мы почти готовы. Пойдём и предотвратим то же самое на Земле.

Один за другим клоуны, выбранные для путешествия, залезли в задний отсек клоунской машины и нашли пустое сиденье. Мэй оказалась сидящей между сестрой Ормой и мужчиной, одетый как бродячий клоун в лохмотьях.

Уоррен и Клара пристегнулись ремнями у противоположной стены.

— Будем надеяться, эта поездка станет чуточку менее травмирующей, — сказала Клара.

Доктор залез на переднее сиденье вместе со Шлёп-Шлёпом и Вилепопом.

— Готовы? — улыбнулся он.

Вилепоп кивнул.

— Пора ступить на другой мир!

Шлёп-Шлёп завёл двигатель и повёл машинку к съезду в конце комнаты. Клоун в масляном комбинезоне закрутил лебёдку, и дверь открылась, позволяя им выехать на лёд и снег.

Путта-путта-чуф! Путта-путта-чуф! Путта-путта-чуф!

Машину слегка занесло на скользкой земле, и Доктор опустил своё оконное стекло, чтобы выглянуть.

— Вы уверены, что мы сможем доехать туда, где вы нас нашли? — спросил он, изучая скользкую поверхность под ними.

— Без проблем, — засиял Шлёп-Шлёп. Он щёлкнул переключателем на приборной панели автомобиля, и из шин выскочили ряды острых металлических шипов, закапываясь в землю для сцепления.

Доктор счастливо расплылся в улыбке, закрывая своё окно.

— Обожаю клоунов!

Путешествие обратно к червоточине прошло без эксцессов и медведей. Шлёп-Шлёп затормозил перед мерцающим порталом, позволив Доктору выпрыгнуть и помахать своей звуковой отвёрткой по его поверхности.

— Надо переустановить полярность, — перекричал он щебетание гаджета. Удовлетворившись выполненной работой, он запрыгнул обратно в машину. — Прошу минутку внимания, — обратился он к группе, сидевшей позади. — Пожалуйста, убедитесь, что ваши ремни безопасности пристёгнуты, а ваши откидные столики находятся в вертикальном положении. В случае

турбулентности или видения отрывков чьих-либо ужасающих воспоминаний прошу постараться сохранять спокойствие. При потере кислорода вы все посинеете и задохнётесь в считанные секунды, поэтому давайте скрестим пальцы и надеяться, что этого не случится. Выходы будут доступны, когда двери комично отпадут, или посредством катапультируемого сиденья, на котором, как я только что осознал, сижу я. Мы очень надеемся, что вы выберете Червоточина Travel для вашего следующего заправленного кошмарами путешествия в далёкий мир. А теперь откиньтесь, расслабьтесь и наслаждайтесь путешествием.

Он повернулся к Шлёп-Шлёпу, понизив голос.

— Опустите ногу и не останавливайтесь, пока мы не выедем по другую сторону, что бы ни случилось.

Кивнув, Шлёп-Шлёп переключил передачу клоунской машины и поехал в червоточину.

Глава 13

Клоунская машина вырвалась из переливающегося портала в стене больницы, шипы на её шинах выкапывали асфальт парковки. Шлёп-Шлёп нажал на тормоз, скачками останавливая автомобиль.

— Вилепоп! — крикнул Доктор, сканируя его отвёрткой. Бледный грим клоуна сверкал зелёным светом.

— Что с ним такое? — спросил Шлёп-Шлёп.

— Он подхватил чьи-то воспоминания, — объяснил Доктор. — Такое случилось с нами по пути на Семтис. Через несколько минут он должен быть в порядке.

Будто по команде, глаза Вилепопа раскрылись, и он застонал.

— Он был в ловушке, — сказал он. — Мальчик — подросток. Заперт в подвале своего дома. Его родители были Свирепыми и крушили первый этаж. Он... подавал сигнал о помощи по рации. Я помню частоту.

— Тогда я уверен, что ты сможешь найти его, когда вернёшься домой, — сказал Доктор. Он повернулся к Кларе, Уоррену и Мэй в заднем отсеке машины. — Как там все?

— У пары из них были вспышки воспоминаний, — ответила Клара. — Но сейчас они все приходят в себя.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Все на выход.

Клоуны начали непрерывно, один за другим вылезать из крошечного автомобиля. Они вышли под послеполуденное солнце, в изумлении оглядывая то, что для них было причудливым новым миром. Двое из них подошли робко к дереву и, хихикая, пробежались руками по его коре.

— Что это за место? — спросила Орма, взглянув на здание.

— Больница, — сказал Уоррен. — С врачами и медсёстрами.

Они лечат людей, которые больны.

Орма опустила взгляд на свою флуоресцентную розовую форму медсестры.

— Тогда, полагаю, я идеально впишусь.

Уоррен улыбнулся.

— Они ничего не заподозрят.

— Доктор, — сказала Мэй. — Смотри!

Доктор обернулся и обнаружил, что из входа в больницу спускаются по лестнице десятки людей, каждый из которых держит за руку женщину в голубой вуали.

— И там тоже, — указывая, сообщила Клара. Ещё больше людей приближалось через автостоянку.

Больничный швейцар — мужчина, которого встретили Доктор и Клару толкавшим инвалидную коляску, когда они только прибыли, — протянул свободную руку к Доктору.

— Я забираю вещи, — сказал он. — У пациентов, которые не понимают, где они. Я ворую у них. Всё в моём шкафчике. Помогите мне, и я всё отдам. Я найду каждого, у которого украл, и верну им их принадлежности.

— Я буду ходить в церковь каждое воскресенье, — отозвалась женщина почти в конце группы. — Пожалуйста, помогите мне. Я обещаю!

— Моя жена, — сказал мужчина слева от Доктора. — Я буду верен ей, клянусь. С этого момента. Только уберите эту штуку от меня!

Клара переводила взгляд от одного отчаянного человека к другому.

— Что они делают? — спросила она.

— Торгуются, — ответил Доктор. — Это следующая стадия горя. Следующий курс приёма пищи для Покровов. — Он проверил часы. — Всего три часа до того, как заражение достигнет каждого на планете. — Он поднялся по ступенькам и обратился к собравшимся. — Я помогу вам всем, — пообещал он. — Но я должен попросить вас отойти назад, чтобы мы могли продолжить свою работу.

Жертвы Покровов начали пятиться назад, увлекая за собой своих паразитов. Они повторно собрались на краю парковки и пристально следили за Доктором и его друзьями.

— Что мы можем сделать? — сказал Вилепоп. — Нас всего лишь сотня. Мы не сможем вылечить весь мир за три часа.

— Я помогу вам распространить ваше веселье, — сказал Доктор. — Но сперва у меня для всех вас есть работа. Клоуны, возьмите свои костюмы, реквизит и подготовьте их к работе. — Он развернулся лицом к Мэй и Уоррену. — Вы двое, заметили что-нибудь необычное в жертвах Покровов?

— Кроме того факта, что они все молят нас о помощи, не особо, — сказал Уоррен.

— Я заметила, — сказала Мэй. — Они все взрослые. Мы едва ли видели хоть одного ребёнка.

— Именно! — засиял Доктор. — Детям, в основном, не доводилось переживать те же масштабы горя, что взрослым. Они не теряли людей, которые им важны, а, если теряли, они были защищены от худших чувств. К сожалению, существуют исключения, но в данный момент нам придётся не принимать их в расчёт.

— Почему? — спросил Уоррен. — Чего ты от нас хочешь?

— Соберите как можно больше детей, — сказал Доктор. — Сэмми, маленький мальчик, которого мы оставили с Эдит Томас по пути в редакцию газеты. Пегги в камере полицейского участка. Столько юных людей, сколько сможете найти. Они будут напуганы, но, если вы сможете убедить их примкнуть к нам, они значительно увеличат наши силы. Возьмите клоунскую машину, как только разгрузят реквизит. Наполните её ребятишками!

— Что насчёт меня? — спросила Клара.

— Мы с тобой направляемся обратно в ТАРДИС, — сказал Доктор. — Но перед этим я должен выполнить одно маленькое дельце... — Он вскочил через несколько оставшихся ступенек и зашёл в больничную зону приёма, Клара — следом за ним.

— Опять ты! — воскликнул охранник, который остановил

его ранее. — На этот раз никаких хитростей.

— И не мечтал о них, — сказал Доктор, выхватывая психобумагу. — Не тогда, когда у нас разрешение самого президента Линдона Джонсона зайти внутрь.

Солдат взял психобумагу и, не веря своим глазам, уставился на неё.

— Доступ во все зоны, — прочёл он вслух.

— И ко всему оборудованию, — сказал Доктор, возвращая себе бумагу. — Что включает в себя рацию. — Он протянул руку. — Позволишь?

Охранник поднял от радиации микрофон и передал его Доктору, который нажал на кнопку выхода на радиосвязь и заговорил в него.

— Проверка, проверка, раз-два-три... Капитан Китинг, вы слышите меня? Приём.

Спустя секунду через динамик на передней части устройства еле раздался эхом голос Китинга.

— Доктор? Это Вы?

— Вне всякого сомнения, — ответил Доктор? — Как генерал?

— Спит сном младенца, — сказал капитан Китинг. — Ваше путешествие окончилось удачей?

— Абсолютно! — воскликнул Доктор. — И я думаю, у меня есть способ заставить Покровы отпустить людей, но мне понадобятся кое-какие вещи от вас.

— Просто назовите их.

— Я надеялся, что Вы так скажете, — сказал Доктор, подмигнув Кларе. — Мне понадобятся все ваши машины, с водителями, акустическая система и все наволочки, которые ваши люди смогут найти.

Последовало короткое молчание.

— Как скажете, Доктор. Что-нибудь ещё?

— Есть ещё одна вещь...

Клара улыбнулась ошеломлённому дежурному, когда

Доктор отвернулся и выпалил ещё одну просьбу.

— Не волнуйтесь, — добродушно произнесла она. — Он на всех людей производит такое впечатление.

Доктор развернулся и передал микрофон охраннику, затем протянул свою руку Кларе.

— Будьте так любезны, мисс Освальд...

Клара взяла руку Доктора.

— Ведите!

Оказавшись в ТАРДИС, Доктор поспешил вниз по ступенькам с уровня консоли и начал рыться внутри шкафа. Клара закрыла двери и со вздохом прильнула к ним.

— Что такое? — спросил Доктор, не отвлекаясь от поисков.

— Мы не сможем сделать это, верно? — ответила Клара. — Вилепоп прав. Сто клоунов и горстка детей против миллионов Покровов. Нас значительно превосходят по численности.

Доктор отступил от шкафа и обратился к ней лицом.

— Покровы фокусируются на негативных эмоциях, — сказал он. — Мы должны действовать иначе. Прямо сейчас нам надо надеяться. — Он обернулся к шкафу. — К тому же, возможно, я как раз смогу дать клоунам преимущество.

Он вытащил огромный деревянный сундук и стал шарить сквозь гору электроаппаратуры внутри: старых чайников, разбитых телевизоров, компьютерных материнских плат и другого. Время от времени ему нравился внешний вид устройства, и он ставил его в сторону на пол, прежде чем вернуться к другим.

— Надежда так надежда, — сказала Клара. — Чем я могу помочь?

— Проволоку, — сказал Доктор, указывая на коридор со сломанной настольной лампой. — Вниз, четвёртый поворот налево, вторая комната справа — ты найдёшь мастерскую с кучей проволоки, висящей на стенных крючках. Принеси мне всё.

Клара поспешно ушла в коридор. Он выглядел в точности таким же, как любой другой коридор, который она

исследовала за своё время на борту ТАРДИС, и ей было интересно, как Доктору удавалось следить за всеми ними — особенно учитывая то, что иногда сам мог заблудиться. Только на прошлой неделе он пообещал её экскурсию по океанариуму, но был вынужден отказаться после того, как открыл двери на кухню, в библиотеку и две отдельные комнаты, наполненные, по-видимому, коробками с разноцветными шарфами.

— Четвёртый налево... — Она повернула в ещё один идентичный коридор и дошла до второй двери справа. Когда она распахнула её, ей в лицо ударила струя горячего пара. Она нырнула обратно в коридор, позволяя облакам рассеяться, после чего заглянула внутрь. Комната была полна деревянных панелей, перед которыми находились скамейки из деревянных планок.

— Сауна, — сказала она себе, мысленно делая себе заметку вернуться в более спокойный день. Она закрыла дверь и попробовала следующую дверь, на всякий случай. — Ага!

За ней была мастерская. Инструменты всех форм, размеров и материалов валялись или были впихнуты в немалое количество ящиков, которыми был усыпан пол. Там, на задней стене, были мотки проволоки.

Клара сняла их с крючков, закидывая каждый новый моток через руку, чтобы нести. Когда она закончила, обе руки были заняты, и вокруг её шеи было несколько петель проволоки. Она заковыляла обратно в комнату управления, борясь с грузом.

— Наконец-то! — выкрикнул Доктор, вскочив на ноги.

Клара дошла до консоли, чтобы бросить пучки рядом с ней, но Доктор остановил её, подняв руку.

— Нет, не двигайся. Я вижу ту, что мне нужна... — Он потянулся за рулоном тонкой бронзовой проволоки, висевшей на её правом плече, и отрезал от неё кусок длиной примерно пятнадцать сантиметров.

— Идеально! — сказал Доктор. — Теперь можешь вернуть её обратно.

Клара сбросила остальную часть проволоки на пол.

— Ага, — сказала она. — Уже бегу. — Она обошла консоль, чтобы изучить гаджет, который смастерил Доктор из кусков старой электроники. — Это то, что нужно? — спросила она.

Доктор поместил проволоку на место и подержал своё изделие для осмотра. Оно было похоже на воронку, с большим отверстием на одном конце и гораздо более узкой дыркой в конце трубки на другом.

— Хорошо, а?

— Что оно делает? — спросила Клара.

— Ну, она усиливает эмоции, — сказал Доктор. — Счастье идёт сюда... — Он показал на дыру поменьше. — И выходит здесь во много-много раз более сильным.

— Клоуны могут использовать его, чтобы лечить больше людей одновременно, — воскликнула Клара.

— Точно, — сказал Доктор. — Мне только надо пару винтов, чтобы закрепить трубку. Нельзя позволить ей отвалиться. — Он засеменил вокруг центральной консоли, изучая каждый аппарат. — Эти нужного размера, — сказал он, прижав лицо рядом с клавиатурой. — Не могла бы ты сбегать назад в мастерскую и принести мне отвёртку?

Клара скрестила руки на груди.

— Отвёртку? Ты серьёзно?

— Да, — сказал Доктор. — Мне надо открутить здесь винты и... О! — Он медленно потянулся внутрь сюртука и вытащил звуковую отвёртку. — Знаешь, кажется, я раньше никогда не использовал её для собственно выкручивания винтов...

Спустя несколько всплесков звуковой энергии Доктор смог приподнять клавиатуру с консоли.

— Ну надо же! — воскликнул он, глядя вниз, когда начал привинчивать трубу на место в гаджете. — А я думал, куда он подевался.

— Что там? — спросила Клара, оглядывая руку Доктора. На консоли, под тем местом, где была клавиатура, была квадратная коробочка с двумя переключателями наверху.

Над ней, похоже, маркером, было написано «Быстрый возврат».

— Переключатель «Быстрый возврат», — сказал Доктор, вкручивая винты в трубчатую конструкцию своей отвёрткой. — Думай о нём как о кнопке перемотки для ТАРДИС. Одна сторона имеет дело с временем, а другая — с пространством. Нажми их, и мы окажемся в нашем предыдущем местоположении, будто нас вытянула туда эластичная верёвка.

— Но почему он был спрятан под клавиатурой?

— Должно быть, она была закрыта во время моей последней перепланировки. Я уже долгое время его не использовал, — сказал Доктор. — С тех пор как он заклинил и пытался утащить меня к началу вселенной.

— Я понимаю, как он может быть проблемой.

Когда последний винт встал на место, Доктор схватил трубку на конце гаджета и убедился, что она теперь закреплена.

— Готова? — спросил он.

Клара ухмыльнулась.

— Готова!

Этот парад был одним из самых странных событий, которые когда-либо видел Уоррен. Дюжины военных джипов и бронетехники выстроились на улице вне больницы, их тёмно-зелёный камуфляж был поспешно прикрыт красочными шторами и покрывалами. В задней части каждого грузовика стояло по одному-два клоуна, готовых выступить.

Перед военными машинами свои музыкальные инструменты разогревала группа клоунов. С ними был Шлёп-Шлёп, он держал микрофон рации, который вёл прямо в огромную пару динамиков, привязанных к верху танка. При игре музыкантов их песня усиливалась во все стороны.

Впереди музыкантов с волнением ждало несколько

десятков детей, держа под руками тюки хлопковых наволочек. Клоуны наложили понемногу грима на каждого ребёнка, нарисовав красные носы и улыбки. Несмотря на напряжение, молодёжь хихикала при виде друг друга. Мэй и Орма стояли с ними, пытаясь поддерживать дух среди группы.

А во главе парада находились Вилепоп и Доктор. Клоун крутил тамбурмажорский жезл, пока Клара помогала Доктору надеть кожаные ремни, которые позволяли ему нести устройство перед собой и направлять его либо влево, либо вправо.

— Как оно называется? — спросил Вилепоп, с интересом разглядывая изобретение.

— Я пока не знаю, — сказал Доктор.

— Так придумай название, — сказала Клара.

— Ну, оно усиливает эмоции, поэтому можно назвать Усилителем эмоций... Хотя, впрочем, забудьте. Никудышное название.

— Как насчёт Пушки веселья? — сказала Клара, застегнув пряжку на втором ремне.

— Нет! — крикнул Доктор. — Я не потерплю в названии слово «пушка»!

— Ладно, — ответила Клара. — Весёлый ударник!

Доктор уставился на неё.

— Ты с ума сошла?

— Можешь назвать его Метателем веселья, — предложил Вилепоп.

— Да, только он не столько мечет веселье из большого конца, сколько разбрызгивает, — сказал Доктор. Он поднял палец, чтобы утихомирить Клару. — Что бы Вы ни собирались сказать, мисс Освальд, забудьте!

Клара пожала плечами.

— Как бы ты ни назвал, мы всё равно сможем использовать его на одну группу за один раз, не так ли?

Доктор усмехнулся, в его глазах пролетела искра.

— Это лучшая часть, — сказал он. — Это та часть, где вы назовёте меня гением! Из-за вчерашних трагических событий Даллас полон телевизионных съёмочных групп со всего мира. Я попросил капитана Китинга отправить кого-нибудь рассказать им об этом, и вот они здесь...

Клара услышала звук двигателей, взглянула и увидела десятки приближающихся фургонов и грузовиков, на каждом из которых был нарисован логотип новостной команды или телестанции. На крышах многих из них качались при движении антенны.

— Но разве на них не подействовали Покровы? — спросила Клара.

Доктор старался не выглядеть самодовольным, но ему не особо это удавалось.

— Телерепортёры, — сказал он. — Операторы, звукооператоры, техники, продюсеры — все они были закалены не столь приятными новостями, как и Мэй.

— Потому они могут не подпускать к себе Покровы! — воскликнула Клара, хлопнув в ладоши. — Хорошо, в этот раз я отдам тебе должное: ты гений.

Доктор поднял палец.

— Я ещё не закончил... — Он улыбнулся. — Они будут транслировать сконцентрированную радость, произведённую... — он вскинул свой гаджет, — ...как бы ни называлась эта штука — в каждую страну на планете, разрывая связи с Покровами по всему миру.

— Даже дома? — спросила Клара.

— Ну, как по мне, тот похож на фургон Би-би-си, — сказал Доктор, стоя на цыпочках, чтобы рассмотреть сквозь собравшуюся стаю журналистов. Он проверил часы. — В Британии сейчас почти время чаепития в субботу, 23 ноября 1963 года, и веселье вот-вот начнётся!

Доктор обернулся, чтобы осмотреть ожидающую процессию.

— Ладно, все! — обратился он. — Водители, следуйте за

мной. Дети, готовьте наволочки. А Клоуны, прямо как на Семтисе — ещё раз с чувством! — Он повернулся к Вилепопу с улыбкой. — Вот оно! Я назову эту штуку «Ещё раз с чувством».

— Тогда давай опробуем его, — улыбнулся клоун. Он дунул в свисток, и они с Доктором отправились в шествие. За их спинами начали играть музыканты, дети подпрыгивали в такт, а военные машины поползли. Клоуны стали выступать в задней части каждого грузовика. Они акробатствовали, танцевали, жонглировали, превращали вытянутые воздушные шары в формы собак, птиц и тому подобное.

Когда парад начался, Уоррен наблюдал за ним со ступенек больницы. Несмотря на беду, в которую попал мир, он не мог не улыбнуться при виде зрелища. Это была одна из самых счастливых групп людей, собравшихся вместе в одном месте, которые он видел в своей жизни. Медленно процессия вильнула, выезжая с автостоянки, и направилась за её пределы мимо ждущих на тротуаре жертв Покровов.

Когда Доктор приблизился к первой группе людей, каждый из которых по-прежнему держал за руку женщину в голубом платье, он развернул «Ещё раз с чувством» к ним и нажал на кнопку сбоку прибабаса. Послышался свист, и из воронки выплеснулась струя сжатого счастья, потрепав волосы жертв. Там находился швейцар из больницы, и он усмехнулся.

— Сейчас! — обратился Доктор через плечо. Мэй схватила наволочку у одного из детей — мальчика по имени Арран — и бросилась к швейцару. Одним быстрым движением она натянула наволочку на голову державшего его за руку Покрова, отгородив её лицо от мужчины. Он вновь засмеялся, когда в него ударил новый порыв счастья, и — с пронзительным воплем — Покров рядом с ним исчез в дожде голубых искр. Швейцар попятился назад, где его ждал один из солдат капитана Китинга, чтобы поймать.

— Получается! — вскрикнул Вилепоп, подкинул жезл в воздух и помахал им, призывая клоунов проявить больше веселья.

Доктор улыбнулся, в то время как солдат помогал

швейцару добраться обратно до больницы.

— Вуали Покрова полупрозрачные, — разъяснил он. — Те пострадавшие видят сквозь ткань глаза их близких, но не тогда, когда мы закроем их наволочкой. Это ломает ментальную связь, в точности как в случае с Мэй, когда мы забинтовали её рану. Если повезёт, не подверженные Покровам люди по всему миру будут подражать нам.

Потихоньку, один за другим, жертвы Покровов заулыбались, хихикнули и захохотали. С каждым смехом Клара, Мэй или Орма накидывали через голову Покрова наволочку, пряча их черты лица из виду. Раздавался крик за криком, когда пришельцы распадались на мерцающие сапфировые частицы.

По бокам дороги собралась толпа людей, призывавших Доктора нацелить «Ещё раз с чувством» в их направлении и освободить их от существа, державшего их за руки. Через некоторое время, находясь в группе, Мэй не могла не заметить сходства этого парада и того, который она лицезрела за день до всего этого.

Доктор повернул «Ещё раз с чувством» влево, осыпая людей на другой стороне дороги сжатой радостью. Среди них была доктор Эллисон, которая счастливо посмеялась, когда веселье поразило её. Орма скрыла из виду лицо её отца с помощью наволочки, и врач пошатнулась в руки ожидавшего военнослужащего.

— Спасибо! — обратилась она к Доктору, когда он прошагал мимо.

— Нам лучше ускорить темп, — сказал Доктор Вилепопу. — Нам надо покрыть большую площадь, а у нас не так много времени, пока... — Он вдруг остановился, и Вилепоп врезался в него.

— В чём дело? — спросил клоун.

— Взгляни на людей, — сказал Доктор, отстегнув ремни и поспешив к тротуару.

Вилепоп дунул в свисток, чтобы остановить шествие, когда Доктор изучал людей вокруг них. Каждый из жертв Покрова

до единого прекратил звать на помощь и свесил голову, смотря на землю. Музыканты прервали свою песню, опуская жуткую тишину на территорию вокруг.

— Что с ними стало? — спросила Клара, подбежав к Доктору.

— Они перешли к следующей стадии горя, — сказал Доктор, сканируя звуковой отвёрткой женщину в опрятном деловом костюме. — Покровы увеличили скорость кормления, отправляя своих жертв в состояние депрессии. После этого они примут свою судьбу, и тогда пути назад не будет.

— Но это произошло со всеми абсолютно одновременно, — сказала Клара, сходя с тротуара, чтобы посмотреть в продолжение улицы. — Как такое может быть?

— Я не знаю, — сказал Доктор, сканируя другую жертву, а потом ещё одну. — Коллективный разум? Мы уже знаем, что они обладают значительными психическими способностями, так что, может быть... — Он проверил показания отвёртки. — О, нет, — произнёс он тихо.

— Что такое? — спросила Клара.

— Я такой дурак, — сказал Доктор, хлопая ладонью по лбу. — Как я мог это не увидеть?

— Что увидеть? — потребовала ответа Клара. — Что происходит?

Доктор повернулся лицом к ней, расширив глаза от страха.

— Покров — это не инопланетная раса, — сказал он. — Это одно-единственное существо.

Глава 14

Доктор стоял спиной к остальной части группы и выглядывал в окно кабинета доктора Эллисон. Шлёп-Шлёп вёл других клоунов упаковывать оборудование.

— Я всё равно не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Мэй. — Как Покров может быть одним существом? Их тысячи. Миллионы.

— Это щупальца Покрова, — сказал Доктор. — Истинное существо — тоннель, через который мы прошли на Семтис и обратно. Это живая червоточина с миллионами рецепторов на каждом конце.

Глаза Клары расширились.

— Но это означает, что мы проехали через его желудок. Дважды! А те тела, которые мы нашли встроенными в стены тоннеля — он всё ещё переваривал их.

— И хуже, боюсь, — сказал Доктор. — Внешность Покрова в этом мире выглядит человеческой, они даже распознаются людьми.

— Ты про женщин в голубых вуалях? — спросила Клара.

Доктор кивнул.

— Покров использует людей, которых уже съел, как человеческие марионетки на концах своих щупальцев.

— Ментальных щупальцев? — спросила Мэй.

— Похоже, они могут быть и настоящими, — сказал Доктор. — Если я прав, Покров удерживает последнего человека, на которое нападало каждое из щупальцев, затем использует это тело, чтобы пробиться в часть следующего мира.

— Но мы знали людей, чьи лица мы видели, — отметила Клара.

Доктор тяжело вздохнул.

— Наверно, Покров каким-то образом изменяет основную ДНК, чтобы лица совпадали с теми, которые он обнаружил в нашей памяти. Но это не изменяет тот факт, что он вломился в этот мир, используя остатки настоящих людей.

— Кажется, меня сейчас стошнит, — простонала Мэй.

— Но это должно значить, что Покров — громадное существо? — сказал Уоррен. — Он протянулся на весь путь от одной галактики в другую.

— Мы проехали через всю его длину, — ответил Доктор. — Как и у стандартной червоточки, у него есть способность изгибать время и пространство, что позволяет дотянуться через огромные расстояния.

— Значит, он протянулся от Семтиса до Земли и начал питаться другим концом? — сказал Вилепоп.

— Именно, — сказал Доктор. — И после того, как он закончит здесь, на Земле, он отпустит Семтис и станет выискивать оттуда другой источник пищи. Моя догадка такова: ему необходимо оставаться присоединённым к планете на каждом конце, чтобы закрепиться в пространстве и времени по время питания.

— Но, несомненно, это даёт нам преимущество, — сказала Клара. — Вместо того, чтобы бороться с миллионами отдельных инопланетян, мы противостоям лишь одному.

— Который длиной в несколько километров и может деформировать вселенную под себя, — подчеркнул Уоррен.

Доктор подобрал «Ещё раз с чувством» и начал застёгивать ремни обратно.

— Клара права, — сказал он. — С одним существом сражаться проще, чем с миллионом, но теперь борьба зависит от меня.

Доктор стоял на вершине больничной лестницы с привязанным к груди «Ещё раз с чувством». На противоположном конце парковки стояли тысячи людей и их партнёры в лице Покрова. Группа тянулась по улице в оба

направления, все люди до единого поникли в тишине.

— Ты знаешь, что делать? — спросил Доктор, вытащив звуковую отвёртку и сделав несколько небольших корректировок в аппарате перед ним.

— Да, — сказала Клара, потянувшись сжать руку Доктора.
— Я просто беспокоюсь за тебя.

Доктор бросил ей улыбку.

— Не стоит беспокоиться за меня. Это будет проще пареного гриба на Механусе. — Он подмигнул. — Увидимся по другую сторону...

Когда Клара убежала, Доктор сделал глубокий вдох и позволил гаджету «Ещё раз с чувством» добраться до собственных глубоких воспоминаний.

Вспых!

Он был всё ещё на Земле, но теперь уже в 22 веке. Он обхватил свою внучку, Сьюзан, и обнял её.

— Я, э-э... Я, эм... Кажется, я должен проверить корабль, — сказал он, зашаркав назад к ТАРДИС.

— Ты надолго? — спросила Сьюзан, но Доктор не ответил. Он смотрел, как его внучка отходила к Дэвиду Кэмпбеллу, борцу за свободу, которого она встретила сражаясь с далеками, после чего поспешил внутрь. Он подождал, пока Йен и Барбара не вернулись, затем он наконец принял решение и закрыл двери ТАРДИС.

— Дедушка! — завизжала Сьюзан, подбегая к ТАРДИС.

— Послушай, Сьюзан, пожалуйста. Все эти годы я заботился о тебе, а взамен ты заботилась обо мне.

— Дедушка, моё место с тобой! — крикнула Сьюзан.

— Больше нет, Сьюзан, — ответил Доктор.

Вспых!

Сьюзан! Доктор почувствовал слёзы на своих глазах. Как он скучал по ней! Он взглянул и увидел, что несколько женщин в голубых вуалях отпустили свои человеческие жертвы и пересекали стоянку больницы по направлению к нему. Он явно был более привлекательной пищей теперь,

когда его горе было усилено. Клара, Мэй и Уоррен помогали освободившимся людям ухромать.

Вспых!

— Выхода нет, Доктор. Попрощайся со своими друзьями.

— Должно быть что-то, что мы можем сделать! — крикнула Зои.

— Нет, — вздохнул Доктор. — Не в этот раз. — Скрепя сердце он повернулся к человеку в килте, Джейми Маккриммону. — Ну, прощай, Джейми.

— Но, Доктор, безусловно...

Доктор покачал головой. Он ничего не мог сделать. Повелители времени сделали свой выбор.

— Прощай, Джейми.

Джейми взял руку Доктора — руку своего друга — и пожал её.

— Я не забуду тебя, знаешь.

— Я не забуду тебя, — сказал Доктор. — Не натывайся на слишком много неприятностей, хорошо?

Несмотря на свои чувства, Джейми улыбнулся.

— Кто бы говорил!

Не спеша, Доктор повернулся к другому своему спутнику.

— Прощай, Зои.

Вспых!

Дюжины женщин в голубых вуалях стояли у подножия лестницы в больницу, глядя на Доктора.

Вспых!

Пробка из-под шампанского выскочила по двум очень разным причинам. Не только потому что Джо Грант была помолвлена с Клиффордом Джонсом, но и потому что экологическую коммуну Хоулвил повысили до приоритетного исследовательского комплекса.

— Ты связалась со своим дядей в Организации Объединённых Наций, да? — сказал Доктор.

Джо покраснела.

— Это всего лишь второй раз, когда я прошу его о чём-либо.

— Да. И смотри, куда тебя привёл первый.

— Ты не возражаешь, правда? — спросила Джо.

— Возражаю? — с улыбкой спросил Доктор. — Возможно, мы даже сможем превратить тебя в учёного.

Когда Бригадир Летбридж-Стюарт произнёс тост, Доктор поставил своё шампанское и в последний раз покинул Хоулвил. Он забрался в Бесси и, оглянувшись напоследок на коттедж, завёл двигатель и уехал в ночь.

Вспых!

Доктор теперь был окружён Покровом, и ещё больше женщин толпилось к больнице, их вуали развевались сумеречным ветерком.

Он начал медленно отходить в коридор позади.

Вспых!

Он был во второй комнате управления. Туда вошла Сара Джейн Смит, держа сумку и растение в горшке. Она закрыла за собой дверь ногой.

— Кхм!

Доктор вытер лоб, не в силах взглянуть на неё.

— Я получил звонок с Галлифрея.

— И?..

— И я не могу взять тебя с собой. Ты должна уйти.

Вспых!

Коридор кишел женщинами в голубых вуалях, все они наступали на Доктора, всё дальше уходившего в больницу. Он переступил через большую, тяжёлую цепь и продолжил идти назад.

Вспых!

Доктор помчался обратно в управление, вращая диски и дёргая рычаги.

— Пожалуйста, поторопись, Доктор! — умоляла Нисса. —

Мы должны спасти Адрика с грузового корабля.

— Консоль повреждена! — выкрикнул Доктор.

Тиган уставилась на монитор с ужасом в глазах.

— Смотрите!

— Адрик! — заорала Нисса.

Но никто из них ничего не мог поделать, лишь смотреть, как грузовое судно столкнулось с доисторической Землёй.

Вспых!

Улицы Далласа и далеко за его пределами были пусты от Покрова. Каждое щупальце тянулось в мемориальную больницу Парклэнд и в разум Доктора.

Вспых!

Доктор с ужасом смотрел на экран, отбросив все мысли о несправедливости суда. Он наблюдал, как король воинов Ирканос ворвался в медицинскую палату к бритоголовой Пери — только это уже была не Пери. Её мозг был заменён на мозг того ментора, лорда Кива.

Ирканос заорал от ярости и запустил взрыв, который убьёт их обоих.

Вспых!

— Полагаю, для меня настало время уйти, — сказала Мел. Доктор отвёл взгляд от консоли.

— Оу...

— Время покинуть тебя...

Вспых!

Фейерверки взорвались над ними в знак приветствия нового тысячелетия.

— Идём со мной, — сказал Доктор.

Грейс покачала головой.

— Я буду скучать по тебе.

— Как ты можешь скучать по мне? — воскликнул Доктор. — Меня легко найти. Я парень с двумя сердцами, помнишь?

— Я не об этом...

Вспых!

Капитан Джек Харкнесс поцеловал Розу на прощание.

— Хотелось бы мне так и не встретить тебя, Доктор, — сказал он слегка дрожащим от страха предстоящего голосом.
— Мне было бы лучше быть трусом.

Троица обменялась последними взглядами.

— До встречи в аду! — сказал Джек, после чего он ушёл.

Вспых!

Астрид оглянулась посмотреть на Доктора в последний раз.

— Нет! — умолял он. Но она знала, что другого выхода нет.

Подняв вилы, она оторвала аппарат жизнеобеспечения Макса Каприкорна от пола и поехала на ограждение, окружавшее платформу над двигателями.

— *Астрид!* — закричал Доктор, когда погрузчик скрылся за краем. Он вырвался из рук Терминала и побежал к краю, как раз успев увидеть Астрид, тянущуюся обратно к нему, когда она резко упала в пламя вниз.

Вспых!

— Доктор!

Доктор выбежал из ТАРДИС на крик Эми, вслед за ним — Ривер Сонг.

Рори испарился, был отправлен назад во времени одиноким, умирающим ангелом — и теперь Эми подходила к существу.

— Эми, что ты делаешь? — переживая, спросил Доктор.

— Это надгробие — Рори — там есть место для ещё одного имени, не так ли?

Доктор не мог поверить своим ушам.

— О чём ты говоришь? — задал вопрос Доктор. — Вернись в ТАРДИС, мы что-нибудь придумаем.

Он схватил руку Эми, но она отряхнулась от него.

— Ангел, он отправит меня назад в то же время? К нему?

— Я не знаю, — признал Доктор. — Никто не знает!

— Но это мой лучший шанс, да?

— Нет!

— Доктор, заткнись! — крикнула Ривер. — Да, да, это так!

— Ну что же, — сказал Эми. — Мне надо просто моргнуть, верно?

— Нет! — взмолился Доктор.

— Всё будет нормально, — сказала она, пытаясь подбодрить его. — Я это знаю. Я... Я буду с ним, как и должна быть. Я и Рори вместе.

Она вцепилась в руку Ривер, заставив её пообещать присмотреть за Доктором и изо всех сил стараясь игнорировать его последние возражения.

— Человек в лохмотьях, — сказала она, разворачиваясь лицом к своему лучшему другу. Она взглянула в его глаза в самый последний раз. — Прощай.

Вспых!

Слёзы Доктора уже лились ручьём, он прижимался спиной к открытому дверному проёму ТАРДИС. Он чувствовал внутри своего разума щупальца Покрова, питающиеся его горем, а еды было предостаточно.

Настала пора для последнего толчка. Пора ему вернуться к свежему воспоминанию. Пора ему посетить последнее место в его голове. Которое он избегал все эти месяцы.

Доктор закрыл глаза.

Вспых!

Он стоял у ворот другого кладбища, нежный летний ветерок трепетал его густые волосы и поддёргивал края его галстука-бабочки. В нескольких сотнях метров впереди собралась вместе большая толпа — смесь гражданских лиц и персонала ЮНИТ.

Мужчина в военной форме подошёл положить сложенный флаг на полированную поверхность дубового гроба. Как и почти все остальные здесь, он состарился с того времени, когда Доктор в последний раз видел его.

Джон Бентон отдал честь гробу, после чего повернулся к солдатам ЮНИТ, стоявшим рядом с могилой.

— Оружейный салют! — отдал он приказ. — Пять выстрелов подряд.

Бах! Первый залп отправил стаю птиц взмахнуть в воздух. Мужчина в помятом костюме опёрся о ручку своего зонта в виде вопросительного знака и наблюдал, как они исчезают.

Бах! Лиз Шоу зарылась лицом в плечо мужчины в бархатном пиджаке и плаще.

Бах! Майк Йейтс обменялся грустным взглядом с маленьким мужичком со взъерошенными волосами в великоватой меховой шубе.

Бах! Мужчина в пальто цветов радуги обхватил рукой Джо Грант.

Бах! Коротко стриженный мужчина опустил голову и засунул руки в карманы своего кожаного пиджака.

Постепенно гроб стал опускаться на своё последнее пристанище.

Вспых!

Прошло несколько лет, и сейчас листья упали с веток, нависших над кладбищем. Скорбящих и их дорогостоящих цветочных подношений уже давно нет. На их месте по стойке «смирно» по обе стороны мраморного надгробного камня стояли букеты цветов в более долговечных глазурованных горшках.

Стучал дождь, оставляя землю под ногами скользкой и мягкой. В конечном счёте Доктор вышел из укрытия под деревьями.

Он медленно подошёл к могиле, капли дождя стекали с его волос и по его щекам. Он встал и прочитал имя, высеченное в мраморе, — Бригадир Алистер Гордон Летбридж-Стюарт.

Он молча отдал честь.

Вспых!

Доктор свалился назад через вход в ТАРДИС.

Мэй бросилась на колени рядом с ним.

— Готов? — спросила она, отстёгивая ремни, удерживавшие на месте «Ещё раз с чувством». По другую сторону дверного проёма коридор был полон женщин в голубых вуалях с протянутыми руками.

Доктор сжал руками виски головы, скребя пальцами сквозь волосы, будто пытаясь добраться до миллионов ртов, пировавших его разумом. Он встретился взглядом с Мэй и сумел кивнуть.

— Это ТАРДИС! — сказал Уоррен в микрофон своей рации. — Доктор внутри. Можете идти!

Снаружи, на парковке, Вилепоп проверил, что зажим на конце длинной цепи был прочно закреплён на заднем бампере клоунской машины, потом запрыгнул на пассажирское сиденье и дал сигнал Шлёп-Шлёпу.

— Вас понял, ТАРДИС, — ответил он в свою рацию. — Приступаем ко второму этапу.

Шлёп-Шлёп нажал на педаль газа и на полной скорости повёл клоунскую машину в стену больницы. Вход в живую червоточину засиял, когда автомобиль ринулся в живот Покрова. Оказавшись внутри, клоуны выпрыгнули из машины, сняли цепь и с силой погрузили крюк в шероховатый камень тоннеля, ударяя по нему, чтобы он наверняка остался вдолбленным в камне.

— Второй этап завершён! — крикнул Вилепоп в рацию.

Внутри ТАРДИС Уоррен получил сообщение и обернулся показать Кларе большие пальцы, пока она ждала у консоли. Она улыбнулась и резко опустила руку на переключатель «Быстрый возврат».

Глава 15

Двигатели захрипели, когда ТАРДИС прыгнула в воздух и повернула обратно к временной воронке. Металлические звенья большой, толстой цепи заскрипели в знак протеста, когда она начала брать на себя полный вес того, что было присоединено к другому концу.

— Я не понимаю, — сказала Мэй. — Я думала, этот корабль не может взлететь, пока конец червоточины охватывал весь мир.

Доктор упал на сиденье рядом с лестницей.

— Мы не взлетаем, — сказал он. — Мы отматываем ТАРДИС к последней точке в пространстве и времени — планете Венофакс. — Он схватил голову руками. — И лучше поторопиться попасть туда, потому что я с каждой секундой теряю воспоминания. Если так пойдёт и дальше, я могу забыть, как одеваться так круто.

Клара открыла свой рот, чтобы прокомментировать, но передумала.

Вдруг ТАРДИС тряхнуло, и раздался ужасающий визг, который резал всем слух. Доктор поднялся на ноги и подошёл к консоли, вцепившись в монитор.

— Мы сделали это, — сказал он. — Мы отстранили конец Покрова от Земли. Нет, постойте. «Отстранили» не подходит: звучит слишком... отстранённо. Оторвали? Нет. Отсосали! Мы отсосали Покров от Земли!

Уоррен стоял рядом с открытыми дверями, наблюдая за тем, как удаляется под ним планета.

— Как бы ты ни назвал это, что насчёт людей внизу, Доктор? — сказал он. — Они в безопасности?

Доктор кивнул.

— Покров отпустил их, чтобы питаться мной, — сказал он. — Однако некоторые щупальца только что отсоединились от моего мозга. — Он пробежал пальцами сквозь волосы, словно стараясь обнаружить их одним касанием. — И, кажется, я знаю, куда они делись...

В червоточине тридцать клоунов вцепились в другой конец цепи, чтобы удержать его и убедиться, что крюк на конце не вылетит из камня. Перед ними начал испаряться мерцающий портал, что позволило им увидеть за ним черноту космоса.

А потом внутрь стали вползать щупальца.

Это не были невидимые «ментальные щупальца», как их описывал Доктор, а физические усики из плоти пурпурного цвета, покрытые сочащимися присосками.

— Ладно! — крикнул Вилепоп. — Началось. Об этом предупреждал нас Доктор...

Щупальца атаковали, бросившись на клоунов и пытаясь обернуться вокруг них. Клоуны отбивались, хватая полированные мечи из чехлов для реквизита — мечи, которые больше привыкли к вонзанию в ящики с обаятельными помощницами внутри, чем к сражению, — но они делали своё дело.

Орма отрубила конец одного из щупальцев, когда оно направлялось к ней. Отсечённый наконечник упал ей на ноги и извивался на земле, выделяя вязкую розовую жидкость. Закрыв глаза, клоунесса подняла ногу и наступила на него.

Шлёп-Шлёп сжимал пилу, при помощи которой он в последний раз притворялся, что разрезал кого-то пополам. Он взмахнул зазубренный край на ближайший пурпурный аппендикс, засунув его глубоко в плоть. Тоннель вокруг них отозвался ужасным криком. После этого другое щупальце хлестнуло над головой и быстро обхватило горло Шлёп-Шлёпа. Прежде чем кто-либо успел прийти к нему на помощь, клоун оторвался от земли, развернулся в воздухе и был выброшен через конец тоннеля в черноту за его пределами.

Вилепоп зарычал от ярости и попросил приятеля-клоуна

бросить ему факел и бутылку горючего. Взяв полный рот жидкости, он выплюнул её сквозь пламя, выбрасывая огромное огненное облако, которое окутало виновное щупальце и сожгло его дотла за считанные секунды.

На некоторое время пурпурные усики отступили, колыхаясь в воздухе недалеко от рта тоннеля. Клоуны воспользовались возможностью перевооружиться.

Вилепоп растянул шею из стороны в сторону.

— Тебе конец, — рявкнул он извивающимся щупальцам. — Мы ещё сделаем из тебя клоуна!

— Вот! — сказал Доктор, прижимая кончики пальцев к своему пульсирующему лбу и указывая другой рукой на монитор. — Вот он, Венофакс!

— И что нам делать, когда мы доберёмся туда? — спросил Уоррен.

— Дай мне ещё раз этот носок, — сказал Доктор.

— Я выбросил его в мусорный бак, — напомнил ему Уоррен.

— Тогда дай мне другой.

Спустя мгновение ступня была отрезана от конца второго носка Уоррена. Доктор взял нектарин, предложенный Кларой, и сунул его в один конец носочного тоннеля, прямо как раньше, — однако на этот раз он скрутил другой конец в петлю, образовав окружность, и тоже сунул его на нектарин.

— Это как временная петля, или пространственная петля, — сказал Доктор. — Только червяная петля.

— То есть ты навечно заточишь Покров в ловушке? — спросила Мэй.

— Я пообещал найти ему другую планету, — сказал Доктор. — Я ничего не говорил о том, что отпущу его.

Бом!

— Монастырский колокол! — сообщил Доктор. — Мы вернулись к нашему последнему пункту назначения...

ТАРДИС начало бешено трясти из стороны в сторону, заставляя всех прильнуть к консоли, чтобы избежать падения на пол.

— ...и я думаю, Покров только что понял, что мы планируем сделать с ним.

— Как? — спросила Клара.

— Алло, — сказал с улыбкой Доктор. — Миллионы ментальных щупальцев вертятся в моей голове. Наверно, он нашёл папку с надписью «Коварные планы».

На этот раз ТАРДИС качнулась так сильно, что Уоррен и Мэй полностью потеряли равновесие.

— Ничего себе! — произнёс с удивлением Доктор. — Посмотрите на это!

Он побежал к выходу. Снаружи безумно крутился и извивался, подобно угрю, отчаянно пытавшемуся освободиться с крюка рыбака, пятикилометровый червь. Внизу по поверхности планеты пузырилось и пенилось изумрудное море.

Клара присоединилась к нему посмотреть на зрелище.

— Он не выглядит счастливым, — высказалась она.

— Я бы тоже не был, скорее всего, — сказал Доктор. — Если бы всё, что осталось у меня в качестве еды на оставшуюся жизнь, — это пенистый авокадный смузи. Однако стоит отметить, что авокадо невероятно хорош в подъёме уровня серотонина. Это натуральный антидепрессант.

Улыбка расплылась по лицу Клары.

— Ты собираешься накормить жидким антидепрессантом разъярённую живую червоточину, питающуюся негативными эмоциями?

Доктор подмигнул.

— Я хорош, правда?

Клара была вынуждена ухватиться за дверной косяк, когда ТАРДИС снова пошатнулась.

— Нет, если мы не найдём способ спустить его вниз, чтобы он поглотил планету, — крикнула она. — Сомневаюсь, что он

сделает это добровольно.

— Это я тоже предусмотрел, — засиял Доктор. Он развернулся и навёл звуковую отвёртку на выключатель микрофона на консоли.

— Снова привет, Пенни! — воскликнул он.

— Доктор! — ответил голос профессора Пенелопы Холройд. — Всё хорошо?

— Да, — сказал Доктор. — Ну, нет. Ну, вроде того. Трудновато объяснить, на самом деле. Послушай, я знаю, что с вашей точки зрения вы покинули нас пару минут назад, но вам уже удалось завести тот второй двигатель?

— Только что, — сказала профессор Холройд. — Мы вновь на полной мощности.

— Хорошо, — сказал Доктор. — Тогда мне интересно, не могли бы вы развернуться и вернуться помочь нам в кое-чём?..

Через несколько мгновений рация снова затрещала, когда в поле зрения появился космический корабль «Говард Картер».

— Во имя здравомыслия, что это?

— Это называется Покров, — сказал Доктор, побежав обратно к консоли и схватив микрофон рации. — И он был очень непослушным... эм, червём. Итак, вы можете схватить свободный конец своими передними клешнями и перетащить его вниз на планету?

— Я полагаю, нам это удастся, — сказала Пенни.

— Превосходно! — засиял Доктор. — Я только поставлю тебя на удержание, пока выхожу на связь с моей другой командой. — Он прикрыл микрофон рукой и улыбнулся. — У меня две команды!

Клара погрозила пальцем.

— Не зазнавайся.

Доктор натянул на себя серьёзное лицо и опять приподнял рацию.

— Приём, Вилепоп, — крикнул он. — Как у вас там дела?

Послышалось шипение, а потом из динамиков ТАРДИС издались звуки идущей битвы.

— Мы держимся, — ответил Вилепоп. — Но это непросто. Мы сражаемся тут с большим количеством щупальцев.

— Очень скоро будет ещё намного больше, — предупредил Доктор. — Но вы знаете, что делать с ними.

— Безусловно!

— Молодец! — воскликнул Доктор. — Конец связи. — Он развернулся на месте и помчался к дверям, чтобы выглянуть. Вдалеке он как раз мог разглядеть, что космический корабль «Говард Картер» колебался на дальнем конце Покрова. — Пенни! Поговори со мной...

— Мы захватили цель, Доктор, — сказала Пенни. — Но он пытается стряхнуть нас!

— Не волнуйся, — сказал Доктор, обернувшись и побежав обратно к пульту управления ТАРДИС. — Скоро буду с тобой. — Он кинул рацию Уоррену и настроил ряд дисков и переключателей. — Итак, сексуальная моя, — напел он временному ротору. — Как насчёт повертеться вокруг маленькой планеты под нами?

Потом он махнул вниз по рычагу полёта.

Покров завизжал, как только ТАРДИС быстро снизилась, обматывая противоположную сторону карликовой планеты, но шум вскоре приглушился, когда тело червя упало в воды пенистого зелёного моря.

— Будет немного напряжённо, — крикнул Доктор, когда ТАРДИС перелетела через вершины волн. Цепь растягивалась, и их движение замедлялось при приближении к другому концу Покрова, удерживаемого прямо над водой Пенни и её командой.

— Что же, Покрову не помешало бы сесть на диету, — сказала с улыбкой Мэй.

Доктор снова схватил рацию.

— Так, Вилепоп, вот и остальные щупальца... — Затем он закрыл глаза и вытолкнул их из своего разума.

Внутри Покрова клоуны смотрели, как два конца тоннеля сблизились всё ближе и ближе друг к другу.

Вдруг разверзлись отверстия с бурлящей массой новых щупальцев, и при виде их Вилепоп и его команда побросали оружие. Работая быстро, каждый клоун схватил по два щупальца из каждого конца червоточины и начал скручивать их вместе, в точности как они делали на родной планете с воздушными шарами для моделирования на сеансах терапии.

— Я не хочу от вас искусства, — приказал Вилепоп. — Никаких пуделей или жирафов — просто хорошие, прочные узлы! Эта штука должна оставаться связана очень долго.

Белые перчатки клоунов мелькали. Они скручивали щупальца вместе так быстро, как могли, резиновая плоть скрипела и сопротивлялась, прямо как подлинные воздушные шары.

— Кто-нибудь ещё заметил море? — спросила Орма, бросив одну пару щупальцев и живо хватая другую.

Вилепоп опустил взгляд на зелёную пенистую воду, омывавшую его великоватые ботинки.

— Не переживай, — сказал он. — Доктор обещал вытащить нас отсюда.

Снаружи послышался всплеск, когда отпустили и бросили в воду дальний конец цепи. Вилепоп повернулся к двум рослым клоунам по другую сторону машины.

— За мной.

Втроём они перескочили через промежуток от одного конца червоточины к другому. Они вместе вытащили тяжёлую цепь из моря и вбили свободный конец глубоко во внутреннюю кожу Покрова.

— На тот случай, если некоторые узлы не удержат щупальца, — объяснил клоун.

Когда они воссоединились с красноносими коллегами, тоннель начал вибрировать и раздражённо хрипеть с эхом, как цирковой слон с плохой грудью. Постепенно

запульсировала в поле зрения синяя будка.

Дверь открылась, и силуэт в свете, сиявшем изнутри, дотянулся поправить свою бабочку.

— Кого-нибудь подбросить?

ТАРДИС материализовалась рядом со сценой в подземном театре.

Вилепоп открыл дверь и вышел, чтобы быть встреченным его друзьями.

— Он сделал это! — обратился он обратно к кораблю. — Мы вернулись на Семтис!

Другая дверь распахнулась, и клоунская машина выползла наружу, как раз уместившись в проёме. Он припарковался у разноцветного вигвама, и изнутри стала вылезать длинная очередь клоунов.

Доктор, Клара, Мэй и Уоррен присоединились к Вилепопу снаружи ТАРДИС.

— Мне очень жаль насчёт Шлёп-Шлёпа, — сказал Доктор, пожимая руку клоуна.

Вилепоп улыбнулся, слёзы потекли по его щекам и размазали грим.

— Он был храбрым человеком и хорошим клоуном, — сказал он.

Начала играть музыка. Группа взглянула, в то время как другого Желаящего ввели на сцену и начался сеанс терапии.

— Именно Шлёп-Шлёп настоял на том, чтобы попробовать помочь людям, на которых напал Покров, — сказал Вилепоп.

— И он сделал это, — сказал Доктор. — Он помог бесчисленному количеству людей здесь и миллиардам на Земле. Вам никогда не следует забывать его.

Вилепоп улыбнулся.

— Не забудем.

Мэй и Клара попрощались с клоунами, после чего Доктор повернулся к дверям ТАРДИС.

— Вперёд, банда, — сказал он и хихикнул себе под нос. — Банда!

— Пожалуй, я останусь, — сказал Уоррен.

Доктор приподнял бровь.

— Правда?

Уоррен вытащил из кармана монету и хотел было бросить её, но вместо этого просто передал Доктору.

— Я уверен, — сказал он. — Тут необходимо много работы, и я считаю, что могу помочь.

— Это твоё решение, — сказал он. — О, и думаю, тебе очень пригодится это... — Он потянулся внутрь дверного проёма ТАРДИС и схватил «Ещё раз с чувством».

— Спасибо, Доктор, — сказал Уоррен. — Он поднял взгляд, когда Орма подошла к нему сбоку и взяла его за руку.

— Когда два человека в деле, работа идёт гораздо лучше, — прокомментировал Доктор. Затем, оглянувшись в последний раз, он провёл Мэй и Клару обратно в ТАРДИС и закрыл двери.

Уоррен, Вилепоп и другие клоуны смотрели, как синяя будка исчезает со скрежещущими двигателями.

— Нам надо будет придумать новое имя для тебя, — сказал Вилепоп. — Уоррен Скит — имя неплохое, но улыбок оно не вызовет, когда народ услышит его.

Уоррен пожал плечами.

— Дети в школе всегда называли меня Москитиком...

Вилепоп ухмыльнулся.

— Идеально!

Глава 16

Выдохнув, генерал Харли Б. Уэст присел. Он был без формы и в кровати, но кровать была не его. Он находился в больничной палате.

— Сестра! — выкрикнул он. — Сестра!

На стуле рядом с кроватью двинулась фигура, просыпаясь от глубокого сна. Ею оказался капитан Китинг.

— Китинг! — выплюнул генерал. — Что всё это значит?

— Не вставайте, — крикнул Китинг, помогая генералу снова прилечь. — Врач сказала, Вам нужно как можно больше отдыха.

Генерал нахмурился.

— Правда?

— Определённо, — сказал капитан Китинг. — Особенно после всей Вашей трудной работы по избавлению страны от тех лиц.

— Они пропали?

— Всё благодаря Вам, сэр, — сказал Китинг. — Подождите здесь — кажется, я слышу снаружи доктора. — Он выскочил через дверь в палату.

Генерал Уэст откинулся в подушки. Он сам избавился от лиц? Целая атака русских отражена его рукой? Тогда почему он не мог ничего из этого вспомнить? Он должен был вернуться в свой кабинет и прочитать документы. Стянув одеяло, он свесил ноги с кровати.

— Генерал Уэст? — громко раздался женский голос. — Что это Вы делаете? — Доктор Маири Эллисон подошла к постели со строгим выражением лица.

Генерал замер при повелительном тоне.

— Мне необходимо вернуться на работу, мадам, — сказал

он.

— Мадам? — воскликнула врач. — Не надо мне тут «мадам»! Я Ваш медицинский консультант, а Вам дано строгое указание не слезать с этой постели как минимум ещё два дня!

— Два дня? — загремел генерал. — Я не могу лежать здесь два дня! У меня есть работа.

— Вообще-то, сэр, у вас её нет, — сказал капитан Китинг.

— Какого чёрта ты несёшь, Китинг?

Доктор Эллисон обернулась к Китингу.

— Об этом я и говорила, — сказала она. — Потеря памяти как результат химической атаки.

Щёки генерала вспыхнули.

— Химической атаки? Какой химической атаки?

— Э-э... Химической атаки, которую запустили лица прямо перед тем, как Вы стёрли их с лица планеты, сэр, — сказал Китинг.

— Ах, да, — пробормотал себе под нос генерал Уэст. — Этой химической атаки. Конечно.

Доктор Эллисон взяла анамнез на кровати генерала и начала делать какие-то заметки. Генерал внимательно наблюдал за ней, мысли путались у него в голове.

— Знаешь, Китинг, — сказал он наконец. — Думаю, я заслуживаю отпуск после такого спасения ситуации. И я помню отчётливо это спасение.

— Сомневаюсь, что кто-либо в Вашингтоне откажет Вам в отпуске, сэр, — сказал капитан Китинг. — На самом деле, были разговоры о том, чтобы эта битва была вершиной Вашей карьеры. И ещё, если вы сейчас подадите в отставку, в Вашу честь даже могут устроить парад некого рода.

— Парад, говоришь? — сказал Генерал, поднимая голову. — С конфетти, как думаешь?

— Я бы сказал, что там практически наверняка будет конфетти, сэр.

Генерал Уэст с улыбкой откинулся на подушки. Отставка? Ну, ему несомненно причитались покой и отдых после всего, через что он только что прошёл. Он мог бы заняться охотой. Он всегда хотел надвинуть клетчатую кепку и провести выходные, стреляя по невинным лесным созданиям. В эти времена люди очень расстраиваются, когда ты пристреливаешь товарища-человека — даже русского, — но они поощряли тебя выстрелить из одностолки или двустолки в бок оленя. И к тому же, стоял вопрос о параде с конфетти...

— Да, — сказал он. — Может быть, я *подам* в отставку...

— Чудесно слышать, генерал! — сказал с улыбкой капитан Китинг. — Я могу Вам что-нибудь принести, пока Вы не передумали? Кофейку, возможно?

— О, да, — оживлённо сказал генерал. — Выпить кофе было бы замечательно.

Капитан Китинг присоединился к доктору Эллисон у подножия кровати, где генерал не мог увидеть, как она всовывает ему в руку маленький пузырёк успокоительного.

— Одна чашка кофе на подходе, генерал Уэст.

22 октября 1962

Доктор и Клара стояли в дверях ТАРДИС и смотрели, как Мэй приближалась к постели своей бабушки. Пожилая женщина открыла глаза и обрадовалась, увидев улыбающуюся ей внучку.

— Сколько ей осталось? — спросила Клара.

— Пара дней, — ответил Доктор.

— И поэтому ты согласился нарушить все свои правила о путешествии назад по чьему-либо временному потоку?

— Правила созданы для того, чтобы их нарушали, — сказал Доктор. — К тому же, Мэй из этого временного отрезка занята работой по газете в Вашингтоне и не может вылететь обратно. По крайней мере, пока я создал вре́менные помехи в радиолокаторах международного аэропорта имени Даллеса. Кто узнает?

Клара улыбнулась.

— Ты будешь знать.

— Постараюсь справиться.

Они некоторое время стояли молча. Мэй и её бабушка держались за руки и смеялись вместе.

— Как ты это сделал? — спросила Клара.

Доктор повернулся к ней.

— Что сделал?

— Вытолкнул Покров из своей головы. Там были миллионы щупальцев, и все они атаквали тебя. Как ты освободился от них, чтобы клоуны могли связать их вместе?

— Тем же путём, каким я их заманил туда в первую очередь, — сказал Доктор. — Думая о своих друзьях.

— Если для тебя твои друзья столько значат, то тебе очень повезло, — сказала Клара.

— Я знаю, — улыбнулся Доктор.

— Хочешь знать, о чём этот друг думает прямо сейчас?

— О чём? — спросил Доктор. — О том, что ты хотела бы быть повыше? Потому что я считаю, ты должна быть выше. Когда я тебя обнимаю, я чувствую твоё дыхание на моей груди. Это странно.

— Нет! — воскликнула Клара, игриво ударив Доктора по руке. — Я думаю, ты поймёшь, что я нормального роста. Это ты весь такой тощий и долговязый.

— Долговязый?

— Иногда кажется, что ты отражение в одном из тех кривых зеркал, — сказала Клара. Он развернулась и шагнула обратно в ТАРДИС. — Нет, мне интересно, плавают ли по вселенной другие гигантские Покровы.

Доктор улыбнулся самому себе, потом он раскрыл глаза, когда слова Клары наконец дошли до него. Он открыл рот, чтобы позвать Мэй в ТАРДИС, но потом приостановился. Выловив монету Уоррена из своего кармана, он подбросил её и проверил результат.

— Решка, — сказал он себе. — Не стоит спешить.

30 сентября 3006

Бев Сэнфорд зашаркала вперёд вместе со всей очередью ко входу на Президентскую палубу, безуспешно пытаясь удалить липкий ценник со своего букета фрешблумов™. Эти штуки должны легко сниматься, но такого никогда не происходило. Теперь дешёвый пластик, обёрнутый вокруг искусственных стеблей, выглядел хуже, чем раньше. Женщина перед ней держала красивый букет из белых роз и лилий. К тому же, они были настоящими. Где, чёрт возьми, она достала их на станции Эпсилон? Уж точно не легальным путём.

Бев побывала утром в трёх отдельных киосках с распродажами — во всех из них закончились фрешблумы™, — прежде чем прибегнула к последнему букету в корзине за заправочной станцией андроидов. Конечно, если Джефф потрудился бы поднять свою ленивую задницу с кровати, то он мог бы первым делом отвезти её в гипермаркет на торговом ярусе.

Она пригласила его к себе только потому, что не хотела оставаться вечером одной. Конечно, он не помнил, но ровно год назад её мама проиграла битву с раком, и Бев провела целый день на работе с таким чувством, что она была вне своего тела и заглядывала внутрь. Казалось, все вокруг неё продолжали жить своей жизнью, словно это был просто очередной день, и она смирилась с тем, что для них это так и было.

Ей было нужно отвлечься, провести вечер весело. В итоге, однако, она лишь получила холодное синтомясо с собой (за которое она заплатила сама), короткую исповедь под бутылкой переработанного вина и частичный просмотр второй серии «Крупнейшие аварии подов» на видеодиске Джеффа, пока его храп не стал означать, что она больше не могла слышать происходящее на экране.

Он был всё ещё в отключке, когда она включила радио утром, чтобы скоротать время за автонагреванием кофе. И тогда-то она и услышала новость. Злоумышленники проломили защиту и застрелили президента Винцу насмерть. Она недавно объявила о принятии мер по незаконным азартным играм и контрабанде на Эпсилоне, и вот как отреагировало отродье, которое она хотела убрать с палуб.

Бев уже была почти в начале очереди. Женщина с розами извлекла в добавок к ним белого плюшевого мишку и занялась написанием сообщения в соответствующую открытку «С соболезнаваниями». Ещё больше продуктов с чёрного рынка, но никто о них ничего не скажет. Не сегодня.

Цветы у входа на Президентскую палубу были уже высотой в несколько футов, и, к счастью, многие из них выглядели так, будто их раскупили в последние минуты распродажи в киоске. Она подождала, пока женщина с розами не осуществила подношение, после чего она наклонилась, чтобы добавить собственные цветы к уже лежавшим букетам.

Она как раз собиралась уходить, когда заметила лицо в букете, который находился за её цветами. Мишка той женщины с розами прижал цветы и смял лепестки вместе таким образом, что они выглядели, как... Нет, не может быть!

Лицо обернулось к ней, затем открыло свой рот и заговорило.

— Беверли!

Бев уставилась со слезами, коловшими глаза.

— Мама?

Благодарности

Большое спасибо Джастину Ричардсу за приглашение написать эту книгу, и моей семье за то, что терпели меня в процессе. Также спасибо лучшим друзьям по «Доктору Кто» Марку Райту и Кавану Скотту за их поддержку и воодушевление в те дни, когда мне казалось, что я утратил способность связать два слова вместе. Но особая благодарность Беверли Сэнфорд, которая следила за написанием истории, чтобы та имела некий смысл.